

Ричард Карлайл

Различные статьи 1819-1826 годов.

Письмо «Обществу по борьбе с пороками»: об их злонамеренных попытках воспрепятствовать свободному поиску истины и разума (1819)	2
Обращение к мужам науки (1821).....	9
Жизнь Томаса Пейна (1821)	44
Характер иудейских книг (1821).....	66
Книга каждой женщины, или Что такое любовь? (1826).....	73
Свод материализма (1826).....	94
Френология (1826).....	96

Письмо «Обществу по борьбе с пороками»: об их злонамеренных попытках воспрепятствовать свободному поиску истины и разума (1819)

Объединившимся преследователям,

Тот ядовитый и злобный дух, который вы столь явно проявили за то короткое время, за которое вы обратили свое внимание на мои издания, избавляет меня от необходимости приносить какие-либо извинения за обращение к вам в открытом письме.

Заточив меня в стены тюрьмы, мне кажется, я вижу, как по вашим щекам скользит демоническая улыбка с пылающим выражением: «Мы его сокрушили». — Не будьте слишком оптимистичны; какими бы слабыми ни были мои усилия по распространению тех принципов, на которых (согласно моим скромным представлениям) должна основываться истинная мораль и добродетель, ни страх тюремного заключения, ни страх смерти не остановят меня в моей настойчивости. Что это за религия, которую вы исповедуете, что так пугаетесь каждой попытки исследовать её достоинства? Какова основа вашей мнимой морали и добродетели, если вы выказываете страх остаться обнаженными, подобно тому, как ветер обнажает стебель пушистого одуванчика? Что это за призрачная вера, в которой вы, как утверждаете, строите свои будущие надежды, если вы боитесь последствий исследования её вашим собратом-смертным? На какой почве возведены те государственные и диссентерские религиозные кодексы, которыми вы похвалаетесь (и которые, как вы заявляете, намерены поддерживать, заключая в тюрьму и наказывая тех, кто попытается проверить их основы), если даже небольшая книга, исследующая их происхождение, колеблет их в самом центре и грозит полным уничтожением? Остановитесь! О вы, заблудшие и вводящие в заблуждение лицемеры, и я предложу вам сделку. Но какую? Будет ли это пример того рода, когда многие лица, обвиненные вами в продаже того, что и вы, и я считаем непристойными и предосудительными книгами и гравюрами, не раз удовлетворяли ваши «добродетельные» сомнения денежной мздой? Скажите на милость, неужели уплата мною всех расходов, понесенных вами в ходе этого преследования, насытит тот аппетит, который питается добродетелью, в то время как лживо прикрывается искоренением порока? Ваш ответ — да? Я презираю его. Ничто, кроме честного изложения взглядов обеих сторон, не заставит меня пойти на компромисс в этом важном вопросе. Это стало еще более важным, потому что подхалимское и лицемерное общество — эта банда изысканных разбойников — пытается раздавить его в зародыше. Нет, компромисс, на который я пойду с вами, будет таким: либо вы

откажетесь от преследований, начатых против меня, либо я разоблачу ваши цели во всем их безобразии. Хотя вы, подобно наемным убийцам, стараетесь скрыть и свои имена, и свои намерения, используя в качестве своего орудия алчного законника,¹ всё же общество в целом, которому ваши ложные притязания принесли больше вреда, чем пользы, поможет мне изобразить вашу шайку в её истинных красках.

Приложив все возможные усилия и изыскания, я так и не смог получить список ваших имен; мне дали понять, что подобные списки не публиковались уже много лет. Похоже, что в ранний период существования вашего учреждения вы регулярно публиковали свои имена, но бесчестье, которое в последнее время сопровождает ваши действия, удержало вас от продолжения этой практики. Поскольку высшее доказательство добродетели являет себя в те моменты, когда она оказывается в когтях порока, я призываю вас продолжать ваши преследования. Но давайте разберем, как именно обстоит вопрос между нами. Я опубликовал книгу, содержание которой вы объявляете нечестивым, богохульным и кощунственным, направленным на то, чтобы навлечь бесчестье на христианскую религию. Я же отвечаю: этот труд не заслуживает выдвинутых против него обвинений и не имеет иной цели, кроме как дискредитировать религии, не опирающиеся ни на человеческий разум, ни на божественный авторитет.

Если бы вашими советами руководило что-либо, кроме мстительной злобы, вы бы дождались того часа, когда я предстану перед судом присяжных из моих соотечественников, дабы по их вердикту получить награду или наказание. Но нет! «Общество подавления порока» не в силах подавить собственный аппетит к свирепой расправе; оно хватает свою жертву, вырывает человека из лона любящей и убитой горем семьи и в течение двух часов водворяет его в стены Ньюгейтской тюрьмы. За что? За поступок, который — является он правонарушением или нет — есть лишь вопрос частного мнения. Эта публикация не может навредить никому, кроме тех сводников, что жируют на жизненных силах своей страны. Я допускаю, что книга может показаться оскорбительной для некоторых, но только не для добродетельной и благонамеренной части общества; она оскорбляет лишь тех, кто заинтересован в поддержании коррупции и злоупотреблений системы, при которой мы живем.

Похоже, вы следуете тем же курсом, который избрал против меня генеральный атторней Шепард в 1817 году в деле о «Пародиях»;² то есть, вы не надеетесь добиться

¹ Причард с Эссекс-стрит, что на Стрэнде, чьи клерки и жильцы используются этим Обществом в качестве доносчиков.

² Автор этого письма провел восемнадцать недель в тюрьме Кингс-Бенч за переиздание «Пародий» и так и не был предан суду; именно он бросил вызов генеральному атторнею, требуя представить «Пародии» на суд присяжных, что привело к столь величественному и благородному результату.

обвинительного вердикта присяжных против самой работы и стремитесь насытить свою мстительность наказанием еще до начала суда.

Я сомневаюсь, что хоть кто-то из вас, подстрекавших к этим преследованиям, когда-либо читал богословские труды **Томаса Пейна**. Ибо если бы вы прочли их и обладали малейшим представлением о пороке и добродетели, вы не нашли бы в них ничего порочного — ничего, что входило бы в сферу вашей деятельности как обвинителей.

Разве в вашем «Обществе» нет священников? Почему бы вам не заставить их написать том такого же объема, чтобы опровергнуть аргументы и утверждения Пейна? Я обещаю продавать их книгу вместе со своей. Неужели среди вас нет ни одного епископа, который мог бы вновь попытаться сделать то, что тщетно пытался совершить Уотсон? Позор! Не стремитесь уничтожить мечом извращенного закона то, что столь многие епископы и клирики столь хорошо подготовлены сокрушить силой аргумента и разума. За что они получают столько тысяч из общественных средств? Для чего существуют наши университеты и колледжи, и тысячи священников, кичащихся академическим образованием? Не для того ли, чтобы подкреплять доводами, интеллектуальными рассуждениями и в честном споре те догматы и учения, которые они проповедают и в которые заставляют нас верить? Позор, говорю я вам снова! Подстегните их, не позволяйте горстке самоучек посрамить их ремесло. Им придется либо сделать это, либо вновь поднять обгащенное кровью знамя креста и насаждать свои доктрины мечом.

Христианство, подобно материальному миру, имело свой рассвет и расцвет, а ныне переживает упадок; разница лишь в том, что для него нет надежды на возрождение или оживление. Тщетны будут попытки противопоставить его человеческому разуму. Пресса, этот грозный артиллерийский парк, продолжит вести свой разрушительный огонь по суевериям, фанатизму, по религиозному и гражданскому деспотизму; и кто сможет остановить ее ход?

Слушайте же, сеятели теологических раздоров, и трепещите, когда я скажу вам: в вас живут те же склонности, что и в ваших предках, разжигавших костры Смитфилда. Если бы общественное мнение позволило это, вы бы потащили меня на костер с тем же удовлетворением, с каким затащили в тюрьму. Оставляя при себе до более удобного случая дальнейшие замечания о вашем характере, поведении и целях как Общества, я позволю себе обратить ваше внимание на труд, недавно опубликованный в Лондоне под названием «**Принципы природы**» Элиу Палмера. Первую главу этой книги я привожу здесь в качестве образца, который — за исключением нескольких первых фраз — в точности применим к нашему с вами положению.

ПРИНЦИПЫ ПРИРОДЫ, Элиу Палмер

Сила разума, его долг и препятствия, стоящие на пути его прогресса.

Источники надежды и утешения для рода человеческого следует искать в энергии его интеллектуальных сил. С ними должно быть соотнесено любое конкретное улучшение жизни; и всё, что препятствует прогрессу этой силы, несомненно, находится в самом остром противоречии с высшими и важнейшими интересами нашего вида. Органическое устройство человека позволяет сделать твердый вывод о том, что невозможно установить пределы его моральному и научному совершенствованию. Вопрос о природе и субстанции человеческого разума имеет гораздо меньшее значение, чем вопрос о широте его мощи и способностей, а также о многообразии способов их благотворного применения. Сила человеческого понимания неисчислима; острота его пронизательности в конечном итоге позволила бы ему проникнуть во все тайны природы, если бы ему было позволено действовать с неограниченной и безусловной свободой. Именно потому, что это возвышенное начало в человеке постоянно подвергалось гнусным нападкам и омерзительной клевете со стороны суеверия, его нравственное бытие оказалось погребено в пучине невежества, а интеллектуальные силы были осквернены свирепой и нечистой рукой фанатизма. Хотя мы наделены способностью к возвышенным размышлениям, до сих пор считалось преступлением — мыслить, и еще большим преступлением — высказывать свои мысли после того, как они зародились. Деспотизм вселенной объявил войну силе человеческого разума и на протяжении многих веков успешно подавлял его устремления, однако природная энергия этого бессмертного свойства человеческого бытия не могла долго сдерживаться столь чуждыми и унижительными оковами. Разум сокрушил стены своей темницы, исследовал землю, открыл свойства составляющих её частей, проанализировал их природу и дал им четкую классификацию и упорядоченность. Не довольствуясь земными изысканиями, интеллект покинул твердь и отправился на поиски знаний в небесные сферы. Небеса были изучены, звезды сосчитаны, а вращение планет подчинено математическому расчету. Вся природа стала театром человеческой деятельности, и человек в своем безграничном и пламенном порыве попытался объять вселенную. Такова была природа его способностей, такова их сила и пыл, что надежды и предвосхищения стали абсолютными и беспредельными. Второстепенные объекты в огромной массе сущего были разложены на составляющие, а сущностные особенности их различных натур описаны с поразительной точностью. Оказавшись посреди мира физических чудес и достигнув определенных успехов в аналитическом разложении материальных субстанций и определении положения вращающихся орбит, человек начал обращать свои силы к тонким исследованиям сокровенных свойств своего ментального бытия. Здесь мощи его талантов противостояли тьма и трудность предмета; и суеверие, вечно готовое остановить и уничтожить нравственный прогресс, воздвигло на пути бесчисленные преграды. Сметенный с толку разум нашел эту часть системы

природы менее доступной, чем физическую вселенную, чьи явные различия поражали воображение и давали ясные ориентиры. Говорят, что невежество и варварство прошлых веков служат грозным свидетельством немощи наших умственных способностей и безнадежного положения человеческого рода. Если обратить взор назад, чтобы через долгую ночь времен признать бедствия и невежество нашего вида, то, без сомнения, найдутся веские причины для скорби; однако мужество возродится, когда будет явлена энергия разума и наглядно показаны те улучшения мира, которые уже были достигнуты. Для человека недостаточно просто признать наличие у него интеллектуальных сил; необходимо также, чтобы эти силы развивались, а их мощь направлялась на поиск верных принципов и их полезное применение в общественной жизни. Заблуждения, зло и пороки существуют повсюду, и ими мир постоянно доводился до несчастья; история человечества преподает ужасающие уроки и потрясает чувства любого человеческого существа. Свирепое неистовство деспотизма разрушило гармонию общества; неумолимая жестокость суеверия разорвала тончайшие нити, связывавшие сердца разумных существ. Оно скрыло под своим мрачным покровом все моральные свойства нашего существования и погребло в могиле невежества и ужаса самые возвышенные устремления и чистейшие привязанности человеческого ума. Таким образом, на разум возложен важный долг, и отступление от его верного исполнения должно быть причислено к преступлениям, которые более всего опозорили мир и нанесли ущерб его благоденствию. Если немногие филантропы, посвятившие себя делу гуманности, не получили достойного вознаграждения, тем не менее истинно то, что принцип и сила долга остаются неизменными, нерушимыми и не подлежащими отмене. Именно поиск и распространение истины должны занимать внимание человека и вызывать мощную активность его ума.

Природа древних институтов, вместо того чтобы служить доводом против активности ума, должна рассматриваться как двойной стимул. Эти институты представляют собой столь полное отречение от каждого справедливого и верного принципа, они столь разрушительны в своем действии и последствиях, что ничто, кроме мощного и энергичного движения человеческого рассудка, не будет способно их низвергнуть.

Вся земля превратилась в жалкую обитель невежества и страданий — и виной этим ужасным последствиям стали жрецы и тираны. Эти привилегированные чудовища поработили мир, разрушили общественный покой и созидательный труд, совершив самое гнусное из всех ограблений — они лишили человеческую природу её интеллектуального достояния, оставив после себя лишь запустение и бесплодную пустыню. Имена Моисея, Зороастра, Иисуса и Магомета прославлены в истории; но чем именно они прославились? Смягчили ли их установления дикую свирепость человека? Разработали ли они ясную систему принципов — нравственных, научных или философских? Поощряли ли они свободное и неограниченное действие разума? Напротив, не окутали ли их учения мраком самые

очевидные истины, не запретили ли они их исследование под страхом суровейших наказаний? Преемники и последователи этих людей с непоколебимым упорством придерживались пагубных уроков своих учителей. Это стало одним из мощнейших препятствий на пути к совершенствованию и по сей день грозит вечным проклятием всякому, кто посмеет подвергнуть сомнению истинность их догматов или божественность их систем.

Политическая тирания на земле вступила в сговор с этим сонмом религиозных деспотов, и любовь к науке и добродетели была почти изгнана из мира. Двенадцать веков моральной и политической тьмы, в которую была погружена Европа, почти завершили уничтожение человеческого достоинства и всего ценного и прекрасного в характере человека. В течение этой долгой и скорбной ночи невежества, рабства и суеверия христианство торжествовало; его доктрины и божественность не подвергались сомнению. Власть Папы, духовенства и церкви была всемогущей; ничто не могло сдержать их безумия, ничто не могло обуздать жестокость их фанатизма. С неистовым энтузиазмом они затевали самые кровопролитные и ужасающие крестовые походы, целью которых было отвоевать у неверных Святую землю. Считается, что в двух первых экспедициях, начатых и проводимых по благочестивому рвению христианской церкви, погибло семьсот тысяч человек, а в общей сложности число мертвых исчислялось миллионами — таковы были страшные плоды религиозного фанатизма, уповающего на помощь небес. Именно тогда человек утратил всё своё достоинство и опустился до состояния животного; именно тогда интеллект получил смертельный удар, от которого не мог оправиться вплоть до пятнадцатого века. С того времени и до сего дня прогресс знаний постоянно ускорялся; была провозглашена независимость разума, а препятствия на его пути постепенно исчезали. Церковь уступила часть своей власти, чтобы лучше удержать остальное; гражданская тирания была потрясена до самого основания в обоих полушариях; злоба суеверия утихает, и всякого рода шарлатанство, обман и самозванство отступают перед светом и силой науки. Началась великая битва, которая должна завершиться либо сокрушением тронов и гражданского деспотизма, уничтожением церковной гордыни и господства, либо, в противном случае, разум, наука и мужественная добродетель будут раздавлены в общей руине, и мир откатится назад к состоянию невежества, варварства и нищеты. Последнее, однако, представляется событием почти невозможным благодаря изобретению книгопечатания, расширению кругозора и всеобщему приумножению знаний. Церковь и государство могут объединиться, чтобы воздвигнуть непреодолимый барьер против распространения мысли, нравственного прогресса народов и природного счастья; но пусть помнят: гарантия морального и политического освобождения уже заложена в архивах каждой школы и колледжа, в умах каждого образованного и просвещенного человека во всех странах. Отныне любые попытки вернуть мир в то состояние рабства, ужасающую картину которого рисует нам история прошлых веков, будут тщетными и бесплодными. Преступления церковных деспотов всё еще разъедают жизненно важные органы человеческого общества;

суровость гражданской власти никогда не будет забыта. Пагубное влияние древних институтов научит нас искать в природе и познании её законов те принципы, чьё действие одно лишь способно освободить мир от ужасного рабства. Если в последующих главах нам удастся искоренить значительную часть человеческих заблуждений и утвердить некоторые прочные истины, наш труд послужит делу постепенного совершенствования человеческого рода, что для просвещенного ума является соображением самым благотворным и важным.

Я полагаю, господа, коль скоро вы вознамерились искоренять определенные вероучения наравне с пороками, каждый из вас обязан внимательно ознакомиться с данным трудом, частью и образцом которого является этот текст. Это сочинение я высоко ценю, а следовательно, оно требует и вашего внимания.

Надеюсь, я буду иметь удовольствие продать несколько экземпляров этого труда вашему Почтенному обществу; и мне совершенно безразлично, послужит ли это поводом для судебного преследования или нет, ибо я разделяю мнение Пейна о том, что при дурном правительстве преследование хорошей книги идет ей только на пользу.

Остаюсь, господа,

Вашим решительным оппонентом,

Р. КАРЛАЙЛ

Обращение к мужам науки (1821)

... с призывом выступить вперед и защитить Истину от гнусной хватки и гонений Суеверия, и стяжать для острова Великобритании благородное имя «Средоточия истины». Откуда род человеческий будет просвещен, а черные и тлетворные тучи преследований и суеверий — изгнаны с лица Земли; как единственный верный залог всеобщего мира и согласия между людьми. В котором на их суждение выносятся очерк надлежащей системы воспитания юношества.

Джентльмены,

Обращаясь к столь выдающимся и значимым представителям нашего общества, я считаю своим долгом заявить, что сам не являюсь приверженцем опытной науки. За всю мою жизнь, если не считать обыденных занятий прошлых лет, я ни разу не был свидетелем научного эксперимента ни в области химии, ни в области натуральной философии; всё, чем я владею, за упомянутым выше исключением, почерпнуто мною исключительно из книг и размышлений. Первая часть моего обращения будет посвящена преимущественно тем ученым мужам, которые посвятили себя изучению и практике химии и астрономии. Я намерен указать им на то, что долг, здравый смысл и обычная честность обязывают их открывать человечеству — и в особенности своим соотечественникам — любые сделанные ими открытия, дабы доказать, что прочие следуют ложным путем или пребывают в плену системы обмана. Я со всей очевидностью продемонстрирую, что до настоящего времени они пренебрегали этим долгом и открыто потворствовали системам заблуждений и шарлатанства — либо потому, что с ними были тесно связаны государственные институты, либо из опасения оскорбить лиц, извлекающих из этого несправедливую прибыль.

В другой части своего труда я покажу, что нынешняя система воспитания детей зиждется на совершенно ложном основании, а годы их юности растрачиваются столь безрассудно, что к моменту достижения зрелости они остаются в состоянии относительного невежества. Я докажу, что если бы в школьных упражнениях, помимо чтения, письма и счета, их знакомили исключительно с основами астрономии, географии, естественной истории и химии — дабы они могли еще в раннем возрасте сформировать верные представления об организованной и инертной материи, вместо того чтобы истязать их разум метафизическими и непостижимыми религиозными догматами, о которых они не могут составить иного представления, кроме как о явной нелепости и противоречии. Подобный подход подготовил бы их к гораздо более значительным успехам в искусствах и науках и позволил бы им улучшить свое положение в обществе в несравненно большей степени, чем это возможно сейчас. Эти идеи не будут чисто теоретическими; их

осуществимость станет очевидной для каждого разумного существа или для всякого, кто позволяет себе вольность мыслить и рассуждать самостоятельно. Ежедневно возникают многочисленные новые планы и схемы образования, однако все те, о которых мне известно, грешат вышеупомянутой общей ошибкой. Ибо темы, на которых нашу молодежь учат читать и писать, равно как и те, посредством которых преподаются мертвые или современные иностранные языки, отнюдь не способствуют расширению кругозора и не дают знаний о Природе и её законах. Таким образом, упускается важнейшая возможность и фактически тратится впустую драгоценное время, в течение которого разум детей мог бы быть подготовлен к восприятию и познанию естественных и полезных истин. Чего стоят познания нынешнего школьника в так называемой классической литературе в сравнении с полезным наставлением в химии и законах Природы? Какую пользу приносит обществу в целом знаток классики или человек, искушенный в древних мифологиях — ведь в этом, в конечном счете, и заключается основная часть классического образования? Оно не придает лоска манерам и не учит морали. Оно лишь наполняет ум бесполезным жаргоном и позволяет его обладателю время от времени выступать с мишурной и напыщенной декламацией на полудюжине разных языков. Если бы эту декламацию перевели на один язык, и притом тот, который мы называем родным, она оказалась бы грудой невнятного и бессмысленного вздора — набором звучных слов, к которым трудно привязать какую-либо идею и в которых отсутствуют всякие здравые понятия. Такое образование делает человека лишь педантом. Подобных людей весьма метко называли «пустомелями, извергающими пену». Моя нынешняя цель — набросать очерк того, что представляется мне более поучительной и полезной системой образования. Я представляю этот очерк на суд Мужей Науки, исходя из убеждения, что каждый школьный учитель должен быть человеком науки, а не приходским священником, как того желал бы мистер Брум. Таков план моего второго раздела, который я надеюсь со временем развернуть со всей убедительностью.

В первом же разделе я начну с обращения к **химикам** нашего острова и закончу четким призывом к тем, кто изучает и практикует науку **астрономию**.

Среди всех успехов, достигнутых наукой за последние годы, наиболее выдающимися и важными для человечества являются достижения в области химии. Наши химики проявили себя как величайшие революционеры, ибо они незаметно и научными методами подорвали все церковные догматы, на которых до сих пор, казалось, целиком основывались нравы и обычаи общества. Любой вид материи был подвергнут разложению, а его элементарные свойства исследованы с помощью тиглей, огня или гальванических батарей; нам было наглядно и научно явлено, каким образом Природа осуществляет свои процессы распада и возрождения. Насколько мне известно, лишь одно из природных явлений остается неизученным — это свойства электрической жидкости или истинная причина солнечного света и тепла. Я не теряю надежды на то, что эта тайна будет раскрыта, и возлагаю на это

тем большее упование, что это немедленно приведет к познанию причины нашего существования, равно как и существования любой животной и растительной субстанции. Это раскроет причину и процесс, посредством которого косная материя становится организованной, и то, как все многообразные красоты природы пробуждаются к жизни. Впрочем, на данный момент мы знаем уже достаточно, чтобы иметь право отвергнуть все жреческие космогонии; мы знаем достаточно, чтобы ни во что не ставить представление о том, что планетная система Вселенной существует всего лишь шесть тысяч лет. Мы знаем, что **материя вечна и неразрушима**, ибо, хотя обыденному уму и кажется, будто огонь уничтожает горючее вещество, на самом деле это не так: после того, как любая субстанция пройдет через самое яростное пламя, совокупность её составных частей продолжает существовать в прежнем объеме. Огонь лишь разделил их и изменил их взаимное расположение; они рассеиваются в газообразном состоянии и вновь готовы к природным процессам, чтобы соединиться с каким-либо новым живым и растущим организмом, с которым их свойства могут ассимилироваться.³ Мы знаем, что планетная система Вселенной существовала вечно в прошлом и должна существовать вечно в будущем. Пусть даже та солнечная система, частью которой является наше обиталище, или же иные звездные системы претерпят великие потрясения — последствия их будут подобны выпавшему с нашей головы волосу и, можно сказать, ничуть не возмутят покоя великого целого.

Вместо того чтобы мнить себя исключительными и пристрастными объектами попечения великого Божества или принимать догматы жрецов, учащих нас, будто всё сущее было создано для удобства и пользы человека, а сам человек — по точному образу и подобию Божьему, нам следует рассматривать себя лишь как **атомы организованной материи**. Наши радости и страдания, наше существование в этой телесной оболочке или его прекращение — всё это не имеет ни малейшего значения для законов и деяний Природы. Нам должно взирать на самих себя с тем же чувством, с каким мы смотрим на древесный лист, что распускается весной и опадает осенью, дабы затем лишь удобрить землю для новых всходов. Мы должны видеть в себе майский цвет, чье великолепие и краса мимолетны и часто в то же самое мгновение безвременно обрываются порывом ветра. В масштабах Природы мы значим не более, чем мириады тех крошечных существ, чей природный век длится не более часа или мгновения. Мы являемся и исчезаем, подобно облаку или краткому дождю; те же из нас, кто наделен блеском, превосходящим других, подобны радуге — лишь предмету минутного восхищения и мимолетной памяти. Человека весьма метко сравнивали с временами года: **Весна** в нашем климате — это

³ Последняя часть этого предложения может показаться нелепой, будучи обращенной к химии или человеку науки, но вполне вероятно, что это «Обращение» будет прочитано кем-то, кто не вполне постигает утверждение о том, что материя нетленна и неразрушима; посему автор взял на себя смелость привести это краткое пояснение. Он признается, что всего три года назад сам был поражен этим утверждением и вопрошал того, кто его высказал: неужели огонь не уничтожает материю?

его младенчество; **Лето** — пора пылкой мужественности; **Осень** — закат дней; **Зима** — старость и смерть. Он уходит, и за ним следует новый цикл. Человек рожден себе подобными и сам порождает подобных себе, и так сменяется одно поколение за другим — из вечности в вечность. Сколь же нелепы тогда мысли о божественных откровениях, о пророчествах и о чудесах, творимых ради обращения людей в подобную веру! К какому поколению они обращены? И если они обращены ко всем будущим поколениям, то почему те же самые откровения, пророчества и чудеса не были необходимы всем поколениям минувшим? К чему все догматы жрецов о кончине мира, о воскрешении из мертвых, о дне судном, о Рае и Аде, о наградах и наказаниях после жизни, коль скоро мы утверждаем, что **материя вечна и неуничтожима** — что она всегда была тем, чем является ныне, и всегда пребудет неизменной? Дайте ответ на это, о жрецы! Выйдите же вперед, мужи науки, и поддержите эти очевидные истины, что столь же привычны вашему уму, как простейшие математические доказательства — уму искушенному в математике. Будущие награды и наказания превозносятся как необходимая доктрина, призванная воздействовать на умы людей и удерживать их от порока. Но насколько более впечатляющей и понятной была бы простая и ясная истина: в этой жизни добродетель порождает счастье, а порок — лишь неизбежные страдания.

Прочь же нелепую идею и жреческую догму о бессмертии! Прочь презренное представление о том, что наши кости, мышцы и плоть вновь соберутся воедино после того, как они сгнили и испарились, ради некоего воскресения к вечной жизни. Прочь мысль о том, что мы обладаем сознающей душой, существующей отдельно от тела и выживающей после его распада! Всё это — лишь пугало, всё это — жреческий обман. Химик способен подвергнуть человеческое тело анализу и за считанные минуты вернуть его в первоначальное газообразное состояние. Его тигель и пламя или же его гальваническая батарея заставят плоть испариться, не оставив ни крупницы субстанции или твердой материи. И этот химический процесс есть лишь предвосхищение или ускорение трудов самой Природы; ибо всю Вселенную можно было бы метко назвать великим химическим аппаратом, в котором непрерывно и постоянно совершаются химический распад и химический синтез.⁴ Тоже самое

⁴ В письме из Демерары от 24 октября 1821 года описывается необычайный случай той неистовой силы, с которой действует молния при внезапном разрыве электрических облаков. Это произошло на борту судна под названием «Сьюзен» во время плавания из Нью-Брансуика в Демерару. 16-го числа, когда все матросы находились на рее фор-марселя, опасная стихия с ужасающей силой ударила в судно, пройдя через клинья фок-мачты. В одно мгновение мачта была снесена на высоте восьми футов над палубой вместе со всеми, кто был наверху; грот-стенга и утлегарь разлетелись в щепки. Молния также пробила судно в правой скуле, вырвав две доски у самой палубы. Один из членов экипажа был в некотором роде уничтожен этой стихией: от него не осталось и следа, кроме пятен крови на парусах и такелаже. Остальные в той или иной степени пострадали при падении мачты и снастей.

Наблюдения. В данном отчете остается неясным, был ли человек выброшен за борт или же растворен, превращен в газ или испарен мощью и силой электрического флюида. Сообщение подразумевает именно последнее, а возможность подобного хорошо известна химикам и прочим исследователям, проникающим в тайны природных процессов. Здесь

можно сказать и про любое организованное тело, сколь бы великим или малым оно ни было; его движения порождают непрерывный химический анализ и синтез, постоянную перемену, так что **мельчайшая частица материи** руководствуется теми же законами и исполняет то же предназначение, что и великое целое. Вот она, истинная гармония! Лишь человек, кажется, являет собой исключение из-за своего порочного поведения и развращающего нрава. Приписывая себе качества или значимость, на которые он не имеет права, и притязая на обладание сверхъестественными силами, он творит столь причудливые безумства, что вносит разлад во всё, на что простирается его влияние, и ведет бесконечную войну с Природой и её законами.

После этих кратких замечаний о свойствах материи — как организованной, так и инертной (с чем, я уверен, согласится каждый химик в стране, чьи познания превозмогли косность его воспитания), я призываю всех их и каждого в отдельности выйти вперед и наставить человечество на путь этих важных и простых истин, столь ясных и привычных их собственному разуму. Только человек науки способен вести войну против священнослужителя так, чтобы заставить его умолкнуть навсегда. Долг человека науки — воевать со всяким заблуждением и обманом, иначе к чему его труды? Зачем изучает он привычки, обычаи, нравы и идеи человечества, как не для того, чтобы отделить истину от лжи, придать сил первой и искоренить последнюю? Зачем он исследует Природу и её законы, если не для того, чтобы принести пользу себе и ближнему своими открытиями, сокрушением ложных идей и утверждением верных принципов? Науку более нельзя изучать лишь ради забавы или времяпрепровождения, как это слишком часто бывало доселе; её должно призвать на битву с суевериями, пороками и слишком укоренившимся развратом человечества, из коих проистекали все прошлые и нынешние беды; и пока не будут уничтожены первые, вторые неизбежно будут следовать за ними, согласно незыблемому закону причины и следствия.

Очевидно, что до сего времени люди науки слишком раболепствовали перед установившейся **тиранией монархии и жречества**. В большинстве своем они переняли некоторые аристократические отличия эпохи и поддерживали обман человечества, разоблачать который было их прямым долгом. Это дало повод защитникам суеверий выставлять в качестве авторитетов для своих догматов имена **Бэкона, Ньютона, Локка** и многих других. Они твердят, что не постыдно даже ошибаться вместе с подобными мужами; и таким образом, из-за отсутствия решительности и твердости характера у защитников Науки и Философии, враг воздвиг оплот внутри наших рядов и извлек немалую выгоду из нашей

возникает мысль о том предпочтении, которое древние отдавали погребальному костру перед могилой при избавлении от мертвых тел животных. В костре тело уничтожается за несколько минут, тогда как преданное земле, оно будет гнить годами, нанося вред и причиняя беспокойство живущим подле. Это было одно из зол, привнесенных христианской религией или «Иудейскими книгами» наперекор более здоровой практике греческих и римских погребальных костров.

нерешительности. Я не поверю, что Бэкон, Ньютон или Локк в зрелые годы придерживались иных взглядов на христианство или любую другую религию, нежели я сам. В их времена костры едва успели погаснуть, а хворост для них еще не иссяк. Посему они могли счесть благоразумным прибегнуть к двусмысленности ради собственной безопасности. К тому же, двое первых состояли на службе при дворе и, следовательно, пребывали в путах монаршего деспотизма, который всегда находил и будет находить свою выгоду в поддержке Суеверия и Жречества.

Я бы воззвал к любому, кто именует себя добросовестным христианином, и спросил бы его: полагает ли он, что человек его склада мог бы написать следующие строки:

«Атеизм оставляет человека на попечение чувств, философии, естественного благочестия, законов и репутации; всё это может служить опорой внешней моральной добродетели, даже если религия отсутствует. Суеверие же низвергает всё это и устанавливает абсолютную монархию в умах людей; посему атеизм никогда не потрясал основ государств, ибо он заставляет людей быть осмотрительными в отношении самих себя, не заглядывая вдаль. И мы видим, что времена, склонные к атеизму (как эпоха Августа Кесаря), были временами мирными; суеверие же становилось причиной гибели многих государств и привносило новое *primum mobile* (перводвигатель), подчиняющий себе все сферы правления».

Это — апология атеизма лорда **Бэкона**, и, по моему скромному мнению, он писал её искренне, по совести, и исходя из принципов атеиста. Слово это не означает ничего иного, кроме как «человек, отошедший от всяческих мифологий», хотя невежды и люди корыстные поднимают вокруг него столько нелепого шума и суеты. Дабы показать, что **Ньютон** был совершенно несведущ в химических свойствах материи, я вновь процитирую отрывок, который я уже приводил на странице 341 второго тома журнала «The Republican» в ответе на памфлет преподобного Томаса Хартвелла Хорна под названием «Опровергнутый деизм» и т. д. Он гласит следующее:

«Принимая во внимание всё вышеизложенное, мне представляется вероятным, что Бог в самом начале создал материю в виде твердых, массивных, непроницаемых частиц; таких размеров и форм и с такими иными свойствами, которые более всего способствовали той цели, ради которой Он их сотворил. И что эти первоначальные частицы, будучи твердыми телами, несравненно тверже любых ощутимых пористых тел, из них составленных; они настолько тверды, что никогда не изнашиваются и не распадаются на части; никакая иная сила не способна разделить то, что Бог создал при сотворении мира. Пока эти корпускулы остаются целыми, они могут образовывать тела одной и той же природы и строения во все времена; но если бы они изнашивались или разрушались, то изменилась бы и сама природа зависящих от них вещей. Вода и земля, состоящие из старых, истертых частиц или их обломков, не обладали

бы ныне той же природой и строением, что вода и земля, состоявшие в самом начале из частиц цельных. И потому, дабы природа была долговечной, изменения телесных вещей должны сводиться лишь к различным разъединениям и новым сочетаниям этих неизменных корпускул».

В действительности же таких вещей, как непроницаемые частицы материи, не существует и никогда не существовало. Нет ни единой частицы материи, доступной человеческим чувствам или ими различаемой, которую химик не мог бы разложить и проанализировать. Само **атомистическое представление о материи дает человеческому разуму весьма туманное и неудовлетворительное понятие**. Те, кто первыми приняли эту идею, ничего не знали о газообразном или атмосферном принципе материи. Когда сэр Исаак Ньютон писал вышеприведенный абзац, он не мог иметь ни малейшего представления о том, что элементарные основы всей материи — какова бы ни была её структура, свойство или цвет — могут быть сведены к нескольким простым газам. Сэр Исаак Ньютон продвинул науку и философию вперед, но не довел до совершенства ни ту, ни другую. Многие из его теорий ныне не только оспариваются, но и убедительно опровергаются. Он был мастером цифр, но не философии; он был практическим математиком, но не практическим химиком. В вопросах морали он был ограниченным человеком, в религии — фанатиком, а в научной среде — косным и нетерпимым. Он отвергал любые исправления со стороны и вместо уважения питал ненависть к каждому, кто мог бы его чему-то научить. В расцвете лет он предавался чрезмерному фанатизму, что препятствовало развитию подлинно философского склада ума. Его взгляд на основополагающие принципы науки и философии оставался мрачным и туманным. Он начал свой путь с убежденности в существовании такого бога или таких богов, о которых ему твердили священники, и стремился подчинить этой вере все свои научные изыскания. Он начал свой жизненный забег с цепью и тремя колодками на ногах, и, созерцая Вселенную, всё равно продолжал верить, будто она — творение его идолов! Современные химики не могут не улыбнуться, читая рассуждения сэра Исаака Ньютона о том, что «Бог совершил в самом начале». Совершенно очевидно, что он крайне мало смыслил в химическом анализе и синтезе; точнее сказать, его представления на этот счет были абсолютно ошибочными и гипотетическими, хотя он мог бы получить вполне убедительное доказательство, если бы изучал химию наряду с другими областями своей философии. Такова, на мой взгляд, значимость химической науки в поисках Истины и в исследовании Природы и её законов, что первым верным шагом на пути к философским изысканиям должно стать знакомство с её элементами и силами.

Нет нужды в иных свидетельствах борьбы, развернувшейся между наукой и суеверием в уме сэра Исаака Ньютона, кроме следующего «символа веры», который весьма кстати попался мне на глаза — прямо во время написания сего обращения — в провинциальном еженедельнике. Полагаю, он был опубликован именно сейчас как

одна из тех суетных попыток поддержать угасающее суеверие нашего века. Он озаглавлен «Символ веры сэра Исаака Ньютона»:

«Верховное Существо правит всем сущим не как душа мира, но как Владыка Вселенной; и в силу Своего господства Оно именуется Господом Богом, Всевышним над всеми. Бог Всевышний есть существо вечное, бесконечное и абсолютно совершенное; однако существо, сколь бы совершенным оно ни было, без господства не является Господом Богом. Термин "Бог" весьма часто означает "Господин", но не всякий господин есть Бог. Господство духовного существа делает его Богом: истинное господство — истинным Богом, верховное господство — верховным Богом, мнимое господство — мнимым богом. Он не есть вечность и бесконечность, но Он вечен и бесконечен. Он не есть длительность и пространство, но длительность Его существования пребывает ныне, и, существуя всегда и везде, Он созидает длительность и пространство — вечность и бесконечность. Поскольку любая часть пространства и всякий неделимый миг длительности присутствуют повсюду, то, несомненно, нельзя сказать о Творце и Владыке всего сущего, будто Его нет ни в какое время и ни в каком месте. Он вездесущ не только Своим могуществом, но и самой Своей субстанцией, ибо могущество не может существовать без субстанции. Движения тел нисколько не задевают Бога, равно как и тела не встречают никакого сопротивления со стороны божественного вездесущия. Он существует в силу необходимости, и в силу той же необходимости Он существует всегда и везде. Отсюда также следует, что Он во всем подобен Самому Себе: Он весь — око, весь — ухо, весь — мозг, весь — длань, весь — чувство, весь — разум, вся — действенная сила; однако всё это не в человеческом или телесном облике, но образом, совершенно нам неведомым, а потому Его не должно почитать в телесном образе».

Вот «символ веры» сэра Исаака Ньютона; и кто, прочитав это, сможет хоть на миг поверить, что он был христианином, когда писал эти строки? Я не собираюсь одобрять весь этот жаргон и противоречия; я презираю это; мне искренне жаль человека науки, который мог написать подобную чепуху. Я бы скорее согласился отказаться от всей славы, стяжанной сэром Исааком Ньютоном на ином поприще, чем прослыть автором этих строк. Вышеизложенные идеи сэра Исаака Ньютона о свойствах материи и его определение Бога в равной степени непостижимы, противоречивы и нелепы.

Определение христианства, или основ христианской религии, данное лордом Бэконом (я видел его напечатанным в виде религиозного трактата, но сейчас у меня нет его под рукой для ссылки или цитирования), носит точно такой же характер. Я скорее согласился бы прослыть идиотом, чем автором подобного вздора. И все же лорд Бэкон как натурфилософ и сэр Исаак Ньютон как математик и астроном были выдающимися деятелями в высшей степени, если принимать во внимание эпоху, в которую они жили. Поведение обоих свидетельствует о пагубном влиянии суеверия

на человеческий разум, особенно когда этот разум блестяще приспособлен для достижения прогресса в науке и научных открытиях.

Невозможно ни проанализировать символ веры сэра Исаака Ньютона относительно Божества, ни обосновать на нем хоть какую-то идею. Это просто набор слов, не имеющих применения; если не считать их противоречивости, все, что можно о них сказать, — это то, что они ничего не описывают. Автор такого кредо, должно быть, был скрытым атеистом или, возможно, оставался таковым даже для самого себя. Общий смысл его высказываний сводится к тому, что Бога, о котором учат священники и в которого верят фанатики и глупцы, не существует. Мирабо в своей «Системе природы» привел несколько цитат из трудов Ньютона и прокомментировал их, дабы показать, что тот был тем, кого в просторечии именуют атеистом: то есть тем, кем обязан быть каждый человек науки — отступником от идолопоклонства невежд. Я верю, что в последние дни своей жизни и в своих частных мнениях он был именно таков, но ему не хватило честности открыто признать это. Не подлежит сомнению, что в юности Ньютон был весьма суеверен; столь же бесспорно и то, что успехи, сделанные им в науке в зрелые годы, полностью победили это суеверие и изгнали его из его ума. К сожалению, он не был достаточно честен, чтобы принести полное и добросовестное признание тех перемен, которым подверглись его теологические взгляды. Пожалуй, я не смогу произвести на читателя более глубокого впечатления относительно истинного характера Ньютона, чем процитировав анекдот из «Мемуаров» Уильяма Уистона, написанных им самим:

«Однажды в кофейне «У Чайлда», что на церковном дворе собора Святого Павла, мы собрались вместе — сэр Ганс Слоун, Эдмунд Галлей и я. Тогда доктор Галлей спросил меня, почему я не являюсь членом Королевского общества. Я ответил: «Потому что они не отважатся избрать еретика». На это доктор Галлей сказал сэру Гансу Слоуну, что если тот предложит мою кандидатуру, он её поддержит; так и было сделано. Когда об этом узнал президент Общества, сэр Исаак Ньютон, он был крайне обеспокоен. Насколько мне стало известно позже, он вызывал к себе некоторых членов для тайных бесед, желая избавиться от меня, и заявил им, что, если меня выберут, он откажется от поста президента. В итоге под предлогом несоблюдения формальностей предложение было отклонено, на чём я и не настаивал. Более того, как только мне сообщили о беспокойстве сэра Исаака, я сказал его близкому другу, доктору Кларку, что, знай я его волю, я никогда не сделал бы ничего, что могло бы «свести седины этого великого человека в могилу в печали». Общество никогда не препятствовало моему приходу и представлению моих трудов или инструментов, когда бы я того ни пожелал, даже без официального членства. Учитывая мою скромную возможность оплачивать вступительные и ежегодные взносы, это было для меня почти так же приемлемо, как если бы я состоял в нём постоянно. Если же читатель пожелает узнать причину нежелания сэра

Исаака Ньютона видеть меня в рядах членов Общества, он должен принять во внимание следующее: подобно тому, как назначение меня его заместителем с передачей мне всех доходов от этой должности сделало меня кандидатом, а его рекомендация главам коллегей в Кембридже сделала меня его преемником, — так и я пользовался его неизменным расположением на протяжении двадцати лет. Однако затем он осознал, что я не могу поступать так, как другие его любимцы, а именно — внимать ему, не смея возражать, когда моё мнение расходилось с его собственным. В старости он не выносил подобных противоречий, и потому в последние тринадцать лет своей жизни он меня опасался (см. мои «Подлинные свидетельства», стр. 1070, 1071). Он обладал характером самым боязливым, осторожным и подозрительным из всех, что я когда-либо знал. Если бы он был жив, когда я писал против его «Хронологии» и столь основательно опроверг её, что никто, насколько мне известно, не решился выступить в её защиту с момента публикации моего опровержения, я бы не счёл уместным издавать этот труд при его жизни. Я слишком хорошо знал его нрав и полагал, что это могло бы его убить. Как сказал мне доктор Бентли, капеллан епископа Стиллингфлита, он верил, что основательное опровержение мистером Локком метафизики епископа касательно Троицы также ускорило кончину последнего».

Уистон был давним другом Ньютона и сменил его на профессорской кафедре математических наук в Кембридже. В молодые годы Ньютон был ревностным приверженцем нелепого догмата о христианской Троице; и хотя цифры сослужили ему великую службу в его математических и астрономических открытиях — причем он оперировал ими с таким совершенством, какого не достигал ни один из его предшественников, — суеверие всё же сумело убедить его в том, что три можно истолковать как одно, а в одном усмотреть три! Математические познания Уистона едва ли уступали познаниям Ньютона, хотя, полагаю, первый не обладал столь же блестящим гением, как второй, и был вынужден приобретать трудом то, что другому было дано от природы. Тем не менее Уистон, хоть и был достаточно суеверен, чтобы оставаться честным и добросовестным христианином, понимал истинное назначение арифметики и не мог допустить, чтобы три равнялось одному, а одно — трем: он отверг учение о Троичности Божества. Уистон честно и открыто боролся против этой нелепицы, объявив себя арианином. На протяжении всей своей жизни, невзирая на многочисленные преследования, он доказывал, что именно таковы были воззрения первых христиан, а догмат о Троице — не более чем позднее искажение, внесенное уже окрепшей церковью. В те времена подобные убеждения именовались кощунственными, и Уистон был лишен профессорской кафедры и вовсе изгнан из Кембриджского университета. Ему пришлось вынести из-за обвинений в богохульстве куда более яростные нападки, чем те, что выпали на мою долю или которых мне стоит опасаться в будущем. Это обстоятельство, вкупе с соперничеством на поприще математики, послужило причиной разрыва между Уистоном и Ньютоном. Но какими бы нелепыми ни казались мне суеверия самого

Уистона, я считаю его гораздо более честным человеком, нежели Ньютон, и, как члена общества, гораздо более полезным для эпохи, в которую они жили. Ньютон искал почестей и популярности, раболепно потакая всякому деспотизму своего времени; Уистон же был человеком принципа и жил и умер в бедности ради возможности писать и говорить то, что думал и во что верил. Одного чрезмерно превозносили и осыпали похвалами, другого — слишком долго чернили и унижали; и тот шум, при помощи которого достигалось и то, и другое, в равной степени отвратителен и позорен для нашей страны.

Я противопоставил поведение Уистона и Ньютона и изложил свои замечания о последнем, дабы показать, что даже его имя не имеет никакого веса, когда речь идет о поддержке суеверий. Полагаю, я достаточно ясно продемонстрировал, что **суеверие и наука никогда не смогут слиться воедино**, из чего неизбежно следует вывод: мораль и религия также никогда не придут к согласию. Суеверие развращает и губит все человеческие страсти; лишь наука способна исправить и облагородить их. Человек науки, сознающий свой долг и понимающий, что именно служит интересам человечества, будет всегда смело и открыто противостоять жречеству. До сих пор это делалось недостаточно решительно, и я надеюсь, что даже мой призыв не окажется совершенно тщетным, но пробудит в людях науки сего острова некий дремавший доселе дух, дабы они заявили о собственном достоинстве и значимости и заставили умолкнуть гнусные, порочные и пагубные вопли поповщины.

Не подлежит сомнению, что **Локк** был враждебен системе государственного устройства как в Церкви, так и в Государстве, и та ненависть, которую он навлек на себя со стороны определенных кругов, была вполне сопоставима с той, что обрушилась на **Томаса Пейна** или на тех, кто со времен Американской и Французской революций зашел в своем противодействии гораздо дальше. Оппозиция необоснованным институтам, наделенным властью, неизбежно должна быть прогрессивной. В свое время считалось, что Локк дошел до крайности, однако ныне я полагаю его труды едва ли достойными прочтения в той мере, в какой они касаются веротерпимости в вопросах убеждений, политической экономии или государственного управления. Мысли, которые я изложил на бумаге, столетие назад были бы названы государственной изменой, а автор — при всеобщем одобрении народа — был бы повешен, обезглавлен, выпотрошен и четвертован. Некто по имени Джон Мэтьюз действительно был повешен в царствование Георга Первого за написание и печать того, что именовалось «изменническим пасквилем»; ныне же ни этот пасквиль, ни подобный ему не сочел бы крамольным даже сам генерал-атторней. Таково следствие всеобщего просвещения народа, такова прогрессивная сила печатного станка, что я преисполнен моральной убежденности: взгляды, открыто провозглашенные мною, станут общепринятыми уже в следующем поколении. Это столь же верно, как и то, что ныне никто не осудит политические

воззрения Джона Локка за их чрезмерность; скорее их сочтут слабыми, пресными и недостаточно последовательными в честном следовании принципам.

Так выступите же вперед, о люди науки! Именно вам суждено нанести смертельный, сокрушительный удар суеверию и идолопоклонству. Время пришло — вы ограждены даже от мимолетных преследований, если выступите многочисленно и отважно. **С вами будет народ, всемогущий народ** — обстоятельство, на которое прежде не мог рассчитывать ни один философ. Вам нечего бояться и нечего терять, но обрести вы можете всё — даже то, что вам дороже всего: благосклонное принятие ваших наставлений и признание ваших принципов, основанных на истине и самой природе вещей.

Короли и священники в некоторых случаях выказывали притворное покровительство искусствам и наукам, используя его лишь как личину для своей враждебности. На деле они всегда были и навсегда останутся их злейшими врагами. Прогресс науки не может принести им пользы. Существующие ныне сословные различия и их порождающее нищету великолепие станут нестерпимыми, как только человечество просветится настолько, чтобы осознать истинную причину и цель земного существования. Здравый смысл учит нас, что мудрому правлению не нужны все эти пустые различия; ибо с какой стати слуги или исполнители общественных законов должны возвышаться над теми, кто является первоисточником этих самых законов? Долг человека науки — сокрушать эти преграды, бороться со всеми укоренившимися безрассудствами наших дней и стремиться вернуть общество к его естественному состоянию; к тому состоянию, на которое указывают первоначала: к взаимной поддержке, благополучию, счастьем и защите друг друга. Ныне же мы уподобляемся хищным зверям, где каждый самоутверждается через уничтожение своего более слабого собрата. Множественные противоестественные различия, привнесенные в жизнь общества королевским и жреческим лукавством, полностью подорвали изначальную цель общественного устройства. В дополнение к этому всеобщему злу, сии два «ремесла» воздвигли себя преградой на пути любого полезного совершенствования. Они не допускают никаких перемен, кроме тех, что увеличивают масштабы их грабежа (ибо способ, коим они вымогают свои доходы, не заслуживает иного названия). Народы не могут обрести подлинной или прочной силы под гнетом этих двух сил, ибо каждое улучшение их участи очевидным образом происходило благодаря мощи естественного и научного знания и находилось в прямой зависимости от ослабления влияния королей и духовенства. Это утверждение становится неоспоримым, если мы проследим упадок их власти за последние три столетия в нашей или любой другой стране. Печатный станок явился как истинный Мессия, дабы освободить великую семью человечества от этого двойного ярма. Этот Мессия бессмертен, и спасительная сила его должна стать всеобщей и вечной. Этим и никаким иным Мессией человек может быть спасен от невежества и нужды — единственного ада, которого ему стоит страшиться. Он станет истинным Мессией и для иудея, и для христианина, и для магометанина, и

для язычника. Этот Мессия — для всех; он призван объединить под именем и званием **ЧЕЛОВЕКА** и **ГРАЖДАНИНА** весь род людской, или же всех тех существ, что наделены даром речи и, как следствие, разумом. Я надеюсь дожить до того дня — и ничуть не сомневаюсь в его приходе, — когда каждый имущий человек будет считать печатный станок необходимым предметом обстановки в своем доме и станет ценить его превыше, чем нынешние аристократы ценят своих гончих и коней.

В подтверждение моего утверждения о том, что люди науки доселе слишком раболепствовали перед укоренившимся обманом наших дней, мне достаточно лишь заметить: я не знаю ни одного случая, когда какой-либо химик в этой стране решился бы на открытую атаку против этих суеверий или публично подверг их сомнению. Еще одно доказательство моей правоты можно найти в среде врачей и хирургов. Из самых достоверных источников мне известно, что за редким исключением всё это сословие джентльменов в столице изгнало из своих умов все суеверные догмы, измышленные жречеством. Они приняли те принципы, что имеют зримое основание в Природе; и далее того, что зримо и постижимо, их вера не простирается. Однако, когда этот пылкий молодой человек, **мистер Лоуренс**, облекшись в профессорскую мантию в Коллегии хирургов, выказал в своих публичных лекциях намерение осудить и атаковать сей общепринятый обман и суеверия жречества, всё профессиональное сообщество проявило то же трусливое и малодушное поведение, коим заклеямило себя позором нынешнее поколение неаполитанцев. Они допустили, чтобы с этого украшения их профессии и их отечества сорвали профессорскую мантию и лишили его всякой практики, не выказав при этом ни публичного протеста, ни даже мало-мальски слышимого ропота!

Именно подобное поведение придает смелости и долговечности деспотам, стремящимся поработить как наши тела, так и наши умы. Именно эта низменная склонность заставляла истину пресмыкаться перед общепринятыми и древними заблуждениями, столь свойственная искателям и любителям правды в прошлом, даровала силу и долголетие последним. Священный долг каждого человека — открыто признавать всё то, что его разум почитает истиной. Тот, кто уклоняется от этого, — трус и раб чужих мнений. Неужели враги человечества будут дерзко вещать нам, что они прозревают истину в своих таинственных и непостижимых догмах, а мы побоимся публиковать и защищать те истины, которые, как нам очевидно, зиждутся на самих законах Природы! Неужели мы уклонимся от провозглашения истины лишь потому, что деспотия и невежество назначили жалованье проповедникам лжи, и эти подачки могут оказаться под угрозой? Да не допустит того Природа! Да воспрепятствует сему каждый, кому дороги истина, мир и благоденствие рода человеческого.

Мне могут сказать, что мужу науки куда достойнее предаваться своим занятиям и опытам в тишине и уединении, не подставляя себя под гонения фанатиков. Мысль эта рабская и позорная. Наука достигла в сей стране достаточных успехов и обрела

столь многочисленных последователей и почитателей, что они способны единым дыханием развеять всякое изуверство или, по крайней мере, заставить умолкнуть праздные вопли ханжей и корыстолюбцев о богохульстве, атеизме и прочем вздоре. Неужели прогресс науки должен облагаться акцизом, а все открытия — почитаться контрабандой из опасения, как бы не пострадал промысел и десятина священника? Позор тому, кто способен безропотно покориться подобному порядку вещей. И всё же именно к такому подчинению нас призывают, угрожая карой и даже изгнанием за малейший ропот. Я, будучи лишь скромным частным лицом, решился разорвать эти путы, преступить все эти унижительные и постыдные законы; неужели же муж науки останется нем, взирая на то, как всё, что ему бесконечно дорого, подвергается преследованию в моем лице — и только лишь потому, что он не желает открыто объявить: правда за мной, а враги мои (и его враги) заблуждаются? Ныне настало время высказаться во весь голос; именно сейчас это можно сделать с наибольшим успехом. Мои скромные усилия встревожили всё воинство Порока и Лжи, напугав их до смерти; пусть же лишь несколько выдающихся и именитых ученых выступят вперед и поддержат меня, и я не усомнюсь в благополучном завершении того, что столь ревностно стремился начать. Я не притязаю ни на что более, кроме как стать смиренным орудием, возвещающим и распространяющим их убеждения. Я жажду во весь голос воззвать к делу Истины, Разума, Природы и её законов. Я предоставлю каждому мужу науки возможность обнародовать свои взгляды без прямой опасности для него самого: я сам встану в пролом и приму на себя удар преследований, если всё еще необходима жертва, дабы насытить мстительность издыхающего жречества.

Это век революций; и там, где они еще не проявили себя открыто, причина кроется вовсе не в отсутствии достаточного переворота в умах, но в том, что они сдерживаются лишь превосходящей физической силой в виде опущенных штыков и деспотичных законов. По всей Европе народное сознание уже давно совершило переворот, пробудившись от привычного невежества, и при первой же возможности это проявляет себя. Поступь разума будет неуклонной; очевидно, что она уже начала проникать в ряды тех самых орудий деспотов, именуемых королями, с помощью которых те тщетно надеялись преградить ей путь. Каждый поход русских войск в Южную Европу лишь поспособствует их просвещению, и вскоре они станут достаточно мудры, чтобы вернуться и преобразить собственную страну, установив представительную систему правления и превратив своего нынешнего императора в того, для чьей роли он подходит лучше всего — в полкового портного.

Тот ужас, который недавно выказал император Австрии перед прогрессом науки и перед революцией, совершенной сэром **Гэмфри Дэви** в области химии, служит наглядным примером чувств, обуревающих подобных людей. Этот скудоумный идиот задрожал от невинного замечания своего врача о состоянии его собственной конституции и запретил тому впредь употреблять это слово в своем присутствии! И именно такие люди держат жителей Европы в состоянии рабства и деградации! Неужели вы, мужи науки, продолжите пресмыкаться перед подобными созданиями?

Доколе вы будете преклонять колени перед этими Ваалами, перед этими золотыми тельцами? Станете ли вы и впредь подчинять свои дерзновенные умы подпоркам тронов этих презренных, невежественных и грубых деспотов? Позор вам, если вы способны столь низко пасть! Воспряньте же и явите свое мужество: открыто провозгласите то, что ваш разум постиг как природную истину, и тогда весь яд деспотов и священников, живущих на земле, разлетится перед вами, как плевелы по ветру.

Химия столь глубоко исследовала свойства материи во всем её многообразии, столь точно определила её силы, цели и сочетания, что это позволяет отбросить саму мысль о том, будто она была преобразована из некоего хаотического состояния в её нынешний вид, или же создана из ничего, как учат фанатики, пытающиеся найти довод в пользу существования всемогущего идола. В наши дни химик лишь усмехнулся бы подобному представлению, даже если бы он и опасался вступать в открытый спор со священником и его догматами о сотворении мира из ничего. «Творение» — слово неуместное, когда речь идет о материи. Материя никогда не была сотворена, и материя никогда не может быть уничтожена. Не существует никакой высшей силы; **у материи нет соперников**. Она вечна как в прошлом, так и в будущем. Она подчинена непрерывному химическому анализу и столь же постоянному воссозданию в новых составах. Для полного понимания этих утверждений необходимо знание основ химии; посему, если это письмо прочтет кто-либо иной, кроме тех, к кому оно обращено, пусть он не спешит отвергать их, не обдумав и не исследовав вопрос до конца. «Химический катехизис» мистера Парка или «Химический словарь» доктора Юра разъяснят все мои утверждения касательно свойств материи. Основы химии излагались множеством других ученых, к любому из которых я готов отослать читателя, поскольку в мои намерения не входит давать здесь подробные объяснения по этому важному вопросу или заполнять эти страницы элементарным описанием химии.

Я обращаюсь к Людям Науки не как равный им, но как человек, почерпнувший из книг достаточно знаний о различных областях науки, чтобы убедиться: все догматы священнослужителей и «Священных Книг» суть ложные и нечестивые обманы, навязанные человечеству. Посему он [автор] призывает Людей Науки выступить вперед и открыто изложить свои мысли по этому важному предмету. Он предлагает себя в качестве посредника, с помощью которого они смогут избежать когтей Генерального атторнея или «Общества по распространению порока», и торжественно обещает: любую истину, написанную Человеком Науки, он напечатает и опубликует. Он преисполнен глубочайшего презрения и безразличия ко всем существующим законам и союзам, имеющим целью наказать его на этом поприще, и бросит им всем вызов, пока они пытаются подавлять те или иные мнения. Он и впредь будет показывать жителям этого острова, на что способен один человек — причем человек весьма скромный и безвестный — в деле распространения истины вопреки лжи и обману.

На этом я завершаю первую часть своего первого раздела. Я был бы счастлив, если бы мог сделать исключение, говоря об общем поведении химиков нашего острова. Мне неизвестно ни об одном из них, кто когда-либо выступил бы публичным защитником истины — научной, философской истины — в противовес ложным и одурманивающим догмам поповщины или «Священных Книг». Среди представителей медицины и хирургии я нашел одно исключение, и только одно, хотя я чувствую себя почти вправе призвать многих по именам выступить вперед; и среди них мой однофамилец занимает самое видное место в том деле, что так близко их сердцам.

Я упомянул имена **Бэкона**, **Ньютона** и **Локка** в этой части моего обращения не в качестве химиков-практиков — коими они, полагаю, не являлись (а если им и было что-либо известно об основах химии, то ныне эти познания не заслуживают упоминания), — но потому, что сегодня их выставляют покровителями Суеверия. Ньютон, безусловно, заслуживает звания великого астронома, но поскольку он стремился подчинить даже свои познания в астрономии собственному ханжеству, я счел правильным относиться к нему скорее как к колеблющемуся и бесчестному фанатику, нежели как к человеку науки. Теологические и метафизические труды Бэкона и Локка совершенно двусмысленны; они не дают ключа ни к образу мыслей авторов, ни к каким-либо их отвлеченным или частным убеждениям. Как я уже говорил, они говорили обиняками ради собственной безопасности; и что бы ни думали о них другие, я не испытываю гордости от того, что они были англичанами. **Томас Пейн** своими сочинениями принес больше пользы, чем Бэкон, Ньютон и Локк вместе взятые.

Призывая астронома выступить вперед и открыто заявить о своих знаниях — о том, что все астрономические догмы «Священных Книг» основаны на заблуждениях и невежестве относительно законов небесной механики, — я полагаю, что меня нельзя обвинить в дерзости. Когда мы знакомимся с астрономическими представлениями составителя священной книги индийских брахманов, или Зороастра в Персии, или Корана Мухаммеда, или же книг, почитаемых священными у иудеев и христиан, — современное состояние астрономии как науки вынуждает нас признать: эти книги вовсе не являются трудами людей, вдохновленных некой сверхъестественной силой, дабы научить человечество чему-то важному. Напротив, они противоречат естественным истинам и явно представляют собой плоды трудов невежественных мистификаторов, которые, дабы пустить их в оборот, приправили их несколькими нравственными заповедями, знание коих, должно быть, столь же древне, как человеческая речь и разум. В Священном Писании иудеев я мог бы привести в пример: (1) Моисеево сказание о сотворении мира — космогонию, которая ныне не может вызвать ничего, кроме смеха; (2) Всемирный потоп, вызванный тем, что разверзлись «окна небесные»; (3) Вавилонскую башню, чья вершина должна была достичь небес; (4) Иисуса Навина, остановившего мнимый бег Солнца и Луны, словно это были два бумажных змея, нити от которых он держал в

руках; (5) Исаию, который взял солнце в руку, точно теннисный мяч, и отбросил его тень (что подразумевает отбрасывание самого светила) на десять ступеней назад от его естественного положения, дабы развеять сомнения царя Езекии в точности своих пророчеств! В Священном Писании христиан я мог бы указать на (6) блуждающую звезду, которая шла перед волхвами с Востока, чтобы указать им дом, где пребывал младенец Иисус, и то, как звезда замерла над этим домом, не продолжая более своих странствий по небесным просторам; затмение солнца и превращение луны в кровь; (7) вознесение Павла на третье небо и все те астрономические чудеса, что узрел и предсказал восторженный автор Апокалипсиса! В священной книге магометан я мог бы привести в пример (8) путешествие Магомета на белом коне через девяносто небес за одну ночь, не считая иных странствий для встреч с ангелом Гавриилом в различных небесных сферах! В священной книге Зороастра мы находим иную космогонию — быть может, ту самую, из которой была заимствована иудейская. О священной книге браминов я не могу сообщить подробностей, ибо никогда не видел её списка, однако полагаю, что она столь же полна астрономических нелепиц, как и все прочие, мною упомянутые.

Ныне же, исходя из современного состояния астрономических знаний и глубоких изысканий в области Природы и её законов, мы обладаем моральной убежденностью и наглядными доказательствами того, что **всякие космогонии суть лишь праздные вымыслы человеческого разума**, и из того же источника истекают все сказания о рае и аде как о неких конкретных местах. С тем же успехом мы могли бы пытаться измерить пространство или исчислить время, с каким пытаемся верить в ту или иную частную космогонию. Утверждения о неестественных движениях Солнца, Луны и звезд порождают в наших умах — при нынешнем уровне астрономических познаний — столь же твердую и необоримую уверенность в том, что подобные заявления являются плодом воображения и что они противоречат незыблемости мудрых и неизменных законов Природы. Представления о рае и аде как о конкретных местах, не связанных с землей, на которой мы обитаем, должны рассматриваться как астрономические заблуждения. Человеческий взор, вооруженный телескопом, не может достичь подобных мест, хотя и способен охватить бесчисленные светила. Насколько позволяют судить астрономические наблюдения, мы видим, что каждое видимое небесное тело управляется теми же законами, что и то, на котором живем мы; и у нас есть все основания полагать, что они не различаются по своему составу, но едины в своей материи и происхождении. Посему, поскольку творцы вымыслов о рае и аде не имели в распоряжении телескопа, какой имеем мы, и пребывали в полнейшем неведении относительно существования иных материальных сфер, превосходящих величиной землю, на которой они обитали, мы могли бы лишь пожалеть их в их невежественном ослеплении — однако обычное приличие, равно как и здравый смысл, принуждают нас отбросить их праздные и фантастические мнения, поскольку с помощью телескопа мы обрели ярчайший свет истины, убеждающий нас в том, что они не имеют под собой никаких оснований в самой Природе.

Все религиозные воззрения, в каких бы формах они ни проявлялись, со всей справедливостью можно назвать разновидностью безумия. Любые господствующие в умах людей убеждения, не имеющие опоры в Природе или её неизблемых законах, заслуживают лишь одного наименования — **помешательство**. Суть безумия, или сумасшествия, заключается в противоестественных и бессвязных мыслях и поступках; следовательно, поскольку ни один вид религиозных представлений не имеет ничего общего с природой, будет верным вывод о том, что все они — порознь или в совокупности — подпадают под определение безумия. В натурах кротких оно может проявляться лишь как безобидное меланхолическое заблуждение; в натурах более неистовых оно превращается в бушующий бред, который сокрушает всё на своём пути, на что хватает его сил. Оно губит всякое моральное и естественное благо, попадающее под его влияние, и в безумном ослеплении провозглашает себя *summum bonum* — высшим благом для человечества! До сего дня роду человеческому едва ли доставало разума, чтобы обуздать это неистовство. Оно настолько тесно переплелось со всеми политическими институтами, что невозможно реформировать одно, не совершив при этом переворота в другом. В этом кроется главная причина частых потрясений в обществе, ибо сие безумие не способно породить ничего, кроме вреда; а как известно, безумию неведом покой — оно пребывает в вечном движении, пока не найдётся силы, способной его смирить и укротить. Разум, или познание природы, есть единственное верное лекарство от него, и тот, кто сумеет привить общественной системе наибольшую его дозу, окажется лучшим врачом. Немало шарлатанов притязали на то, чтобы избавить общество от этого помешательства, но они лишь истязали пациента, не в силах остановить недуг. Томас Пейн и ещё несколько американских и французских врачей были единственными, кто подошёл к лечению действенным образом; и я надеюсь, что, пользуясь их рецептами и опираясь на помощь МУЖЕЙ НАУКИ, мне удастся, по крайней мере, окончательно уничтожить заразу этой болезни.

Математика, магия и колдовство прежде объявлялись суеверием синонимами, и изучающий математику нередко подвергался каре как чернокнижник! Астрономия и астрология также считались одним и тем же. Химия и алхимия смешивались воедино, и всё это скопом почиталось делом рук того всемогущего и зловредного существа — Дьявола. Таковы были фантазии и заблуждения, которые суеверие могло породить в умах людей, и таково было нечестие священнослужителей, которые всегда осознавали и даже открыто признавали, что человеческий разум враждебен их помыслам, а потому каждый, кто обладал им или полагался на него, должен был быть уничтожен как враг не только их самих, но и их Бога! Поскольку Философия не оставила нам сомнений в том, что их собственная корысть была и остается их истинным Богом, они действовали вполне последовательно. Однако ныне настало время, когда Философия должна восторжествовать над поповщиной. Совершенно очевидно, что на стороне Философии теперь достаточно сил для этой цели, ибо число её сторонников ныне превышает число приверженцев жречества. Пусть же мужи науки выступят вперед и докажут тем, кто всё еще остается в дураках у

клириков, что математика — это не более чем простая, но важная наука, а астрономия не имеет ничего общего с тем пугалом, которое именуют астрологией.

Нынешние священники и судьи — люди того же склада, что и священники и судьи XVII века, которые бросили в темницу **Галилея** за утверждение о сферичности Земли и её вращении вокруг Солнца, ибо это противоречило догматам Священного Писания; те самые, что сжигали старух как ведьм лишь за то, что тем выпало несчастье быть старыми, уродливыми или увечными. Такова сила и прогресс истины, что даже подобные люди ныне вынуждены признать: Галилей утверждал лишь важный философский факт. В связи с этим я вкратце коснусь ложных заверений одного из наших ныне здравствующих судей. Г-н судья Бест во время своего выездного заседания в северном округе, на весенней сессии суда присяжных в Камберленде в 1821 году, рассматривая дело о клевете, сделал следующее заявление. Попытавшись противопоставить состояние свободы в нашей стране в нынешнее время тому, что существовало в Риме, когда Галилей был брошен в застенки инквизиции за изложение «великой философской истины», Его Судейство изволил заметить: *«Ныне в этой стране любая философская истина или мнение могут быть высказаны и обоснованы без риска прослыть клеветническими»*. Учитывая, из чьих уст это прозвучало, подобное утверждение является самой вопиющей и гнусной ложью. В ноябре 1819 года этот самый судья Бест, заседаая в Суде Королевской скамьи, рекомендовал отправить меня в Дорчестерскую тюрьму на три года и наложить на меня штраф в полторы тысячи фунтов за изложение и поддержку той самой «великой философской истины». Не удовлетворившись наложением этого чудовищного штрафа и назначением ужасающего срока заключения, он в тот же самый день немедленно санкционировал выдачу судебного приказа о взыскании (*levari facias*), на основании которого моё дело и моё имущество были уничтожены, и по причине чего я в настоящее время лишен всех явных средств для выплаты этого штрафа. И все же судья Бест имел наглость заявить с судейской скамьи, которая вовеки должна оставаться священным алтарем истины и правосудия, что ни одна философская истина, изложенная и обоснованная в этой стране, не будет сочтена клеветнической! Я утверждаю и призываю любого человека науки публично опровергнуть мои слова, если он посмеет: те два тома, за издание которых я ныне страдаю в темнице и за которые я был столь непомерно оштрафован и ограблен, содержат не что иное, как философские истины — столь же ясные, простые и важные, как и те, за которые Галилей был заточен христианской инквизицией около двухсот лет назад. Я взываю к самому судье Бесту — он знает правду того, что я сейчас пишу, — и все же он набрался бесстыдства, презирая здравый смысл и проницательность всей нации, изречь эту гнусную ложь. Она тем более гнусна, что он сам приложил руку к приказу о моем наказании. В семнадцатом веке Великий инквизитор заявил Галилею, что его астрономические идеи не согласуются со Священным Писанием и что он не должен их распространять. Судья Бест заявил мне в ноябре 1819 года, что он, заседаая на скамье в качестве судьи, не допустит, чтобы хоть единое слово из Библии было поставлено под сомнение. В чем

же тогда разница между поведением этих двух «Великих инквизиторов» и в чем различие между моим делом и делом Галилея? Судьи, осудившие Галилея, были весьма кротки и гуманны в сравнении с моими: они не лишали его всего имущества и не назначали штраф в надежде, что он никогда не сможет его выплатить; они лишь, в дополнение к тюремному заключению, приказали ему раз в неделю громко повторять семь покаянных псалмов! Можете ли вы, господин судья Бест, прочесть это заявление и эти замечания и снова занять место судьи в суде закона — или в том, что должно быть судом Справедливости? Красней, Бест! Красней! Каждый человек науки, каждый ревнитель великих философских истин провозгласит тебя лжецом за твое утверждение на суде в Карлайле, в графстве Камберленд. Само название этого места могло бы напомнить тебе о вопиющей низости этого заявления!

Здесь было бы неуместно излагать основы астрономии; я обращаюсь к астроному и лишь напоминаю ему: если он поддерживает догмы священника или астрономические заблуждения любой «священной книги», то он — **продажный и нечестивый лицемер**, позор для той науки, которую он изучает, практикует или преподает. Наука и истина должны быть синонимами, и ни та, ни другая ни при каких обстоятельствах не должны приносить ни малейшего почтения или уважения к укоренившимся заблуждениям. Тех же лиц, коим я рекомендовал труды по основам химии, я отсылаю и к иным сочинениям, излагающим начала астрономии. Ныне они издаются в самых разнообразных видах и формах, и мне весьма отрадно видеть, что многие почтенные мужи выступают с лекциями по астрономии во всех наших сколько-нибудь значимых городах. Такие люди достойны поддержки куда более, нежели священнослужители; и хотя они — из страха или по иным побуждениям — могут пытаться подмешивать религиозные догматы в свои научные чтения, я убежден, что сие неизменно ведет к должному просвещению общественного разума. Появись эйдуранион или планетарий-орери несколько столетий назад, для лектора тотчас собрали бы костер из хвороста; он был бы сожжен как дерзкий богохульник, а его механизм погиб бы вместе с ним как «дьявольское творение». Но таково стремительное движение естествознания, что я почти сомневаюсь, подвергся бы ныне даже тюремному заключению тот, кто осмелился бы открыто и решительно — как это сделал я — опубликовать «Век разума» Томаса Пейна или «Принципы природы» Элиу Палмера. Сделай он это открыто, и я восславлю его, и готов буду едва ли не лично поручиться за него в случае любых убытков или страданий.

Для людей науки недостаточно оправдываться «существующими институтами» или сетовать на всесилие поповства на том лишь основании, что ежегодно у народа вырывают шесть миллионов фунтов в виде прямых налогов на его содержание, и едва ли не столько же взимается в форме «добровольных пожертвований» с того класса людей, коих именуют диссентерами. Покажите народу, что его обманывают, — и он более не позволит грабить себя и над собой насмехаться. Люди вскоре поймут, что средств, кои это поповство выуживает из их карманов, было бы в

избытке достаточно для великолепного отправления законов и управления страной. Упраздните поповство — и расходы, идущие ныне на его нужды, покроют все прочие необходимые государственные траты. Эта сумма в двенадцать миллионов фунтов расходуется на самые дурные цели, ибо она не цивилизует, а скорее ожесточает общество, восстанавливая его членов друг против друга из-за различий в верованиях — при том, что ошибочность всех этих верований доказана и они не имеют под собой никакой опоры в Природе.

Человек науки не должен взирать ни на что и почитать что-либо, кроме открытия и распространения истины. Вместо того чтобы выказывать почтение вредным и ложным установлениям, он — прежде всех иных людей — обязан всеми узами чести разоблачать их и учить народ отличать правду от лжи. Его знания и открытия должны быть подобны дарам Природы, раздаваемым всем поровну, без платы или вознаграждения. Ему надлежит быть покровителем истины и врагом заблуждения, в каком бы обличье оно ни представало и к каким бы последствиям ни приводило. Подобно самой Природе, он не должен взирать на лица или вещи в отдельности, но лишь в их совокупности.

На этом я завершаю рассмотрение первой главы своего «Обращения» и полагаю, что выполнил обещанное. Я показал, что люди науки — то ли из-за того, что их собственные умы отравлены суеверием, то ли из страха оскорбить тех, кто страдает этим недугом, — лишили общество многих благ, которые они были обязаны ему даровать по долгу чести. Они скрывали от общественности важнейшие открытия лишь потому, что, как некогда заявила Галилею христианская инквизиция, подобные открытия или учения противоречили положениям Священного Писания. Позор столь малодушным принципам, говорю я! Они — бесчестие для человечества, претендующего на превосходство над всеми остальными животными. Уж лучше бы мы никогда не обладали даром речи и следующим за ним разумом, если нам суждено использовать их лишь для распространения лжи и причинения страданий большинству рода человеческого. Я во всеуслышание разорвал путы жреческого коварства, я бросаю вызов любым гонениям, которые оно может на меня обрушить, и ныне призываю мужей науки этого острова выступить вперед и поддержать меня. Вопрос о том, как это отразится на сиюминутных интересах отдельных лиц, не должен даже подниматься; несомненно, суеверие не продержалось бы и года, если бы философы страны выступили единым фронтом и объявили ему войну. Тогда обнаружилось бы, что те средства, которые ныне вымогаются духовенством, охотно отдаются на возведение Храмов Науки и поддержку достойных профессоров искусств и наук; а взаимное просвещение во всем, что может принести пользу обществу, стало бы единственной и главной целью как для каждого в отдельности, так и для всех вместе.

Теперь я перехожу ко второй части моего «Обращения», в которой я намерен показать, что все существующие системы образования несовершенны и негодны, и далее — набросать очертание системы более достойной. Прежде всего замечу, что

во всех школах этой страны, за редчайшим исключением, заслуживающим упоминания, молодежь подвергается определенной системе религиозного обучения и упражнений. Они обязаны посещать некие церемонии, именуемые общественным богослужением или молитвами; они должны заучивать эти молитвы наизусть, равно как и катехизис религиозной веры, или, точнее было бы сказать — религиозных догматов, ибо не может быть истинной веры там, где отсутствует само понимание предмета обсуждения или размышления. Тем не менее, из-за всех этих религиозных обрядов добрая половина юношеских лет тратится впустую; ведь уроки чтения и грамматики, прописи и даже занятия по иностранным языкам строятся на материале, основанном на религиозных догмах, будь то древних или современных. Лишь изредка в них вкрапляется какое-либо нравственное поучение, однако религиозные догмы имеют решительное преобладание, и на них растрчивается более половины времени, отведенного на воспитание молодежи. Очевидно, что эти догматы не оставляют ни малейшего следа в умах юных созданий, разве что ввергают их в оцепенение своей унылой и бесконечной чередой повторений. Причина тому проста: **религиозные догмы не имеют под собой никакого основания в Природе**. Они не наставляют, не развлекают, не вызывают интереса и не приносят радости, поскольку юный ум не способен постичь их цель и не видит в них никакой реальной пользы. В них видят лишь тягостный элемент школьной дисциплины, к которому юноша возвращается с крайним отвращением. Тем не менее, их продолжают навязывать ему до тех пор, пока он находится под опекой родителей или наставников, и в итоге он вступает во взрослую жизнь с ожесточенной душой и привычным отторжением ко всему тому, что его приучали почитать.

Если бы вы обучали ребенка **основам химии**, вы бы обнаружили, что он постоянно занимает себя простейшими химическими опытами, которые доступны его возрасту и пониманию. Он чувствовал бы интерес к каждому маленькому эксперименту, и этот интерес пробудил бы в нем чувство собственного достоинства, трудолюбие, знание и должное понимание ценности времени, о чем дети так мало задумываются — вернее, не задумываются вовсе — при нынешней системе образования. Письменными наставлениями их призывают дорожить временем, но у них нет к тому никаких стимулов, ибо сама система обучения представляет собой беспросветное однообразие. Ни одна её часть не рассчитана на то, чтобы разжечь огонь таланта или поддержать в юношестве стремление к высокому. Именно из-за такой системы образования подлинный гений стал столь редким и исключительным явлением: она притупляет и одурманивает разум, затмевая то сияние, которому предлагаемая мною система дала бы энергию и возможность проявиться во всей полноте. Многие из благороднейших избранников Природы прожили жизнь безвестными и незамеченными, исключительно из-за влияния суеверного и губительного для таланта воспитания!

Исходя из очевидной склонности детей подражать всем действиям взрослых, в силу их природной научной склонности воспроизводить в миниатюре то, что они видят в великом масштабе, а также учитывая тот восторг и глубокий интерес, который они питают к своим малым трудам и играм, становится очевидным: дабы направить их в русло верных представлений, не требуется ничего иного, кроме надлежащего наставления. Необходимо занять их умы такими предметами, которые могли бы одновременно увлекать, развлекать и радовать, становясь своего рода полезным и здоровым упражнением. Подобный подход призван расширить их кругозор в познании тех вещей, что превыше всего способствуют благу общества и имеют прямое отношение к непрерывному совершенствованию и прогрессу искусств и наук.

Предметы, которые я имею в виду, — это химические опыты, эксперименты в любой другой области натурфилософии, а также изучение естественной истории посредством наблюдения и исследования природных объектов. Нет нужды перечислять здесь все отрасли естествознания; достаточно сказать, что я ратую за такую систему образования, которая охватывала бы их все последовательно. Здесь открылось бы широкое поприще для превращения священников в профессоров различных кафедр сей науки; и одна лишь эта наука столь бесконечна, что способна превратить всю жизнь человека в непрерывный процесс познания и поиска. Помимо вышеупомянутых дисциплин, существуют география, астрономия, механика и все прикладные области, такие как использование грамоты и счета, коим ныне обыкновенно и по необходимости обучают юношество. Именно в этом я вижу естественную и правильную систему воспитания молодежи — систему, имеющую ступени, в равной мере адаптированные как для понимания **младенцев трех-четырёх лет**, так и для людей самого зрелого возраста и глубоких познаний.

Красота научных изысканий заключается в их неизменной новизне: открытия в них бесконечны, и чем дальше вы продвигаетесь, тем более широкие горизонты открываются перед вами, и тем больший пыл вы ощущаете. Это лучший вид досуга и времяпрепровождения, ибо он приносит всеобщую пользу и всеобщее удовлетворение, не изнуряя при этом самого исследователя и не нанося вреда ближнему его. Иные забавы и развлечения склонны причинять частный вред и даже страдания, но наука к этому непричастна. Охотник не может преследовать дичь или стрелять, не нанося ущерба возделанной собственности других людей, и в пылу погони он не признает никаких преград справедливыми. Иное дело — Человек Науки, ведь его забавы и опыты проводятся в узкой сфере, а их результаты призваны приносить пользу всем, не причиняя вреда никому.

Химию я почитаю фундаментом всех прочих наук и, в некотором роде, вместилищем всех остальных их отраслей. **Поскольку материя и движение составляют всё, что мы видим или можем вообразить**, а химия есть исследование свойств материи, равно как и причин и следствий её разнообразных соединений, она, очевидно, является важнейшей частью науки — или, вернее, её началом и

венцом. Возделывание земли, приготовление пищи — её количество и качество, и всё, что связано с питанием тела, — сохранение нашего здоровья и даже само изготовление нашей одежды — всё это, можно сказать, охватывается понятиями химического анализа и синтеза. Нет ни одной области искусств или наук, к которой химия не имела бы отношения, причем отношения самого существенного. В любом производстве, будь то дерево или металл, глина или камень, воск или стекло, бумага или ткань — в чём угодно, — знание химии необходимо. Именно науке химии мы обязаны всеми нашими рукотворными творениями; именно ей мы обязаны всем нашим знанием и пониманием творений природы, а также их приспособлением к нашим разнообразным нуждам. Поэтому первостепенно важно, чтобы мы приступали к изучению этой всеобъемлющей науки с самого младенчества. Поскольку химия охватывает столь обширное многообразие предметов, в ней найдется и такой раздел, который будет вполне доступен пониманию детей. Горение свечи — это химический опыт по получению света; горение топлива, поддерживающее огонь в наших очагах — не что иное, как химический опыт по получению тепла. К ним можно добавить еще тысячи столь же простых примеров, объяснение которых, несомненно, имело бы величайшее значение для воспитания детей. И почему бы даже самым первым урокам ребенка не состоять из этих и подобных им несложных химических опытов, которые лучше любого другого предмета способны просвещать и развлекать, приковывать внимание дитя и расширять его кругозор, наполняя разум верными идеями?

Я бы изгнал из наших школьных учебников всякое упоминание о Боге или Дьяволе, о Рае или Аде, как слова лицемерные и бессмысленные, как пустые звуки, и сосредоточил бы внимание детей и юношества на тех предметах, которые повседневный опыт являет им как имеющие опору в Природе. Нравственные наставления могут быть необходимы и полезны, но, по моему убеждению, даже вопросам нравственности гораздо лучше обучать на примерах, нежели посредством сухих наставлений. Поэтому я полагаю, что детские книги стоило бы наполнять скорее научными предметами, чем морализаторскими поучениями. Первые — бесконечны, и к их изучению никогда не поздно приступить и невозможно отдалиться ему слишком глубоко; вторые же можно свести к нескольким кратким изречениям и преподать куда более убедительно и впечатляюще через живую беседу и личный пример, нежели через уроки чтения и письма. Впрочем, уроки добродетели можно весьма уместно сочетать с занятиями науками. Они ведут к одной общей цели — **счастью и благополучию человеческого рода в обществе.**

Пусть никто не вообразит, будто я мало ценю добродетель или считаю её второстепенным предметом. Напротив: обладание нравственной чистотой при самом глубоком невежестве во всех иных областях предпочтительнее обширнейших познаний, сопряженных с аморальным и порочным нравом. Нравственная добродетель должна лежать в основе каждого побуждения и каждого поступка в жизни. Именно убежденность в том, что научные изыскания и научное образование

естественным образом ведут к торжеству морали, побудила меня представить сей очерк Людям науки. Добродетель для меня — это *primum mobile*, перводвижитель всего сущего. Она составляет начало и венец всех моих воззрений и, согласно моим представлениям, всех принципов, которые я защищаю и коим обучаю. Однако я самым решительным образом призываю читателя оставить мысль — если он её разделяет, — будто мораль зависит от религии или что первая не может существовать без второй. Я торжественно и обдуманно заявляю: **религия является скорее пагубой для нравственности, нежели её кормилицей.** Это убеждение я впитал в результате глубочайших раздумий и пристального наблюдения за родом человеческим. Тех, кто считает лорда Бэкона авторитетом, заслуживающим внимания в подтверждение моих слов, я отсылаю к цитате из его трудов на предыдущей странице. Впрочем, мне не нужны ни письменные свидетельства, ни громкие имена, чтобы убедиться в истинности своего утверждения; нам достаточно взглянуть вокруг беспристрастным взором, и мы прочтем это в повседневных деяниях большинства людей.

Я бы также изгнал из наших школ Гомера, Гесиода, Горация, Овидия и Вергилия, а равно и всякий том, в котором содержится малейшее упоминание о мифологии Греции или Рима, либо о любой иной части того, что принято называть языческими мифами. Если подобные книги и могут быть забавны или поучительны в контексте древней истории, то для их чтения наступит время лишь после завершения базового школьного образования. Они не должны быть частью школьной программы. Я не намерен здесь оспаривать уместность обучения детей мертвым языкам, хотя должен признаться: я считаю их полезными лишь в той мере, в какой они помогают изучению этимологии нашего собственного языка. Пейн, Франклин и Коббет служат убедительными примерами того, что знание этих языков отнюдь не является обязательным для формирования широкого кругозора. Тем не менее, если мертвые языки и впредь будут преподаваться в наших школах, я бы желал, чтобы это происходило через иное посредство, нежели сейчас. Обучать этим языкам можно на предметах, далеких от войн, голода и резни, от безнравственных мифологий и историй низких и порочных личностей. Общим несчастьем историков было обыкновение уделять особое внимание именно таким падшим и нечестивым натурам. До сих пор распутство служило главным пропуском в бессмертие, тогда как немногие добродетельные люди проходили свой жизненный путь незамеченными — как при жизни, так и после смерти, за редчайшими исключениями. Сами книги, именуемые «священными» и «божественными», переполнены описаниями человеческих чудовищ, и в них почти нет противовеса или контраста, который явил бы человечеству блага и красоты нравственной добродетели.

Я сознаю, что в настоящее время не существует книг, подобных тем, на которые я указываю для использования в школах — книг, охватывающих основы искусств и наук и свободных от любых упоминаний о мифологии и суевериях (причем под

последними я прошу понимать также мифологию и суеверия христиан). Однако нет задачи более простой, чем составление подобных трудов силами нескольких людей науки. В последнее время в школьные учебники были включены некоторые краткие и неполные описания искусств и наук, но они перемешаны с таким количеством религиозного и суеверного мусора, что это делает их бесполезными, сводя науку к роли второстепенного или вовсе ненужного объекта. Настало время, чтобы за это дело взялись люди науки, и чтобы в различных отраслях знания были составлены книги, адаптированные для всех ступеней образования. Никто, кроме того, кто искушен в конкретной науке, не сможет справиться с задачей составления такого учебника. Только он один способен судить о лучшем методе изложения этой науки юному уму. У меня нет необходимости излагать здесь какой-либо конкретный план данной системы образования; я представляю лишь общие очертания на суд людей науки. Моя мысль высказана слишком ясно, чтобы ее можно было неверно истолковать или оспорить. Этот предмет достоин того, чтобы привлечь внимание любого законодательного органа, который исходит от народа и действует во благо народа; и тот, кто предложит это в качестве поправки к законопроекту мистера Брума, чья единственная цель — стать новой подпоркой для увядающего суеверия, заслуживает того, чтобы всякий, кто предложит к ней поправку, будь он успешен или нет, удостоился признания своего отечества и каждого поборника науки и подлинной свободы. Это дело, которого не подобает стыдиться ни одному честному человеку. Данный вопрос отнюдь не является чисто теоретическим; сколь бы новым он ни казался, его осуществимость и значимость должны быть очевидны всякому уму, имеющему хоть малейшее представление о Науке и её пользе. Мое вмешательство в существующую систему образования ограничивается лишь предложением изменить саму среду, посредством которой даются уроки чтения, упражнения по грамматике, прописи и даже изучаются мертвые или живые иностранные языки. Материал, который я предлагаю взамен, должен быть посвящен исключительно научным дисциплинам, дабы разум пребывал в постоянном упражнении в области Науки, и только её. В отличие от религии, Наука никогда не утомляет разум: унылое однообразие первой являет собой разительный контраст с жизнетворной силой последней. Каждый шаг, сделанный вами в науке, побуждает к дальнейшим изысканиям. Великий том природы — эта книга книг, единственное откровение, достойное внимания человека — всегда открыт перед Человеком Науки; и в этой книге ребенок может найти язык, понятный и доступный его юному восприятию. Здесь он сможет читать, не одурманивая чувств, и обретать полезные знания, не развращая своих нравов.

Я бы даже **исключил все исторические предметы из наших школ**, ибо лишь на малую часть того, что нам оставлено, можно положиться как на истину, а то, что истинно, имеет ничтожное значение для подрастающего поколения. Сколь бы ни была история полезна в качестве примера или забавна и поучительна для взрослых, для детей в школе она — лишь пустая трата времени. Всеобщая история мало приспособлена к тому, чтобы исправлять дурные или пробуждать благородные

страсти человечества. Она не являет почти ничего, кроме невежества и жестокости, массовых убийств и суеверий, кои доселе были столь присущи роду людскому. Поистине редко встретишь в ней очерк добродетельного нрава. По моему убеждению, лучшее, что мы могли бы сделать, — это задернуть завесу над прошлым как можно плотнее и постараться положить начало системе, о которой нашим потомкам не стыдно будет читать в беспристрастном изложении. Кто может читать историю прошлого без стыда и жалости к безумию этого животного — человека, столь дурно распорядившегося своим даром речи и следующим из него разумом? Должен признаться, я не могу.

При преподавании **географии** нет никакой необходимости описывать древнее деление земли на империи, королевства, княжества и тому подобное, равно как и обычаи их прежних обитателей. Поскольку они были подвержены постоянным переменам, прослеживание оных лишь отвлекает ум, не обогащая его полезными сведениями. Для всех целей изучения этой науки было бы вполне достаточно познакомиться с нынешним делением земли, а также с современными обычаями, нравами и отличительными чертами её народов. То же правило применимо и к **астрономии**: изучение её истории отнюдь не является обязательным и может служить лишь предметом любопытства. Достаточно овладеть всеми современными сведениями, доступными в этой области, и быть готовым к совершению новых открытий или восприятию открытий, сделанных другими. Отсекая всё то в нынешней системе образования, что является лишь пустой тратой времени, вы получите гораздо больше возможностей для достижения новых успехов в различных искусствах и науках. Разумеется, я не ожидаю, что при предложенной мною системе один человек сможет стать знатоком во всех без исключения отраслях наук — нет. По-прежнему будет необходимо, чтобы одни люди ограничивали себя одной конкретной наукой, а другие — иной, сообразно их способностям и склонностям; это лучший способ для более глубокого и быстрого совершенствования и продвижения знаний в целом. Достаточно того, чтобы все они начинали правильно и не тратили время на бессмысленный и бесполезный хлам, но путём усердного приложения сил к своим отраслям добивались максимально возможного прогресса.

То бесконечное множество опытов, которое открывает перед нами **химия**, и то бесконечное число предметов для исследования в естествознании делают необходимым приступить к изучению этих двух наук как можно раньше. Основы химии, знание которых столь существенно во всех жизненных отношениях, могут быть упрощены для понимания даже при самых заурядных способностях — и даже для детей, только начинающих читать. Ранее я уже приводил два простых примера, на основе которых можно дать более пространное объяснение и к которым можно добавить тысячи других, столь же простых и поучительных. В естествознании же открывается обширнейшее поприще, дабы

«Научить юную мысль давать свои ростки».

Здесь всё в животном и растительном мире, что подпадает под повседневное наблюдение ребёнка или даже взрослого человека, может быть доступно описано и разъяснено в наших школьных учебниках посредством строгой классификации и упорядочиванию. При такой системе образования юноша будет инстинктивно и невольно извлекать полезный урок из каждого предмета, попадающего в поле его зрения; его разум будет непрестанно устремлен к созерцанию Природы, познание которой — единственный путь, способный привести человека к истинному и прочному счастью. Тогда ни одна частица материи не ускользнет от пытливого человеческого ума: он будет исследовать океаны и реки, горы и долины, леса и равнины, недра земли и ее атмосферу, и даже поверхность и небесную твердь иных миров, дабы удовлетворить свое научное и похвально ненасытное любопытство. Травинка, лист, дерево, его плод, цветочная клумба со всеми ее яркими красками и живительным благоуханием, равно как и бесконечное разнообразие минерального, растительного и животного царств — всё станет почвой для его научных изысканий и объектом для изучения. Созерцая величественное устройство, составляющее растительную и животную жизнь во всем бесконечном многообразии Природы — где всё различно, но всё же соединено единым звеном, подвижно единой причиной и устремлено к единой цели, к вечному круговороту рождения и увядания, увядания и рождения, — человеческий разум найдет для себя пищу столь же безграничную, а идеи его станут столь же возвышенными. И ребенок, и взрослый муж смогут здесь уразуметь, что устройство растения не менее поразительно, чем устройство животного; что жизнь и смерть растения столь же подобны жизни и смерти животного, как подобны друг другу жизнь и смерть двух животных разных видов. Они осознают, что существуют **животные-растения** и **растения-животные**, или живые существа, в коих жизнь и вегетация сочетают в себе свойства и тех, и других; что это — очевидное связующее звено, соединяющее их в великой цепи Природы, и что существуют они в силу одной причины, для одной цели и с одинаковым итогом. Человек также сможет постичь, что организация мельчайшего насекомого или инфузории столь же величественна, как и организация самого человека; что лишь благодаря особенному строению различные животные наделены способностью издавать столь многообразные звуки, и что именно возможности издавать более широкое разнообразие звуков человек обязан своим даром речи, а как следствие — и более высокой степенью разума, нежели та, которой обладают прочие животные. Пусть ребенок, или даже взрослый, научится рассуждать подобным образом, и он вскоре почувствует, как смиренно он занимает подобающую ему ступень на лестнице Природы. Он оставит все те безумные затеи, что ныне ежедневно и ежечасно поглощают его время; он посвятит свои помыслы и время самосовершенствованию и общественному благу и осознает, что лишь изучение Науки способно привести его к подлинному счастью. Я не могу удержаться от восклицания: вот путь Природы! Ступай по нему, о Человек, и будь счастлив!

Творения Природы, хотя они и бесконечны, строго аналогичны друг другу, и человеческий разум порожден теми же законами, что и любой другой естественный

продукт. Возделывание ума, в результате которого рождается разум, во всем подобно возделыванию почвы, плодами которой мы существуем. В обоих случаях Природа дает плоды лишь до определенной степени, и необходимо вмешательство человеческого мастерства, чтобы достичь изобилия, изящества и совершенства. Посему крайне важно начать этот путь верно: чтобы все идеи нашего младенчества и юности основывались на Природе, а ядовитые испарения поповщины были тщательно выполоты и не допускались к нашему сознанию. Нам следует оберегать свой разум от этих губительных врагов человеческой мысли — священников — так же, как мы оберегаем наши поля и сады от разрушительной силы саранчи или иных вредоносных насекомых и животных. Наши интересы и счастье в первом случае поставлены на карту не меньше, чем во втором, ибо священник не довольствуется разрушением нашего благополучия — он желает еще и кормиться плодами нашего труда. В среднем он забирает восьмую часть всего, что мы производим.

Поскольку **материальность разума** ныне признана всеми, кто осмеливается мыслить и способен рассуждать на эту тему, сама собой открывается необходимость в совершенно новой системе воспитания юношества. Раз мнимая нематериальность души оказалась фикцией, а тождественность человеческого рода физическому состоянию всех прочих животных была полностью доказана, мораль требует, чтобы в образовании молодежи было покончено с услугами священников и систематическим идолопоклонством. Священник не учит морали. Мораль, будучи символом истины и свободной дискуссии, оспаривает истинность и обоснованность догматов о его «нематериальностях», «бессмертиях» и недоказанных — или даже опровергнутых — местах, таких как рай и ад. Следовательно, недопустимо наполнять умы молодых людей подобными догмами, которые, если и не наносят прямого вреда, неизбежно вытесняют в равной пропорции более полезные знания — те, что призваны расширять кругозор и прививать вкус к научным занятиям и исследованиям. Пока человечество учит тому, что главной целью человеческого существования является «испытание», в ходе которого люди предоставлены самим себе, чтобы обрести вечное блаженство или вечные муки — в зависимости от того, навлекут ли они своими поступками гнев или милость непостоянного, ревнивого, гневного и раскаивающегося существа, разум никогда не обретет свободы на поприще созерцания прекрасных и чарующих картин природы. Чтобы превратить эту жизнь — а иной не существует — в обитель счастья, необходимо изгнать из сознания все эти жреческие догматы, а образование нашей молодежи должно быть изначально ограждено от их тлетворного влияния.

Подобные догматы для разума — то же, что дурные соки и пагубные привычки для тела: они порождают недуги, обременяющие его страданиями. И даже если больной окажется достаточно мудр, чтобы прибегнуть к исцеляющим средствам, он обнаружит, что его организм подорван двойным насилием над ним, и вернуть его в то состояние, в котором он пребывал бы, не соверши жрец над ним своего первого насилия, уже невозможно. Почему бы не преподавать детям в наших школах

линнеевскую систему классификации, систематизации и описания как животных, так и растений, со всеми теми улучшениями, что уже внесены в нее или будут внесены в будущем? Что может быть проще, занимательнее, полезнее и поучительнее? Какая иная система образования может быть столь же благотворна для надлежащего развития юного ума? Насколько более ценной для общества была бы такая система образования, соединенная с познанием химии, астрономии, географии, геометрии и математики, нежели всё это лживое и одурманивающее учение о религии и её порождениях, ради поддержания которых человечество подвергается столь беззащитному грабежу? Если слово «религия» имеет хоть какое-то существенное определение, если оно уместно и может быть применимо к Природе в своем значении или в действии, которое оно подразумевает, я без колебаний утверждаю: предлагаемая мною ныне система образования составляет основу единственной истинной, единственно разумной религии. Поскольку слово «религия» подразумевает твердую веру или убеждение и берет свое начало в латинском глаголе *religo* — «крепко связывать», то не может существовать иной истинной, справедливой и разумной религии, кроме той, что относится к вещам постижимым и основывается на Природе и её законах. Мы не можем, строго говоря, утвердить свою веру в призраке, если только не признаем саму веру лишь призраком разума; однако именно на это претендуют все те, кто поднимает столь великий шум вокруг слова «религия». Лишь изучение Природы и её законов формирует некую прочную веру или религию. Именно это изучение я сделал бы основой всякого образования, к полному исключению или искоренению всей прочей мифологической бессмыслицы наших дней.

Преподавание арифметики, геометрии и математических наук, опирающихся на числа, не допускают перемен в самой системе обучения или, по крайней мере, в средствах её выражения. То же можно сказать и об алгебре, средством обучения и практики в которой служит простота алфавита. Это — единственная область знания, которую жрецы не смогли извратить, и причина тому проста: это было им не под силу. И эти числа, недостижимые для их попыток искажения или уничтожения, станут причиной их падения. **Математическая наука нанесла смертельный удар жречеству**; именно она в союзе с астрономией первой начала подтачивать догматы священнослужителей. Ей на помощь пришла химия, доказав, что материя неразрушима и вечна: она должна была существовать в своем нынешнем виде всю вечность в прошлом и пребудет таковой во веки веков в будущем. Науки **физиология** и **зоология** убедили нас в том, что устройство животного под названием «человек» ничуть не более удивительно, чем устройство любого другого животного или растения, и в масштабах Природы человек не обладает большей значимостью. О нем можно сказать лишь то, что он превосходит прочих живых существ силой ума; однако его превосходство над львом, тигром или слоном ничуть не больше, чем превосходство этих зверей над мелкими лесными обитателями. Человек лишь занимает высшую ступень в иерархии животных. Настало время поведать человеку, каково его истинное место в природном порядке, и не позволять ему более

пускаться в те нелепые выходки, на которые он решается, претендуя на некую исключительность и приписывая себе сверхъестественные и бессмертные силы. В поддержку идеи своего будущего сознательного бытия человек не может привести ничего, кроме догматов суеверия — этих лживых и порочных измышлений. В Природе невозможно найти ничего, что подтверждало бы их истинность. Человек как часть целого или как атом материи — бессмертен; однако, с чем бы ни смешался этот атом после того, как его телесная оболочка распадется и испарится подобно навозной куче или грядке гниющих овощей, он не сохранит никакой памяти о своем прежнем существовании. **Учение Пифагора** было бы совершенно верным и рациональным, если бы он или его последователи не выдумали способность осознавать прежнее бытие — веру в то, что животное в одном обликии может помнить жизнь в другом, пусть даже эти два обликии принадлежат разным биологическим видам. Пифагор и его ученики заблуждались лишь в этом вопросе. Я желал бы вернуть всё человечество к убеждению, что оно существует с той же целью и по той же причине, что и любое другое животное или растение. Стоит людям лишь осознать этот важнейший факт, и они перестанут преследовать, терзать, грабить и истреблять друг друга. Тогда они смогут наилучшим образом распорядиться своим временем и станут взирать на свое животное существование лишь как на краткий миг в просторах вечности. Они будут усердно стремиться к тому, чтобы **умножить сумму человеческого счастья и уменьшить сумму человеческих страданий**; и одно лишь это составит главную и конечную цель их помыслов и самого их бытия. Пусть наша молодежь воспитывается на этой основе, пусть даже взрослые люди заново обучают себя в том же духе — и вскоре мы увидим человечество в его истинном обликии. И облик этот будет прямой противоположностью того, что мы наблюдаем ныне. Представительная система правления окажется единственно необходимой формой власти в их среде, а основная часть законодательства сведется к содействию развитию искусств и наук.

На этом я завершаю труд, который обещал исполнить, и, какой бы прием ни встретило мое обращение среди людей науки, я твердо убежден, что ни в чем не искажил истину и ни одно из моих утверждений не может быть опровергнуто. Я не боюсь ни критика, ни придиры, посягающих на основы моего труда. Я выполнил задачу, которую лелеял многие месяцы, и чем больше я размышлял над этим предметом, тем яснее осознавал его важность. Я верю всё изложенное не на суд предрассудков фанатика или священника, но на беспристрастный и ясный суд людей науки. Говоря о нынешних успехах науки, я намеренно придерживался умеренности, и я уверен, что мои рекомендации могут быть легко и немедленно претворены в жизнь. Дыхание Философии ныне обрело достаточную мощь, дабы задуть тусклое мерцание суеверий и жреческих ухищрений. Философ более не должен преклонять колена ни перед этой, ни перед любой другой порочной властью. В обществе созрела острая потребность в философских истинах. Я черпаю удовлетворение в мысли о том, что ежедневно тысячи людей благодарят меня за спасение их разума от ужасающих догм суеверия и церковного коварства. Моя

уверенность в скором упадке суеверий и в мощном воздействии книг и памфлетов, которые я привнес в общественное устройство, столь велика, что никакие преследования, наказания или штрафы не удержат меня от продолжения пути в меру моих сил и способностей. Я рад видеть других, следующих той же стезей, ибо я скорее ищу содействия и соперничества, нежели страшусь их. Мне всегда доставляет удовольствие широкое распространение тех изданий, что противостоят моим собственным, ибо первостепенная задача — побудить человечество читать, исследовать и обсуждать притязания любых убеждений.

Пусть Библейское общество распространяет свои книги миллионами тиражей — ни один из его членов не испытает от этого факта большего удовольствия, чем я. Я не желаю, чтобы мои труды попадали в руки кому-либо, кроме тех, кто способен прочесть Библию и кто в полной мере знаком с её содержанием, равно как и со всеми догматами, коим обучают священники сей страны. Именно на этой почве, и ни на какой иной, я стремлюсь испытать силу тех принципов, которые защищаю. Я убежден, что ни один беспристрастный и бескорыстный человек не читал «Век разума» **Томаса Пейна**, не испытав при этом колебаний в своей вере в христианскую религию; а если он когда-либо читал «**Систему природы**» Мирабо, то найдет свою веру поколебленной в отношении всякой религии вообще. Он увидит, что всё это здание выросло из одного общего изъяна — невежества и легковерия человечества.

К примеру, ныне, когда использование телескопа и высокий уровень развития астрономии дали нам наглядные и математические доказательства того, что каждое небесное тело, видимое нами в бескрайних просторах космоса, равно как и каждое из того бесконечного числа светил (в существовании коих нас убеждает нечто большее, чем просто гипотеза), подобно нашей солнечной системе, частью которой является наша прародительница—Земля; когда мы знаем, что они управляются теми же законами и состоят из той же материи, из чего мы заключаем, что они несут на себе те же порождения жизни, — не возникает ли в наших умах вопрос, неизбежно сокрушающий само здание христианской веры? Если для Иисуса Христа, едиnorodного сына Божьего, столь же вечного, как и его отец, было необходимо: (1) пройти через девственное чрево женщины; (2) терпеть поношения и бичевание; (3) принять позорную смерть от рук секты суеверных фанатиков, которые на протяжении восемнадцати столетий упорно отрицали само знание о подобной личности; (4) и всё это ради обеспечения будущего счастья тех животных на сей сфере, коих мы именуем людьми, и ради их спасения от вечных мук, уготованных им самим Христом и его отцом за неверие; то не было ли столь же необходимым для этого самого Иисуса Христа, этого едиnorodного сына Божьего, столь же вечного, как и отец его, подвергнуться подобному воплощению в девственном чреве, претерпеть поношения, бичевание и быть казненным как преступник и злодей сообразно обычаем, принятым на каждой из бесчисленных сфер, или в той их части, где он мог бы случайно или по своему выбору поселиться? Не было ли необходимым, чтобы он совершил аналогичную миссию ради спасения и будущего

блаженства различных обитателей или существ, именуемых людьми, на каждом из этих многочисленных небесных миров? Найдется ли хоть один священник, способный ответить на этот вопрос? Я знаю: Человек науки лишь усмехнется, услышав его, и преисполнится жалости к легковерию и невежеству всех тех, кто верил, верит или может поверить в подобную нелепицу. Пусть же он выйдет вперед, провозгласит свои научные знания и заставит умолкнуть церковные догматы. Именно Людям науки суждено избавить человечество от этого ужасающего невежества и суеверия, запечатлев в умах великую важность научного знания. Человек по природе своей не находит удовольствия в неведении и слепой вере; напротив, он естественным образом стремится освободиться от этих пороков. Нет такой истины, которую можно было бы внушить человеческому разуму без того, чтобы человек не возрадовался, ощутив ее правдивость и осознав себя свободным от прежних заблуждений. Лишь корыстный лицемер страшится торжества истины — тот, чьим ремеслом является заведомое распространение лжи и морока, кто служит бичом и послушным орудием в руках тирана. Всякая тирания, угнетение и обман зиждутся на невежестве и легковерии рода людского.

Знание, научное знание — вот та сила, которую должно противопоставить этим бедам, дабы сокрушить их. Выходите же вперед, мужи науки! Вам более нельзя оставаться в тени, подобно трепещущим трусам; вы не должны более искать покровительства и пресмыкаться перед волей ваших злейших врагов. Схватитесь в рукопашную с тиранией и угнетением, с обманом, невежеством и суеверием — и вы обнаружите в себе мощь, достаточную, чтобы уничтожить их целиком и вызволить как разум, так и плоть человека из рабства его общих угнетателей.

Последнее из упомянутых сочинений имеет величайшее значение; оно уже выдержало несколько изданий, не подвергшись преследованиям ни со стороны Генерального атторнея, ни со стороны «Общества по насаждению порока». Какие бы попытки они ни предпринимали, оно устоит перед злобой любого из них. Многие другие весьма важные труды ныне находятся в широкой продаже, и тот неугасающий интерес, который я к ним наблюдаю, побудил меня обратиться с этим смелым призывом к Людям науки. Я призываю их выступить открыто и защитить истину от грязных когтей и преследований Суеверия; я призываю их стяжать для острова Великобритания благородное имя Светоча Истины, откуда на все человечество прольется свет, а черные и тлетворные тучи преследований и суеверий будут изгнаны с лица земли; это станет единственным верным залогом всеобщего мира и согласия в человеческом роде.

ДОРЧЕСТЕРСКАЯ ТЮРЬМА, МАЙ 1821 ГОДА.

Восемнадцатый месяц заключения автора и четвертый месяц заключения его супруги.

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Дорчестерская тюрьма, январь 1822 года.

Востребованность второго издания этого памфлета спустя всего полгода после его первой публикации — лучшее доказательство того, что он сумел пробудить общественный интерес. Не было предпринято никаких усилий, чтобы популяризировать его через объявления, как это обычно делают издатели; однако очевидно, что редакторы «Courier» и «New Times» сочли его достойным внимания, поскольку они призвали «Общество борьбы с пороком» начать судебное преследование против этого труда. По некой необъяснимой причине сей призыв был проигнорирован. Похоже, священнослужители начинают осознавать, что судебные преследования, встречающие твердый отпор, оказываются самой убыточной частью их ремесла. Это обнажает истинную природу их махинаций, а разоблачения они страшатся более всего. Истина близка к своему триумфу.

Автор счастлив видеть, что открываются Храмы Науки для просвещения народа. В Эдинбурге и Глазго профессора наук начинают осознавать важность чтения лекций для рабочих по научным дисциплинам, связанным с их ремеслами. Именно так и должно быть. Пусть эта система ширится, и тогда эти храмы идолопоклонства — церкви и часовни — вскоре опустеют или будут приспособлены для иных, более полезных целей.

Это будет славный день для острова Великобритания, если его жители первыми утвердят право на свободное обсуждение любых вопросов. Для достижения этой цели не требуется ничего, кроме толики решимости и честности со стороны ученых мужей. О том, что сей памфлет принес определенную пользу, автор получал заверения из самых разных источников. Раздавались угрозы опровергнуть некоторые из его утверждений и тезисов, но всё ограничилось лишь угрозами. Его основа неопровержима, и я вызываю любого на открытую дискуссию. Если в нем и есть хоть одно ошибочное суждение, то лишь там, где свойства электрического флюида или причина солнечного света и тепла названы единственным непостижимым принципом Природы. Свойства этой субстанции всё еще остаются неизученными, однако в данном направлении проводится множество экспериментов, которые, как мы надеемся, приведут к важному решению и нанесут окончательный удар по суевериям во всем мире.

ВТОРОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорчестерская тюрьма, июль 1822 г.

Из-за стечения различных обстоятельств этот памфлет оставался в типографии еще с января, в то время как спрос на него продолжал расти. Я уже упоминал о **деле г-на Лоуренса** и полагаю, что будет нелишним подкрепить это описание новыми

событиями, произошедшими в данном деле. С этой целью я привожу письмо г-на Лоуренса и некоторые другие материалы из июльского номера «Monthly Magazine» за 1822 год, предварив их замечаниями, которые я сделал по этому же поводу в № 8 VI тома журнала «The Republican» («Республиканец»). Прежде стоит отметить, что публикация его «Лекций» вызвала новую волну дискуссий вследствие того, что некий Смит, книготорговец со Стрэнда, издал их пиратским способом. Чтобы пресечь это пиратство, г-н Лоуренс обратился в Канцлерский суд за судебным запретом, в котором лорд-канцлер по причинам сугубо религиозным отказал, поскольку «Лекции» дискредитировали его веру!

ИЗ ЖУРНАЛА «THE REPUBLICAN»

«На прошлой неделе я впервые получил копию письма, адресованного г-ном Лоуренсом, хирургом и автором «Лекций по физиологии» и др., сэру Ричарду Карру Глину; оно было заимствовано из июльского номера «Monthly Magazine» и напечатано в две колонки параллельно со знаменитым отречением Галилея. Ранее мне присылали лишь отрывок из этого письма, перепечатанный в «Sherborne Mercury»; мое внимание к нему привлекли тем, что текст был подчеркнут и обильно обведен красными чернилами. Как ни прискорбно мне сознавать, что г-н Лоуренс оказался в столь тягостном положении, которое я считаю случаем, полностью аналогичным делу Галилея, я в меньшей степени склонен порицать его поведение, нежели поведение его коллег по профессии, которые не нашли в себе мужества открыто выступить в его поддержку в той тяжелой ситуации, в которой он оказался в 1819 году. Пусть те, кто безучастно взирал на то, как его лишают всего, что делает жизнь достойной, устыдятся и не ропщут теперь по поводу этого жалкого, ничтожного и бессмысленного отречения. Я смотрю на поступок мистера Лоуренса в следующем свете. Трусость сообщества столичных хирургов позволила духу ханжества и идолопоклоннического невежества пропитать их профессию и диктовать пределы её совершенствования. За исключением мистера Лоуренса, они позорно пасовали перед навязанным им клерикальным шарлатанством; он же обнаружил, что не может продолжать заниматься делом, от которого зависит его жизнь, не бросив кость этому угрожающему ему Левиафану Идолопоклонства и не введя его в заблуждение. Я не более склонен винить мистера Лоуренса, чем склонен винить Галилея, тем более что первый никогда не выходил за рамки своей профессии и не вмешивался в государственные дела, будь то политика или вопросы религии. Было бы преступно со стороны Галилея позволить принести себя в жертву ярости и фанатизму христианских инквизиторов; точно так же и в наши дни лишь поведение корпорации хирургов, не поддержавших мистера Лоуренса, может считаться преступным в данном деле.

(Прим.: дальше следует ещё целая серия писем по делу Лоуренса, и сравнение его речи с признанием вины, и речи Галилея, но эти вещи мы уже не будем переводить).

Жизнь Томаса Пейна (1821)

Настоящий очерк написан не потому, что в нем была крайняя необходимость или острая нужда, но лишь в силу того, что во всяком собрании сочинений автора принято и уместно приводить краткое описание его жизненного пути. Это служит своего рода общим предисловием, дающим читателю ключ к образу мыслей, принципам и трудам писателя. В подобном деле составителю не подобает ни искать лести друзей, ни множить клевету врагов; равно нет нужды ни ублажать, ни смущать ими читателя. Ибо когда автор переступил роковую черту, нам надлежит не внимать толкам о том, кем он был или что совершил, но судить о пользе или тщетности его жизни по тем трудам, которые он оставил после себя. Наше дело — с духом, с бессмертной частью человека. Если его писания способны обессмертить его имя, нам нет дела до плоти, земной и тленной, уходящей в общую массу вечно обновляющейся материи. Пока человек жив, мы вправе пристально следить за его поступками, дабы видеть, соответствует ли его пример его же наставлениям; но когда он мертв, его труды должны выстоять или пасть перед судом разума и его влияния на общественное мнение. Имя и память автора «Прав человека» и «Века разума» вызывали как безмерное восхищение, так и яростное поношение, однако составитель сего очерка постарается избежать обеих крайностей. Цель его — заставить читателя признать, что жизнь и характер Пейна изложены здесь честно и что искатель истины найдет здесь именно то, чего желает более всего — беспристрастное повествование.

Томас Пейн родился в Тетфорде, графство Норфолк, Англия, 29 января 1737 года. До тринадцати лет он получал образование, какое только мог дать ему родной город, после чего отец, мастер по изготовлению корсетов, привлек его к своему ремеслу. Не достигнув и двадцати лет, Пейн отправился в Лондон, чтобы работать подмастерьем, а оттуда — на побережье Кента. Здесь он загорелся желанием выйти в море и успел послужить на двух каперских судах, однако поддался нежным увещаниям отца, воспитанного в традициях квакерства, и оставил морскую жизнь. Около двадцати трех лет от роду он открыл собственную мастерскую по изготовлению корсетов в Сэндвиче, графство Кент. По всей видимости, это ремесло вызывало у него глубокое отвращение, и, женившись на дочери акцизного чиновника, он вскоре обратил свое внимание на государственную службу. Подготовившись должным образом, он получил назначение, однако по неким неизвестным причинам срок его службы едва превысил год. Затем он занимал должность помощника учителя в двух разных школах в пригородах Лондона. Благодаря усердным занятиям и регулярному посещению лекций по астрономии и математике в столице он достиг значительных успехов в этих науках. С этого мгновения его разум, ясный и здравый, начал расширять свои горизонты; заискрился тот свет, что позже превратился в яркое пламя, озарившее и Америку, и Европу.

Снова получив назначение в акцизное ведомство, Пейн обосновался в Льюисе, графство Сассекс. Именно в этом городе было напечатано и опубликовано его первое известное произведение. Он проявил недюжинные способности в нескольких поэтических сочинениях, и, когда слава о нем начала распространяться по округе, он был избран всем сословием акцизных чиновников для составления записки в поддержку петиции, которую они собирались подать в Парламент с требованием повышения жалования. Эту задачу он выполнил блестяще и к полному удовлетворению просителей. Хотя этот случай стал его первым опытом в прозе, работа сделала бы честь первейшим литераторам страны и принесла мистеру Пейну всеобщее одобрение. Труд «Ходатайство служащих акцизного ведомства» изложен столь сдержанно, а доводы в пользу повышения их тогда еще мизерного жалования подкреплены столь мощными аргументами и убедительными фактами, что, как бы мы ни презирали инквизиторскую систему акцизов, долгое время позорившую нашу страну, мы не можем не восхищаться логикой и талантом мистера Пейна. Он с самого начала был истинным дитя природы, и успех его трудов во многом объяснялся тем, что он никогда не терял из виду этого непогрешимого путеводителя. Рекомендуя правительству повысить оклады акцизным чиновникам, он взывает к естественным чувствам и доказывает абсолютную необходимость избавить человека от нужды, если от него ожидают честности на доверенном посту; ибо сильнейший стимул к честности — это поднятие духа человека, предоставление ему возможности и поощрение выглядеть достойно.

Это «Ходатайство» обеспечило мистеру Пейну знакомство с **Оливером Голдсмитом**, с которым он поддерживал близкие отношения до самого своего отъезда из Англии. К его английским поэтическим произведениям относятся песня «Смерть Вольфа» и юмористическое повествование «Трое судей и собака фермера Шорта». По крайней мере, только эти два произведения сохранились в печати до наших дней. Я кратко изложил путь мистера Пейна к зрелости и славе, полагая излишним подробно останавливаться на детстве и юности общественного деятеля, который не проявлял ничего выдающегося до наступления совершеннолетия. Моя цель здесь — не создать фолиант, а сжать всё, что желательно знать об авторе, в как можно меньший объем. Мистер Пейн был женат дважды, но детей не имел. Со своей первой женой он прожил совсем недолго, а со второй и вовсе не познал семейного счастья, поскольку они никогда не жили вместе; еще до отъезда мистера Пейна из Англии они разошлись по взаимному согласию и согласно условиям договора. Пейн часто говорил, что у него были веские причины для столь странного оборота дел, но никогда не раскрывал подробностей, а когда его припирали к стенке, отвечал, что это никого не касается, кроме него самого.

Осенью 1774 года, уже оставив службу в акцизном ведомстве, он был представлен знаменитому доктору **Франклину**, находившемуся тогда с посольством в Англии по вопросу спора с колониями. Доктор был столь впечатлен мистером Пейном, что указал ему на Америку как на лучшее поприще для его

талантов и убеждений и снабдил рекомендательными письмами к нескольким друзьям. Мистер Пейн немедленно отправился в плавание и достиг Филадельфии незадолго до Рождества. В январе он познакомился с мистером Эйткином, книготорговцем, который, судя по всему, основал журнал специально для того, чтобы воспользоваться талантами Пейна. Издание называлось «Пенсильванский журнал» (Pennsylvania Magazine) и благодаря способностям нашего автора вскоре приобрело популярность, превзошедшую любое другое подобное издание в Америке. Многие из работ мистера Пейна, опубликованные в американских газетах и журналах, так и не достигли этой страны, чтобы быть переизданными, но те, что имеются в нашем распоряжении, необычайно прекрасны. Они заставляют нас признать, что его литературные труды столь же восхитительны по стилю, сколь политические и богословские — по силе убеждений.

Благодаря связям с ведущими деятелями Филадельфии мистер Пейн сразу же принял участие в политической жизни колоний. Будучи преданным сторонником всеобщей свободы и благоденствия человечества, он первым посоветовал американцам заявить о своей независимости. Он сделал это в своем знаменитом памфлете под названием «**Здравый смысл**», который по своим последствиям и стремительному воздействию стал самым важным произведением, когда-либо выходящим из-под печатного пресса. Этот памфлет появился в начале 1776 года и буквально наэлектризовал умы угнетенных американцев. Прежде они не осмеливались даже лелеять мысль о независимости и настолько боялись войны, что жаждали примирения с Британией. Одним из обстоятельств, придавших импульс «Здравому смыслу», стало то, что он вышел в тот самый день, когда в Соединенные Штаты прибыл текст речи английского короля. В этой речи американцы были объявлены бунтовщиками и изменниками, а также утверждалось право законодательной власти Англии связывать колонии обязательствами в любых случаях без исключения! Подобные угрозы и притязания не могли не разжечь гнев американцев, и «Здравый смысл» появился как нельзя вовремя, чтобы вдохнуть в их чувства дух независимости.

4 июля того же года была провозглашена независимость Соединенных Штатов. К тому времени Пейн заслужил такое уважение, что вступил в армию и находился в её рядах значительное время. Он был общим любимцем всех офицеров и других свободолюбивых людей, выступавших за независимость своей страны и предпочитавших свободу рабству. Неизвестно, занимал ли Пейн какой-либо чин в армии; скорее, он просто помогал своими советами и личным присутствием как частное лицо. Находясь в армии, в декабре того же года он начал публиковать статьи под общим названием «**Кризис**». Они выходили в виде небольших памфлетов и печатались в газетах по мере необходимости, диктуемой обстоятельствами. Главной целью этих работ было подбодрить американцев, побудить их к решительным действиям в поддержку и защиту независимости и поднять их дух после досадных

неудач или поражений. Эти статьи, также выходившие за подписью «Здравый смысл», публиковались каждые три-четыре месяца вплоть до окончания борьбы.

В 1777 году мистер Пейн был отозван из армии в связи с неожиданным назначением на должность секретаря Комитета по иностранным делам. На этом посту, поскольку вся иностранная корреспонденция проходила через его руки, он получил представление о способах ведения дел при различных европейских дворах и почерпнул много важных сведений. Он пробыл в должности не более двух лет, и обстоятельства его отставки делают ему честь как честному человеку. Причиной послужило вскрытие фактов растраты, совершенной неким Сайласом Дином, который был комиссаром Соединенных Штатов в Европе. Разоблачение было сделано мистером Пейном, который немедленно опубликовал сведения в прессе. Это вызвало недовольство некоторых членов Конгресса, и под влиянием угроз Сайласа Дина Конгресс проявил готовность осудить мистера Пейна, не заслушав его. Пейн немедленно выразил протест против подобного разбирательства и подал в отставку. Впрочем, уходя на покой, он не затаил обиды и оставался столь же страстным приверженцем дела независимости и полного разрыва с Британией, как и прежде. Он опубликовал несколько планов по созданию справедливой системы налогообложения, чтобы позволить Конгрессу поправить финансы и укрепить армию, и в наиболее ясной и точной манере разъяснял жителям Соединенных Штатов те огромные преимущества, которые они получили бы, охотно внося свой вклад в нужды военного времени. Он призывал их немедленно стать достаточно грозной силой, способной не только противостоять врагу, но и нанести ему решительное поражение. Он доказывал им невозможность того, чтобы любая армия, которую Британия могла бы послать против них, оказалась достаточной для покорения американского континента. Пейн вновь и вновь объяснял соотечественникам, что от них требуются лишь стойкость и усердие, чтобы в ходе одной кампании уничтожить силы Британии и положить конец войне. Очевидно и признано всеми сторонами, что эти сочинения господина Пейна стали главной движущей силой в борьбе за независимость Соединенных Штатов.

Несмотря на небольшие разногласия с Конгрессом, по окончании войны это собрание было готово признать его заслуги, пожаловав ему три тысячи долларов. От штата Нью-Йорк он также получил конфискованное имение некоего раблепного тори и роялиста, расположенное в Нью-Рошель. Это поместье включало триста акров превосходно возделанной земли и большой, прочный каменный дом. Штат Пенсильвания, где он впервые опубликовал «Здравый смысл» и «Кризис», преподнес ему 500 фунтов стерлингов. Штат Вирджиния также пришел к соглашению о щедром даре, однако из-за того, что Пейн в своем памфлете под названием «**Общественное благо**» выступил против территориальных притязаний этого штата, он лишился этого гранта большинством всего в один голос. Этот памфлет стоит прочесть хотя бы ради одного этого обстоятельства: ничто не может сильнее свидетельствовать о подлинном патриотизме и истинном бескорыстии

этого человека, чем его выступление против притязаний штата в тот самый момент, когда тот собирался пожаловать ему дар более щедрый, чем любой другой штат.

В 1779 году господин Пейн оставил пост секретаря Комитета по иностранным делам, а в 1781 году он, совместно с полковником Лоуренсом, был направлен во Францию, чтобы попытаться получить заем у французского правительства. Они преуспели в своей цели и вернулись в Америку с двумя с половиной миллионами ливров серебром и припасами на общую сумму в шестнадцать миллионов ливров. Это обстоятельство придало делу американцев такую мощь, что вскоре после этого они принудили маркиза Корнуоллиса к капитуляции. Шесть миллионов ливров были даром Франции, а десять миллионов были заняты у Голландии под гарантии французской короны. В этой поездке во Францию господин Пейн не только выполнил цель своего посольства, но и полностью раскрыл предательское поведение Сайласа Дина. По возвращении он целиком оправдал перед согражданами свои действия в этом деле, в то время как Дин был вынужден искать убежища в Англии, спасаясь от наказания, заслуженного его преступлениями.

В одном из выпусков «Кризиса» господин Пейн говорит, что именно дело независимости Соединенных Штатов сделало его автором. На основании этого утверждения некоторые доказывали, будто он не мог написать труд «Дело офицеров акциза» до отъезда в Америку, однако я полагаю, что это легко объяснить. Поскольку упомянутый памфлет был опубликован на средства, собранные по подписке офицерами акциза, и представлял собой лишь изложение их дела, составленное по их просьбе и предложению, господин Пейн вряд ли мог считать себя вправе называться автором произведения, имевшего столь мимолетную и частную цель. Он мог рассматривать себя лишь как простого секретаря, изложившего жалобы и чувства чиновников. Не похоже, чтобы памфлет печатался для продажи или чтобы писатель когда-либо имел — или рассчитывал иметь — от него какую-либо выгоду. Должно быть, именно в этом свете господин Пейн отказывался от звания автора данного памфлета, ибо ни одному человеку не пришлось бы стыдиться отцовства над ним, будь то из-за принципов или стиля. Таким же образом можно рассматривать его песню «На смерть генерала Вулфа», его «Размышления о смерти лорда Клайва» и ряд других очерков и статей, появившихся в «Пенсильвания Мэгэзин» и различных американских газетах. Все они снискали известность как произведения, превосходящие общий уровень литературы колоний, и все же даже на этом основании он отказывался от титула автора. Разумеется, человек, пишущий письмо родственникам или друзьям, тоже является автором, но господин Пейн придавал этому слову более глубокий смысл. Он не называл себя автором до тех пор, пока не увидел плоды, которые принесли его согражданам и всему человечеству его своевременные труды «Здравый смысл» и «Кризис».

В период борьбы за независимость **аббат Рейналь**, французский писатель, опубликовал труд, названный им «Историей Революции», или «Размышлениями об этой истории», в котором допустил ряд ошибочных утверждений, вероятно,

доверившись заблуждениям — преднамеренным или случайным, — встречавшимся в европейских газетах. Господин Пейн ответил аббату письмом, в котором указал на все его ошибки в надежде направить будущего историка на верный путь. Это письмо написано замечательно и изобилует блестящими идеями и естественными красотами слога. Овидиевское классическое и вызывающее всеобщее восхищение описание Зависти едва ли может соперничать с тем портретом Предрассудка, который наш автор нарисовал в этом письме. Оно непременно захватит внимание читателя, а потому я не стану портить впечатление, приводя отрывки. Господин Пейн никогда не уклонялся от пути природы и, несомненно, был столь же ярким украшением человечества, какое наша Общая Прародительница когда-либо являла миру. Он изучал Природу предпочтительнее книг, и не только читал, но мыслил и сопоставлял.

Когда надежды британского правительства на ожидаемое усмирение колоний рухнули и оно было вынуждено признать их независимость, у господина Пейна появилось время обратиться к своим интересам в механике и философии. Он был принят в члены Американского философского общества и удостоен звания магистра искусств Филадельфийским университетом. Вплоть до 1786 года из-под его пера не выходило ни одного памфлета; лишь тогда он опубликовал свои **«Рассуждения о правительстве, делах банка и бумажных деньгах»**. Целью этого труда было разоблачение несправедливости и неблагодарности Конгресса, отозвавшего хартию об инкорпорации Американского банка. Пейн стремился показать, что подобный шаг скорее навредит обществу, нежели принесет ему пользу. Поскольку банк создавался исключительно для энергичного ведения войны и снабжения армии всем необходимым в то время, когда нехватка продовольствия и одежды грозила мятежом, мистер Пейн осудил попытку его ликвидации как акт черной неблагодарности.

В момент, когда Соединенные Штаты были погружены в уныние из-за череды поражений и неспособности дать отпор врагу, именно мистер Пейн предложил организовать добровольные пожертвования для пополнения армии. В качестве почина он направил своему другу, мистеру Маккленагану, пятьсот долларов. Это предложение было немедленно поддержано, и вызванный им патриотический подъем был столь велик, что Конгресс утвердил основных подписчиков в качестве Банковской компании и даровал им хартию. Можно сказать, что это событие спасло Америку в тот исторический период. Пейн убедительно доказал, что банк был крайне выгоден интересам Соединенных Штатов вплоть до момента его закрытия, вызванного лишь партийной неприязнью. Мы не можем не аплодировать духу этого памфлета, хоть он и представлял собой атаку на действия Конгресса. Это стало еще одним доказательством того, что наш автор никогда не позволял личной выгоде брать верх над долгом и принципами.

В 1787 году мистер Пейн вернулся в Европу. Сначала он прибыл в Париж, где снискал немалые похвалы за проект железного моста, модель которого он

представил Академии наук. Сегодня железные мосты становятся повсеместным явлением, и через несколько лет они, несомненно, вытеснят более трудоемкий и дорогостоящий способ возведения каменных переправ. Как мало тех, кто, переходя сегодня через Воксхолльский мост, вспоминает, что именно Томас Пейн первым предложил и рекомендовал использование железа для этих целей! Сам он признавался, что почерпнул идею такой конструкции, наблюдая за тем, как плетет свою сеть паук определенного вида.⁵ Механические искусства доставляли мистеру Пейну истинное удовольствие, и в них он достиг значительных успехов. Здесь, как и в своих политических и теологических изысканиях, его главной и конечной целью всегда оставалось стремление облегчить участь человечества и сделать жизнь людей более комфортной.

Из Парижа мистер Пейн вернулся в Англию после тринадцатилетнего отсутствия. За это время он потерял отца, а мать его оказалась в нужде. Он поспешил в Тетфорд, чтобы помочь ей, и назначил ей небольшое еженедельное содержание, обеспечив ей достойную старость. Проведя несколько недель в родном городе, он написал памфлет под названием «Перспективы на Рубиконе». Казалось, эта работа была написана скорее для времяпрепровождения и забавы, так как в ней, в отличие от большинства его трудов, отсутствует конкретная цель, и этот недостаток ощущается на протяжении всей книги. Предмет рассуждений здесь носит более отвлеченный характер, чем Пейн обычно себе позволял, и публикация в Англии не вызвала большого интереса. Франция в тот момент еще едва начала проявлять решимость реформировать свое правительство.

Англия же была поглощена делами штатгальтера Голландии; среди ведущих европейских держав царило замешательство, но явной склонности к войне не наблюдалось.

Сблизившись с мистером Уокером, крупным владельцем чугунолитейного завода в Ротереме, мистер Пейн удалился туда для проведения испытаний своего моста. Подробности этого эксперимента и объяснение его успеха читатель найдет в письме автора к сэру Джорджу Стонтону. Это письмо было направлено в Общество искусств в Адельфи и готовилось к печати в их «Трудах», однако выход в свет первой части **«Прав человека»** положил конец публикации в этом издании. Этот случай послужил нам уроком того, каким прискорбным препятствием для науки и прогресса являются фанатизм и предрассудки. Для покрытия расходов на строительство моста мистер Пейн заимствовал значительные суммы у американского купца мистера Уайтсайда под залог своей недвижимости в Америке.

⁵ Знаменитый железный мост в один пролет в Сандерленде стал первым практическим результатом этого открытия, хотя другой джентльмен безнаказанно присвоил себе это изобретение, воспользовавшись всеобщим предубеждением против имени и сочинений мистера Пейна. Достаточным подтверждением этого факта служит то, что детали для Сандерлендского моста отливались на литейном заводе мистера Уокера в Ротереме (Йоркшир), где мистер Пейн проводил свои первые масштабные эксперименты.

Однако Уайтсайд обанкротился, и мистер Пейн был внезапно арестован его доверенными лицами. Вскоре, впрочем, он был освобожден под поручительство двух других американских купцов, которые внесли залог, пока Пейн не смог организовать получение необходимых денежных переводов из Америки.

Во время Американской войны мистер Пейн испытывал сильное желание тайно прибыть в Англию, чтобы опубликовать там памфлет о подлинном положении дел на фронте и открыть глаза английскому народу на те бесчинства, которые тот, будучи ослепленным, поддерживал. У него было твердое убеждение, что этот шаг принесет гораздо больше пользы для прекращения кровавого курса английского правительства, нежели любые труды, написанные им в Америке и пересланные в английские газеты. Другьям лишь с большим трудом удалось заставить его отказаться от этой затеи. После того как ему удалось добиться займа у французского правительства, он предложил полковнику Лоренсу вернуться в Америку одному, чтобы сам Пейн мог отправиться в Англию ради своей цели. Однако полковник наотрез отказался возвращаться без него, и Пейну пришлось уступить силе дружбы. Тем не менее эта идея не оставляла его и после того, как американцы завоевали независимость. Мистер Пейн любил свою страну и соотечественников и искренне желал помочь им в реформировании правительства. Выпад, который мистер Бёрк совершил против Французской революции, вскоре предоставил ему такую возможность, а выход в свет труда «Права человека» навсегда вписал имя мистера Пейна в ряды выдающихся авторов, пишущих о политической экономии.

Будучи другом и сподвижником Вашингтона и Франклина, Пейн не мог не получить доступа к ведущим политическим деятелям Англии, таким как Бёрк, Хорн Тук и другие знаменитости той эпохи. Бёрк, бывший оппонентом английского правительства во время Американской войны, пользовался славой защитника конституционных свобод. Однако Питт, самый коварный и деструктивный человек из всех, когда-либо управлявших делами Англии, осознал необходимость перетянуть Бёрка на свою сторону и нашел его продажным. Между ними было условлено, что Бёрк будет получать пенсию на вымышленное имя, при этом внешне сохраняя свой прежний облик. Это делалось для того, чтобы лучше узнавать настроения лидеров оппозиции и принципы, которые они могли перенять от Американской революции или надвигающейся революции во Франции. Это был венец политики Питта: он скупал все таланты, противостоявшие его мерам, но вместо того, чтобы требовать от них прямой поддержки, заставлял их оставаться шпионами среди бывших соратников. Таким образом он не только был осведомлен обо всем происходящем, но и через своих агентов подавлял любые меры, направленные против него, используя советы своих подкупленных оппонентов и псевдопатриотов.

Именно так мистер Пейн оказался в компании Бёрка и даже вступил с ним в переписку по делам Франции. Лишь когда Питт счел необходимым воспользоваться явным отступничеством Бёрка и заставил его совершить яростную атаку на

Французскую революцию, мистер Пейн осознал, как жестоко он ошибался в этом человеке.

Нет сомнений, что нападки Бёрка на Французскую революцию произвели мощнейшее впечатление в этой стране и разожгли ненависть, не имевшую под собой реальных оснований. Но, поскольку честные принципы всегда переживают предательство, это побудило мистера Пейна написать «**Права человека**» — труд, который останется уроком для всех народов будущих поколений, чьи правительства будут нуждаться в реформировании. Порок может торжествовать лишь мгновение, тогда как триумф добродетели вечен.

Английские законы долгое время служили серьезной преградой для распространения здравых принципов и полезных уроков государственного управления. Какими бы ни были склонности и способности авторов, они были вынуждены соотносить их с волей и возможностями издателей. Честному и смелому человеку было трудно найти столь же смелого и честного издателя; это положение сохраняется и по сей день. Единственный эффективный способ работы — это когда автор сам становится типографом и издателем. Без этой меры любое достойное произведение рискует быть искаженным в угоду прихотям нанимаемого издателя. Именно так мистер Пейн столкнулся с огромными трудностями при поиске издателя даже для первой части «Прав человека». Подобным же образом великий и добрый майор Картрайт в период приостановки действия Habeas Corpus счел необходимым открыть лавку, чтобы самостоятельно продавать свои памфлеты. Я не хочу сказать, что вина лежит на самих издателях; корень зла в другом. Хорошо известно: стоит человеку оказаться в тюремных стенах за патриотический поступок, как те, кто на свободе, мало о нем беспокоятся. Нации не хватает должного поощрения, которое следовало бы даровать всем полезным и преследуемым издателям. Мне могут возразить, что в этом замечании сквозит корыстный интерес, но пусть сначала опровергнут само утверждение — тогда я признаю себя виновным в эгоизме.

Мистер Пейн не позволял никому вносить ни малейших изменений или даже исправлений в свои труды. Он доходил в этом до того, что запрещал другу исправлять даже явную грамматическую ошибку. Он говорил, что желает быть известным именно таким, какой он есть на самом деле, не украшая себя чужими перьями. Я восхищаюсь этим принципом и следую ему, как и большинству других его убеждений. Я считаю преступным и подлым актом, когда один человек подрезает, калечит и изменяет написанное другим. Это порочная подделка, заслуживающая наказания. Если человек не осмеливается опубликовать труд другого целиком, ему лучше оставить его вовсе, пока не найдется кто-то более смелый и честный, готовый взяться за эту задачу. Любое сокращение ведет к искажению смысла, и, каков бы ни был мотив, сам этот поступок бесчестен.

Г-н Пейн был в весьма близких отношениях с Берком; я видел подлинник письма Берка к другу, в котором тот выражал глубокое удовлетворение и удовольствие от обеда у герцога Портлендского в компании Томаса Пейна — великого политического писателя Соединенных Штатов и автора «Здравого смысла». Трудно сказать, но вполне вероятно, что английские министры лелеяли мысль или желание подкупить Пейна, приглашая его к своим столам. Одно можно утверждать наверняка: если у них и возникло такое намерение, то оно потерпело крах, ибо сумма в 1000 фунтов стерлингов, которую Чепмен, печатник второй части «Прав человека», предлагал г-ну Пейну за авторское право, служит доказательством его неподкупности в этом вопросе. Г-н Пейн, очевидно, был очень доволен своим знакомством с Берком, поскольку, как выясняется, он прилагал немалые усилия, чтобы снабдить его всей возможной перепиской по делам Франции, и вряд ли мог помыслить, что пригрозил на груди змею — человека, который передаст эти документы министру. Так оно и было, пока г-н Берк не был вынужден открыто явить свое отступничество в Палате общин и предостеречь своих прежних соратников на свой счет.

Г-н Пейн пообещал сторонникам Французской революции, что ответит на памфлет Берка, как только увидит его. Трудно сказать, какая книга имела более широкий тираж: «Размышления о Французской революции» Берка или «Права человека» Пейна. Одно мы знаем точно: книга Берка погребена вместе с ним, в то время как «Права человека» по-прежнему ярко сияют и ежегодно расходятся огромными тиражами с момента их переиздания. Принципы этого труда будут существовать столько же, сколько и человеческий род, и чем больше они будут известны, тем больше ими будут восхищаться. Их основа — Природа, поддерживаемая Разумом, — единственный прочный фундамент, на котором может быть воздвигнуто благосостояние человечества. С ноября 1817 года я распространил около 5000 экземпляров.

Публикация «Прав человека» стала такой же великой эпохой в политике Англии, как «Здравый смысл» в Америке. Разница лишь в том, что положения последнего получили возможность быть реализованными немедленно, в то время как первым пришлось столкнуться с коррупцией и преследованиями. Однако у меня нет ни страха, ни сомнений в том, что в конечном итоге они составят основу английского правительства. Эти принципы столь самоочевидны, что внушают уверенность даже самому предубежденному уму, стоит лишь спокойно ознакомиться с трудом. Первая часть «Прав человека» прошла незамеченной со стороны судебного преследования, да и Берк не осмелился на ответ. Подлинные принципы государственного управления, где целью является благосостояние общества — как это и должно быть всегда, — изложены в «Правах человека» столь верно и убедительно, что книга пребудет памятником политической мудрости и честности, пока звучит английская речь.

Следует заметить, что г-н Пейн никогда не искал выгоды от своих сочинений, и когда он обнаружил, что «Права человека» пользуются особым успехом, он

безвозмездно передал авторское право любому, кто пожелает их печатать, несмотря на предложенную за них высокую цену. Он всегда говорил, что это принципиальные труды, написанные исключительно ради улучшения участи человечества, и с момента публикации они становятся общим достоянием каждого, кто сочтет нужным их распространять.

Я не вполне разделяю правильность поведения г-на Пейна в данном случае. Будучи автором, он вполне мог бы оставить авторскую прибыль себе, вместо того чтобы позволять книготорговцу забирать доходы за обоих. Его памфлеты никогда не продавались дешевле из-за того, что он пренебрегал своим авторским гонораром. Однако теперь очевидно, что г-н Пейн, пренебрегая тем достатком, которым он мог бы честно и благородно обладать, лишил себя в последние двенадцать лет жизни возможности творить много добра. Нельзя отрицать, что собственность является опорой действия и влияния, и масса человечества взирает на неё с большим почтением, нежели на принципы в бедности. Но здесь возникает иная опасность и возражение: владельцы большого имущества редко утруждают себя заботой о принципах. Их принципы редко выходят за рамки пустых слов. Но там, где принцип и собственность объединяются, отдельный человек становится целым воинством.

Первая часть «Прав человека» лишена той методической стройности, которая присуща второй части, но этому есть оправдание: г-ну Пейну пришлось продирааться сквозь «пустыню рапсодий», которую Берк уготовил для него. Тем не менее, этот труд перемежается столь восхитительными украшениями и столь непреложными принципами, что путь не кажется утомительным. Пожалуй, ни в одном другом томе не дано столь точного определения причин Французской революции и тех преимуществ, которые могли бы из неё проистечь, будь Франция свободна от тлетворного влияния иностранных держав. Но я должен помнить, что моя задача здесь — набросать жизнеописание г-на Пейна. Я стремлюсь избегать цитирования его трудов, поскольку полагаю, что читатель с большим удовлетворением почерпнет их красоты из первоисточника; и ни одна биография Пейна, сколь бы полной она ни была, не выразит и половины того, что говорят за него его собственные труды, которые, кажется, гласят: «рука, создавшая нас, божественна».

После некоторых трудностей в лице г-на Джордана (в прошлом с Флит-стрит, 166) был найден издатель для «Прав человека». Первая часть вышла 13 марта 1791 года, а вторая — 16 февраля следующего года. Правительство было парализовано стремительной продажей первой части и появлением второй. Потерпев неудачу в попытке подкупа, правительственные агенты принялись высмеивать труд, называя его ничтожным. Члены партий вигов и тори в обеих палатах парламента делали вид, что взирают на него с насмешкой, и принялись восхвалять нашу славную конституцию как нечто неприступное для нападков такой книги. Члены партий вигов и тори только начали приобретать широкую известность, и их притворное презрение к «Правам человека» послужило лишь дополнительной рекламой, значительно ускорив сбыт книги. В мае 1792 года в один и тот же день были изданы

королевская прокламация и официальное обвинение от «королевского прислужника» против этого сочинения. В известной мере это затормозило продажи или вынудило торговать книгой тайно; однако такими средствами невозможно обеспечить эффективное распространение любого издания. В подобных условиях одна часть общества боится продавать, а другая — покупать. Не будет преувеличением сказать, что если бы «Права человека» получили возможность свободного обращения в Англии и Шотландии в течение двух-трех лет, они произвели бы эффект, подобный тому, что вызвал «Здравый смысл» в Соединенных Штатах Америки. Французская революция заставила народы Англии и Шотландии задуматься, а «Права человека» стали именно той книгой, которая дала богатую пищу для размышлений. Примерно в то же время Пейн написал свое «Письмо к составителям адресов» и несколько посланий председателям собраний в различных графствах, на которых принимались эти обращения.

Мистер Пейн твердо решил лично защищать публикацию «Прав человека» в суде, однако в сентябре к нему прибыла депутация от жителей Кале с известием, что они избрали его своим **представителем в Национальный конвент Франции**. Это дело сочли более важным, чем защита книги перед политизированным судьей и подставными присяжными, и мистер Пейн отправился во Францию вместе с депутацией. В Дувре он подвергся многочисленным оскорблениям: правительственные шпионы известили таможенных чиновников о его прибытии, и некоторые из этих соглядатаев лично присутствовали при досмотре всех его бумаг.

Говорили, что не успел мистер Пейн отплыть и двадцати минут, как в Дувр из Министерства внутренних дел прибыл ордер на его арест. Как бы то ни было, Пейну были уготованы более значительные свершения. Едва на противоположном берегу было объявлено его имя, как побережье заполнилось народом. Все находившиеся на посту солдаты были выстроены в шеренги; офицер караула обнял его при высадке и вручил национальную кокарду. Красивая молодая женщина, стоявшая рядом, попросила чести прикрепить её к его шляпе и, возвращая её, выразила надежду, что он продолжит свои труды во имя Свободы, Франции и Прав человека. Затем с батареи дали салют, возвещая о прибытии нового народного представителя. По завершении церемонии он проследовал в отель Дессена на улице Равенства (бывшая Королевская улица); мужчины, женщины и дети теснились вокруг него, выкрикивая: «Да здравствует Томас Пейн!» Затем его препроводили в ратушу и представили муниципалитету, члены которого с величайшим радушием обняли своего депутата. Мэр обратился к нему с краткой речью, которую перевел его друг и сопровождающий, мистер Одибер. В ответ мистер Пейн, прижав руку к сердцу, заявил, что вся его жизнь будет посвящена служению им.

В гостинице его посетили официальные лица и президент Конституционного общества, пригласивший его на вечернее заседание. Он охотно принял приглашение. Весь город собрался бы там, будь в помещении достаточно места: зал «Минимов» был настолько переполнен, что с величайшим трудом удалось

расчистить путь для мистера Пейна к месту подле президента. Над его креслом был установлен бюст Мирабо и соединенные знамена Франции, Англии и Америки. Оратор с трибуны под несмолкаемые аплодисменты объявил о его избрании. В течение нескольких минут после этого не слышно было ничего, кроме мужских и женских голосов, восклицавших: «Да здравствует Нация! Да здравствует Томас Пейн!».

На следующий день в честь нового депутата Конвента было назначено торжественное собрание в церкви, так как в зале «Минимов» из-за огромного стечения народа накануне было совершенно нечем дышать. Вечером после его приезда в театре давали спектакль, и ложа была специально зарезервирована «для автора „Прав человека“, ставшего целью английской прокламации».

Мистер Пейн был также избран депутатом от Абвиля, Бове и Версаля, а также от департамента Кале, но, поскольку последние выбрали его первыми, он предпочел представлять их интересы.

Прибыв в Париж, мистер Пейн направил письмо английскому генеральному атторнею, извещая его об обстоятельствах своего отъезда и намекая, что любое дальнейшее преследование «Прав человека» станет доказательством того, что целью является не столько автор, сколько сама книга и народ Англии, разделяющий её идеи. Также было высказано замечание, что события во Франции должны послужить уроком английскому правительству в его попытках остановить прогресс верных принципов и благотворных истин. Это письмо было в некоторой степени долгом перед генеральным атторнеем, так как еще в Англии, в начале судебного преследования, мистер Пейн заверял его, что будет защищать свой труд лично. Несмотря на отъезд мистера Пейна в качестве члена французского Национального конвента, обвинение против трактата «Права человека» было представлено суду присяжных 2 декабря того же года. Правительство и его агенты были вынуждены довольствоваться объявлением мистера Пейна вне закона и символической казнью — по всей стране его сжигали в виде чучела! В юности я и сам собрал немало вязанок хвороста, чтобы предать огню «старину Тома Пейна». На западе Англии его имя даже стало заменять имя **Гая Фокса**. Предвзятость, которую мистер Пейн столь метко назвал «пауком разума», никогда еще не достигала такой степени в отношении какого-либо другого человека. Что подумают будущие поколения о тлетворном влиянии английского правительства в конце XVIII века, когда оно смогло разжечь столь яростную ненависть в большинстве нации против такого человека, как Томас Пейн!

Теперь мистер Пейн оказывается вовлечен в новые, еще более важные события. Его первым шагом в качестве члена Национального конвента стала попытка заложить основы самообновляющейся конституции и исправить недостатки той, что была принята ранее. Однако вскоре произошло обстоятельство, которое расстроило все его благие намерения и едва не привело его на гильотину.

Этим обстоятельством стало его гуманное и решительное сопротивление казни Людовика XVI. Знаменитый (или, скорее, позорный) манифест, изданный герцогом Брауншвейгским в июле 1792 года, пробудил в народе такую ненависть к королевской семье Франции и всем прочим монаршим домам, что ничто, кроме их полного уничтожения, не могло умилоствовать большинство французской нации. Мистер Пейн охотно проголосовал за суд над Людовиком, считая это необходимым разоблачением придворных интриг и коррупции. Но когда он увидел стремление немедленно уничтожить короля вместо того, чтобы изгнать его, он, пытаясь спасти жизнь Людовика, поставил под удар собственную безопасность. Пейн был человеком глубоко гуманным и осуждал смертную казнь при любых обстоятельствах. Его целью было разрушить монархию, а не человека, занимавшего престол.

Следующий эпизод является еще одним беспримерным случаем его человеколюбия и следования моральной заповеди «воздавать добром за зло». Однажды мистер Пейн обедал в компании двадцати друзей в кофейне в Пале-Эгалите (ныне Пале-Рояль). К несчастью для согласия компании, в их круг сумел втереться некий капитан английской службы. Этот офицер был рьяным сторонником того, что в Англии называют «союзом церкви и государства», и решительным врагом Французской революции. Когда со стола убрали скатерть, беседа в основном коснулась положения дел в Англии и мер, принятых правительством для пресечения распространения политических знаний. Мистер Пейн высказывал свои взгляды весьма свободно и к общему удовлетворению присутствующих, за исключением капитана Гримстона. Последний отвечал на его аргументы, называя его предателем родины и используя множество других оскорбительных эпитетов. Пейн сносил эти оскорбления с большим добродушием, что привело капитана в такую ярость, что он подошел к мистеру Пейну и нанес ему сильный удар, едва не сбивший того с ног. Трусость подобного поведения крепкого молодого человека по отношению к лицу почтенного возраста (Пейну тогда было уже за шестьдесят) — не самая позорная часть этого инцидента. Однако времени для раздумий не было: мгновенно поднялась тревога, так как удар, нанесенный гражданину-депутату Конвента, считался оскорблением всей нации. Обидчика немедленно взяли под стражу, и лишь с величайшим трудом мистеру Пейну удалось предотвратить его казнь на месте.

Следует заметить, что постановление Конвента предписывало смертную казнь любому, кто будет уличен в ударе, нанесенном депутату. Таким образом, мистер Пейн оказался в крайне неприятном положении. Он немедленно обратился к Барреру, бывшему в то время президентом Комитета общественного спасения, с просьбой выдать паспорт его безрассудному противнику. После долгих колебаний Баррер удовлетворил эту просьбу. Освобождение капитана стоило мистеру Пейну немалых личных хлопот, но и этого было недостаточно. Офицер остался без друзей

и без гроша, и Пейн великодушно снабдил его деньгами, чтобы оплатить расходы на дорогу.

Людовик пал под ножом гильотины, и протест мистера Пейна против этого акта навлек на него ненависть всей партии Робеспьера. Во Франции началась Эпоха Террора. Любой общественный деятель, выразивший хоть тень сочувствия Людовику, объявлялся предателем нации и предавался смерти. Каждый, кто жаловался на деспотизм и насилие правящей партии, попадал в тюрьму или перед Революционным трибуналом отправлялся на немедленную казнь. Мистер Пейн, несмотря на статус члена Конвента, сначала был исключен из него как иностранец, а затем брошен в тюрьму за то, что родился в Англии! Местом его заточения стала Люксембургская тюрьма, где он провел около одиннадцати месяцев. В этот период он перенес тяжелейшую лихорадку, которая сделала его нечувствительным ко всему происходящему — именно этому обстоятельству он приписывал свое спасение от гильотины.

Примерно в этот же период мистер Пейн написал первую и вторую части своего труда **«Век разума»**. Первая часть была завершена еще до его ареста; по пути в тюрьму он передал рукопись Джоэлу Барлоу. Вторую часть он писал во время заключения, в моменты, когда не мог быть уверен, что проживет еще хотя бы двадцать четыре часа. Это обстоятельство служит лучшим доказательством его искренности и глубокого убеждения в ложности и обмане всех установленных религий. В своих трудах Пейн неизменно следовал путем природы; им были изложены едва ли не лучшие из когда-либо написанных аргументов, подтверждающих существование Всемогущего Существа. Те, кто привык поносить всё, что не согласуется с их устаревшими взглядами или предрассудками, привитыми воспитанием, поспешили заклеймить мистера Пейна атеистом. Однако из всех когда-либо писавших людей мистер Пейн был наиболее далек от атеизма: он привел более веские доводы против безбожия, чем кто-либо из его предшественников или современников. Если и существует вероятность того, что теологические сочинения мистера Пейна не выдержат проверки временем как эталонный труд, то лишь по причине их избыточной, а вовсе не недостаточной религиозности. Впрочем, я не сомневаюсь, что их достоинства всегда будут служить достаточным оправданием для нескольких незначительных изъянов. Мистера Пейна упрекали в непоследовательности его теологических воззрений на том основании, что в «Здравом смысле» и других политических работах он прибегал к библейским оборотам и аргументам для подкрепления своих тезисов. Но это не может служить доказательством лицемерия, поскольку «Здравый смысл» и прочие его политические труды задумывались исключительно как средство распространения политических принципов и были адресованы самому суеверному народу в мире. Если бы мистер Пейн изложил свои деистические взгляды в «Здравом смысле» или «Кризисе», он бы провалил саму цель, ради которой писал. Библия — крайне удобная книга для поиска прецедентов; любой человек может

подкрепить любое мнение или утверждение цитатами из неё. В первом выпуске «Кризиса» мистер Пейн сообщает нам, что он не подвержен суевериям — довольно прозрачный намек на его тогдашние взгляды, — однако было бы верхом безумия разжигать религиозные распри среди жителей Соединенных Штатов в разгар их ожесточенной борьбы за независимость. То было не время для обращения в иную веру. Мистер Пейн, безусловно, использовал в своих политических сочинениях расхожие выражения вроде «христианское то» или «христианское се», но прежде, чем выдвигать обвинение в непоследовательности, следует вспомнить, к кому он обращался и какую цель преследовал. Свой труд «Век разума» он впервые опубликовал во Франции, где все системы принудительного вероисповедания были упразднены, и здесь его точно нельзя обвинить в посягательстве на религиозный мир, поскольку его работа была переведена и перепечатана на английском языке без его прямого участия. Он не возражал против её издания в Англии, но это не было его инициативой; он прямо заявлял, что писал этот труд для французской нации и Соединенных Штатов. Однако истина не может быть заперта в границах одной страны или континента, и в переходе от заблуждения к правде нет непоследовательности, хотя такой переход естественным образом влечет за собой перемены.

После падения Робеспьера и его фракции, а также прибытия мистера Монро, нового посланника из Америки, мистер Пейн был освобожден из своего мучительного заточения. Его вновь пригласили занять место в Конвенте, что он и сделал. И вновь он приложил все усилия для установления конституции, основанной на верных принципах и всеобщей свободе, сопряженной с безопасностью личности и собственности. Он написал **«Рассуждение о первоначальных принципах правительства»** и представил его Конвенту, сопроводив речью, в которой указал на недостатки существовавшей тогда конституции.

Склонность к интригам — природная черта французов, и они, кажется, никогда не питали симпатии к чистоте или простоте принципов. Их интриганство, всегда сопровождаемое импульсивностью, Вольтер метко сравнил с сочетанием качеств обезьяны и тигра. Из всех стран мира Франция, пожалуй, была меньше всего подготовлена к чистому республиканскому правлению. Французская нация так долго была ослеплена ложным блеском своего «великого монарха», что придворная атмосфера казалась единственной средой, в которой мог проявиться истинный характер француза. По крайней мере, двор уподобил характер всей нации своему собственному. Французская революция была по своей сути финансовой, а не следствием триумфа добрых начал над дурными. В разные периоды народ принимал разные позы, но он отнюдь не был готов к республиканской форме правления. Политическое просвещение не проникло в массы, как это происходит в Британии в настоящий момент. Среди образованной части общества лишь немногие французы имели хоть какое-то представление о представительной системе правления. Сами

Соединенные Штаты в то время едва ли могли служить примером подлинного представительства, а пресловутая конституция Англии и вовсе является насмешкой над ним. Народ Англии имеет не больше прямого влияния на законодательную власть, чем английские лошади или ослы. Пейн видел это и во Франции, и в Англии, и понимал необходимость внедрения верных представлений о государственном устройстве во все слои общества. При жизни он боролся напрасно, но семена его принципов дали корни и теперь начинают давать ростки.

Франция в череде победоносных сражений с монархами Европы начала приобретать военный характер — самую душу француза, но гибель для республиканизма. Отсюда явился Бонапарт, и отсюда же последовало падение Франции и реставрация ненавистных Бурбонов. И после того, как Бонапарт узурпировал верховную власть и всё, что напоминало представительную систему правления, сошло на нет, мистер Пейн вел совершенно уединенный образ жизни. Он редко принимал гостей и долгие годы сокрушался над несчастьями Франции и упущенными ею возможностями, предчувствуя нынешний позор страны. Он ясно видел, что все блага, которые Революция должна была сохранить, будут принесены в жертву военным амбициям Бонапарта. Он не допускал, чтобы эпитет «Республика» применялся к французскому режиму, порицая подобное смешение понятий, и настаивал на том, что из всех правительств на лице земли лишь Соединенные Штаты Америки имеют право на это почетное наименование.

В этом уединении мистер Пейн написал два небольших, но весьма любопытных памфлета. Первым был труд **«Аграрная справедливость против аграрного закона и аграрной монополии»**; вторым — «Упадок и крах английской системы финансов». В первом из них предлагался план создания общественного фонда, призванного выплачивать определенную денежную сумму всем молодым людям, вступающим в жизнь и готовым обеспечивать себя собственным трудом, а также обеспечивать содержание всем старикам и тем, кто уже не может трудиться, дабы закат их дней прошел в покое и достатке. Эта идея была очевидным порождением человеколюбия и милосердия; о ее практической осуществимости я судить не могу, ибо здесь лишь опыт мог бы служить доказательством. Его работа **«Упадок и крах английской системы финансов»** имеет еще более насущное значение, так как ни в одном другом памфлете проницательность, предвидение и талант мистера Пейна как политэконома не проявились столь ярко. Сегодня мы можем рассуждать об этом с особым чувством, ибо наступил момент, когда все его предсказания относительно финансовой и кредитной систем вот-вот сбудутся. Забудьте об иудейских или христианских пророках! Взгляните на этот маленький памфлет, и вы увидите истинного пророка! Не обманщика, но подлинного провидца! Пророка, который предпочитал здравый смысл божественному вдохновению. Ему не требовалось наставлений Святого Духа — он пророчествовал, опираясь на разум и естественный ход вещей. Мистер Коббетт сделал этот небольшой памфлет настольной книгой для большинства своих пространных трактатов о наших финансах и системе фондов.

Памфлет был написан в 1796 году, за год до того, как банк отказался выплачивать свои обязательства золотом. Это последнее обстоятельство в некоторой степени продлило существование системы государственного кредита, хотя само это событие было предсказано Пейном как одно из естественных последствий системы. Из недавних записей мистера Коббетта мне стало известно, что доходы от продажи этого памфлета были направлены на помощь узникам, заключенным в Ньюгейтскую тюрьму за долги.

Осознав, что более не может приносить пользу во Франции, мистер Пейн начал тосковать по американским берегам. Английские крейсера препятствовали его переправе во время войны, но сразу после заключения Амьенского мира он отплыл в страну, ставшую ему второй родиной. Прежде чем я последую за ним в Америку, мне следует упомянуть о его нападениях на Джорджа Вашингтона. Из всех сочинений мистера Пейна очевидно, что он находился в теснейшей близости с Вашингтоном вплоть до своего отъезда из Америки в 1787 году; более того, их переписка продолжалась до самого заключения Пейна в Люксембургскую тюрьму. Но здесь произошел роковой разрыв. Вашингтон, будучи номинальным главнокомандующим в годы борьбы за независимость, стяжал великую славу — и не столько за свои ратные подвиги, сколько за то, что сложил с себя все полномочия сразу по окончании войны и удалился в частную жизнь, не пожелав навязывать Соединенным Штатам свою диктатуру, на что он имел бы все возможности. Подобный поступок находит параллели лишь в чистейшие периоды существования Римской и Греческой республик; именно это обстоятельство принесло Вашингтону славу, на которую его полководческие таланты претендовать не могли. Мистер Пейн утверждал, что нрав Вашингтона был воплощением апатии, и ничто не могло разжечь огонь в его груди — ни дружба, ни слава, ни судьба отечества. Это могло бы отчасти объяснить его отказ от власти в то время, когда он мог её удержать, но, с другой стороны, это должно было смягчить тон мистера Пейна, жаловавшегося на то, что Вашингтон пренебрег им во время его заточения во Франции. Апатия, служившая оправданием в одном случае, должна была стать оправданием и в другом. Несомненно, это было изъяном в политической карьере мистера Пейна. Ему следовало бы нападать на действия Джона Адамса, который был смертельным врагом Пейна и всякого республиканизма, и который находил в апатии и безразличии Вашингтона удобную ширму для ведения всевозможных придворных и монархических интриг в бытность свою вице-президентом. Позвольте мне изложить это дело проще.

Во время заключения мистера Пейна в Люксембурге в эпоху правления Робеспьера Вашингтон был президентом Соединенных Штатов, а Джон Адамс — вице-президентом. Адамс был личностью в высшей степени незрелой и совершенно непригодной для какой-либо роли в республиканском правительстве. Он открыто заявлял о своей приверженности монархической системе; он выступал с предложением сделать пост президента США наследственным в семье Вашингтона (хотя у того не было детей) и даже вступал в интриги и переписку с английским

двором и министерством ради своих дьявольских целей. Все эти сведения обрушились на Пейна сразу после его освобождения из ужасного заточения, в момент, когда небрежение американского правительства едва не стоило ему жизни. Именно это и вызвало к жизни его язвительное письмо против Вашингтона. Малейшее вмешательство последнего спасло бы Пейна от нескольких месяцев несправедливого и ненужного заключения, ведь против него не было выдвинуто ни одного обвинения, кроме того, что он родился англичанином — хотя в самой Англии он был объявлен вне закона за поддержку дела Франции и всего человечества!

Если все обвинения, выдвинутые мистером Пейном против Вашингтона, справедливы — а некоторые из них слишком очевидны, чтобы в них сомневаться, — то характер последнего был значительно переоценен. В таком случае мистер Пейн либо пренебрег своим долгом в порыве дружбы, расточая Вашингтону чрезмерные похвалы, либо позволил чувству раздражения взять верх над благоразумием, обрушившись на него с противоречивой и яростной нападкой. Письмо, написанное мистером Пейном из Франции Вашингтону, резко контрастирует с его прежними высказываниями, однако тот, кто знаком со всеми трудами Пейна, сможет рассудить об этом лучше. К концу жизни в настроениях обоих этих людей могли произойти некоторые перемены, но я ни на мгновение не допущу мысли, что Пейн когда-либо изменил своей политической честности и принципам. Это письмо кажется скорее пятном в собрании сочинений мистера Пейна, и каждый читатель, без сомнения, воспользуется своим правом составить собственное мнение о споре между Пейном и Вашингтоном. Лично я полагаю, что один Пейн стоит тысячи Вашингтонов с точки зрения той пользы, которую он принес человечеству.

Теперь мы должны последовать за мистером Пейном в Америку. Здесь мы видим, как он по-прежнему сражается с любыми проявлениями коррупции, коей, судя по всему, немало проникло в управление делами Соединенных Штатов. Он вел «бумажную войну» с людьми, именовавшими себя федералистами — фракцией, которая, похоже, объединилась лишь для того, чтобы развращать общество и присваивать плоды этой порчи себе. После возвращения в Америку мистер Пейн опубликовал множество писем и эссе о положении дел и на различные другие темы; все они убеждают нас в том, что он не утратил ни йоты своих умственных способностей, хотя и страдал от многочисленных телесных недугов и изнурительной боли. По возвращении он застал в Соединенных Штатах совсем иной настрой, нежели тот, что оставил, уезжая во Францию. Фанатизм сделал гигантские шаги вперед, и для значительной части жителей теологические труды мистера Пейна были словно открытая рана. Ему также пришлось бороться с партией Вашингтона и Джона Адамса — оба были его злейшими врагами. Таким образом, вместо того чтобы удалиться в Соединенные Штаты и наслаждаться покоем на закате дней, он обнаружил, что со всех сторон осажден ядовитыми тварями. Однако его перо по-прежнему превосходило всё это отродье, и любитель свободы прочтет его последнее эссе с таким же удовлетворением, как и первое.

Мистер Пейн подвергался множеству личных нападков со стороны американских фанатиков, и здесь уместно привести несколько анекдотов на этот счет. Когда он проезжал через Балтимор, к нему обратился проповедник новой секты, называвших себя «новоиерусалимцами».

— Вы мистер Пейн? — спросил проповедник.

— Да.

— Меня зовут Харгроув, сэр; я священник здешней Церкви Нового Иерусалима. Мы, сэр, толкуем Писание в его истинном значении. Ключ к нему был утерян более четырех тысяч лет назад, и вот мы его нашли.

— В таком случае, — ответил мистер Пейн в своей обычной саркастической манере, — должно быть, он изрядно заржавел.

В другой раз, когда он жил в доме мистера Джарвиса в Нью-Йорке, в дверь постучала пожилая дама в алом плаще и спросила Томаса Пейна. Мистер Джарвис ответил, что тот спит.

— Мне очень жаль, — сказала она, — ибо мне крайне необходимо его видеть.

Джарвис, из сострадания к возрасту и настойчивости старой дамы, провел её в спальню мистера Пейна и разбудил его. Тот приподнялся на локте и пристально посмотрел на старушку (отчего та отступила на шаг или два), спросив:

— Что вам угодно?

— Ваше имя Пейн?

— Да.

— Что ж, тогда я пришла от Всемогущего Бога, чтобы сказать вам: если вы не покаетесь в своих грехах и не уверуете в нашего благословенного Спасителя Иисуса Христа, вы будете прокляты, и...

— Полноте, полноте, это неправда. Вас не посылали с таким дерзким поручением. Джарвис, выпроводи её. Пфе! Он не стал бы рассылать свои послания с такой глупой и уродливой старухой, как вы. Уходите, ступайте назад, закройте дверь!

Старая дама вскинула руки и удалилась в немом изумлении.

Другой подобный случай произошел примерно за две недели до его смерти. К нему пришли два священника по фамилии Милледоллар и Каннингем. Последний представил себя и своего спутника следующими словами:

— Мистер Пейн, мы посещаем вас как друзья и соседи. Теперь перед вами во весь рост стоит смерть: вам осталось недолго, а «всякий, кто не уверует в Иисуса Христа, несомненно будет проклят».

— Избавьте меня, — ответил Пейн, — от вашей поповщины. Проваливайте. Доброго утра, доброго утра.

Мистер Милледоллар попытался заговорить с ним, но был прерван теми же словами. Через несколько дней эти же священники имели наглость прийти снова, но сиделка побоялась их впустить. Даже врач, наблюдавший его в последние минуты, воспользовался последней возможностью, чтобы спросить:

— Желаете ли вы уверовать, что Иисус Христос — Сын Божий?

На что Пейн ответил:

— У меня нет желания верить во что-либо подобное.

Это были его последние слова, ибо он скончался на следующее утро около девяти часов, спустя девять часов после того, как доктор покинул его.

За некоторое время до кончины мистер Пейн, сверх того, что можно было от него ожидать, казался весьма обеспокоен тем, в каком месте будет упокоено его тело. Он просил разрешения быть похороненным на квакерском кладбище, говоря, что они — самая нравственная и праведная христианская секта; однако при его жизни ему в этом было категорически отказано. Это причинило ему много беспокойства, которого едва ли стоило ожидать от такого человека. Получив отказ, он распорядился похоронить его на собственной ферме и установить над могилой камень со следующей надписью:

ТОМАС ПЕЙН,

АВТОР «ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА»,

СКОНЧАЛСЯ 8 ИЮНЯ 1809 ГОДА

В ВОЗРАСТЕ 72 ЛЕТ И ПЯТИ МЕСЯЦЕВ.

Меньше всего мистер Пейн, давая сие распоряжение, мог помыслить, что тот самый Питер Поркупайн, который осыпал его бранью более, нежели все остальные люди вместе взятые (ибо Поркупайн был единственным из пишущих оппонентов, кого мистер Пейн когда-либо удостаивал упоминания по имени), — меньше всего он мог вообразить, что этот Питер Поркупайн в лице Уильяма Коббетта станет его «вторым я» в политическом мире. И что он настолько отречется от своих прежних убеждений и принципов, что возмутится безразличием к Пейну со стороны большинства жителей Соединенных Штатов и решится собственноручно перевезти его прах в Англию. Я рассматриваю сей знак почтения и честного негодования как исчерпывающее извинение за всю ту хулу, которой мистер Коббетт пятнал имя и репутацию Пейна. Это покаяние более весомое и убедительное, чем любое, которое могло бы выйти из-под его энергичного пера. Что до меня, то, пока в нашем распоряжении остаются его труды, мне было бы безразлично, что станет с его костями; однако мистер Коббетт был обязан принести британскому народу публичное отречение за свои былые нападки на Пейна, и я, как один из многих, вполне удовлетворен принесенным извинением.

На этом я завершаю сей очерк, и если читателю он покажется недостаточным, я скажу ему: труды самого мистера Пейна восполнят сей пробел, ибо он был не только бытописателем, но и деятельным участником всех событий, о которых рассуждал. Там, где я лишь слегка коснулся происшествий, сами его сочинения раскрывают все подробности; и когда читатель ознакомится и с биографией, и с самими трудами, он скажет: «Я удовлетворен».

Р. КАРЛАЙЛ, ДОРЧЕСТЕРСКАЯ ТЮРЬМА, 10 МАЯ 1821 ГОДА.

Прим.: Этот краткий очерк о мистере Пейне был написан специально для того, чтобы сопровождать новое издание его политических сочинений, недавно выпущенное Р. Карлайлом. Пока книга находилась в печати, издателю пришла мысль, что очерк будет полезен в виде отдельного памфлета для тех лиц, кто приобрел данные труды ранее. Соответственно, он отпечатал 500 экземпляров и обнаружил, что все они были распроданы в течение нескольких недель без какой-либо рекламы, кроме упоминания в журнале «Республиканец» (The Republican). Очерк отсутствовал в продаже более трех месяцев, и, видя постоянный и растущий спрос, составитель был побужден внести несколько исправлений и незначительных дополнений и напечатать второе издание. Сколь бы кратким ни казалось количество страниц для описания столь интересной личности, составитель уверен, что очерк будет признан достаточным всеми обладателями сочинений мистера Пейна, исключительно для чьего удовлетворения он и был написан.

Характер иудейских книг (1821)

... представляющий собой защиту естественной непорочности человека от королей и священников, или тиранов и самозванцев.

Справедливость — это долг перед каждым человеком; это драгоценный камень, изливающий сияющее великолепие как на тирана, так и на раба, как на богатого, так и на бедного. Справедливость в мире нравственном — то же, что солнце в мире физическом: одно освещает интеллектуальную систему, другое — земную. Мерилом справедливости судите правителей земли; испытывайте их деяния, оценивайте их нравы, взвешивайте их правление на весах правосудия. Если при таком анализе они окажутся чистыми и без примесей — воздайте им безмерную хвалу; если же обнаружатся изъяны, если перевесят тирания, подлость, фанатизм и жестокость — осудите их и предайте проклятию всего человечества. Несмотря на усилия философии и неустрашимое упорство немногих, повсеместно торжествуют варварство, алчность и суеверие. Многочисленные приверженцы, толпы мошенников, рабов и глупцов у алтаря корыстолюбия слишком часто парализуют усилия просвещенных людей. Низкая, жалкая, презренная торговля породила меркантильные идеи, и вследствие этого нация торгашей измеряет заслуги деньгами. Богачи мнят себя привилегированными и беспрестанно поносят и обличают трудолюбивую бедноту как порочную, безмерно преступную и предающуюся любому нравственному падению, пренебрегающую собой, своими семьями, обществом и своими душами. Давайте же исследуем, справедливы ли эти обвинения; деградировала ли беднота; обрекла ли она себя на презрение, унижение, заточение и смерть. Попробуем выяснить, изменились ли законы природы, отменены ли предписания разума и стала ли смерть предпочтительнее жизни. Бедняки — это самая многочисленная, самая трудолюбивая и самая полезная часть общества. Если бы эта часть, этот костяк, этот рычаг нации был столь достоин презрения, проклятия и осуждения, как хотят нас заставить верить некоторые скудоумные и хилые головой глупцы, то стоило бы всерьез опасаться за нерушимость государства. Те, кто монополизировал труд бедных и пользуется званием привилегированных богачей, беспрестанно настаивают на том, что суровые законы, мстительные пытки и ежедневные кровавые казни обеспечат безопасность находящемуся под угрозой спокойствию, сохранят религию, над которой смеются, подавят поощряемое богохульство и укрепят монархии, которые вызывают лишь отвращение, пренебрежение, насмешку, ненависть и проклятия. Страсти недоверия, мести, страха, ненависти, злобы и жестокости раздирают богатых, процветающих благодаря предательству, лицемерию, тирании и алчности. Сознывая свою порочность, мучимые угрызениями совести, опасаясь за сохранность незаконно нажитого добра, грабители и обманщики боятся, что народ потребует возврата своих прав и собственности.

При исследовании истоков преступности, возможно, обнаружится, что грабеж и лицемерие королей, священников и пэров были той самой побудительной причиной, тем безмерным фактором и действующим принципом, который привел в движение преступный умысел, приписываемый бедным. Если это будет доказано, то может ли быть что-либо более жестокое, возмутительное и оскорбительное для элементарного приличия, чем когда богатые и привилегированные грабители, узурпаторы и обманщики обвиняют народ в преступлениях, к которым они сами причастны, которым они способствовали своим разбоем и которые поощряли собственным примером? Ведь короли, пэры и священники беззастенчиво промышляют обманом, надувательством и грабежом; их титулы лишь подтверждают их отделенность от людей. Опыт доказывает, что у них есть склонность и способность к любой степени подлости, которую только могут измыслить самые худшие, гнусные и отвратительные из людей. Никакой позор не может тронуть, никакое презрение не может пошатнуть, никакая насмешка не может унижить тех, кто оскверняет святыни Церкви и Трона, как именуются определенные места.

Взгляните на человека с момента его истоков, с рождения, с младенчества: он входит в этот мир без раздумий, без воли, без идей. Его разум можно сформировать, вылепить и направить по желанию; его идеи, выражения, поступки и сама жизнь являются результатом его воспитания. Его младенчество, отрочество, зрелость и старость суть последствия его обучения. Не имея внутренней или врожденной идеи, не обладая самобытным или спонтанным разумом, он был ничем иным, как отражением внешнего мира. У него нет идей или концепций, кроме тех, что возникают в результате внешних впечатлений. Если дефект развития лишил его зрения, он ничего не знает о цветах; если слуха — ничего не знает о звуках; если и того, и другого — он идиот.

Если ребенка мужского пола с двенадцатимесячного возраста запереть в темнице и кормить через щель, он не будет знать ничего за пределами своей кельи, ничего, кроме ее стен. Он не ведал бы ни о королях, ни о священниках, ни о пэрах, ни о молитвах, ни о десятине, ни о налогах, ни о богохульстве. Он не знал бы ничего, кроме мягкого и твердого, шероховатого и гладкого, тепла и холода. Он не знал бы ничего сверх опыта, ничего без исследования, и не имел бы ни малейшего представления о чем-либо, кроме того, что можно услышать, увидеть, осязать, попробовать на вкус и понюхать. У него было бы представление только о тех вещах, которые порождались бы сочетанием его немногих идей. Даже человек, живущий в миру, но лишенный знаний, ничего не ведает о суевериях Магомета, Зороастра, Брахмы или древнего иудея; так и дитя в подземелье не знало бы ни о жестокости иудея Моисея, ни о распутной свирепости Давида, ни о любезном галантстве Соломона. Ему были бы неведомы инцест, многоженство и убийства, совершаемые этими «иудейскими братьями», — он не знал бы ничего, кроме простых ощущений. Но продолжим эксперимент: поместим нашего подопечного в иную обстановку. Пусть в возрасте десяти лет его извлекут из подземелья и переведут в заброшенную

келью, куда не вхож никто, кроме стража, наставника, надзирателя, монаха и евнуха. Пусть стражу будет велено не учить его ничему, кроме «Иудейских книг»; пусть все его познания, все идеи и впечатления черпаются лишь из этих знаменитых книг закона, морали и религии. Его научат тому, что кровосмешение, прелюбодеяние, блуд, лицемерие, пьянство, лжесвидетельство, бесстыдное обнажение женщин, грабеж и убийства — суть акты религиозные, внушаемые, предписываемыми, поощряемые и практикуемые иудейскими царями и пророками, «избранным народом Божиим». Подопечный не сможет мыслить ни о чем, кроме того, что дало ему образование; его мысли будут строго соответствовать усвоенной теории. Он не сможет говорить о цветах, которых никогда не видел, описывать людей, которых никогда не знал, или отдавать предпочтение народам, о которых никогда не слышал. Когда же, находясь под гнетом этих исключительных впечатлений, он достигнет половой зрелости, в нем разовьется природная организация, вспыхнет новый пыл, возникнет новый стимул и новое влечение. Но разум его к тому времени уже будет переполнен картинами убийств, боен, соблазнов и разврата. И вот теперь, подготовленный и пресыщенный религиозными наставлениями, пусть он выйдет в мир. Его сознание, его восприятие и поступки будут сформированы по самым «священным» образцам, таким как Моисей, Давид и Соломон. Он будет религиозно предубежден в пользу обмана, лжесвидетельства, лицемерия, инцеста, похоти, коварства и человекоубийства. Пропитанный этим опытом, оплодотворенный религией, «иудейской моралью» и священной тарабарщиной, он станет действовать сообразно своему воспитанию и своему Богу. Оказавшись на свободе, подгоняемый страстями, раздраженный препятствиями на пути к своей похоти, алчности или своенравию, он — действуя последовательно и религиозно — совершит насилие, грабеж или убийство. Тем самым он преступит человеческие законы или законы разума, но не законы религии. Даже перед лицом царей, священников и пэров будет бесполезно ссылаться на веления, заповеди, примеры и достоинство Моисея, Авраама, Лота, Исаака, Давида или Соломона. Предположим, его приговорили к смерти. Но кто довел его до такой участи? Виноват ли он сам? Является ли он архитектором собственного несчастья, причиной своей судьбы, автором своих бед? Должна ли человеческая природа быть запятнана подобными делами, заслуживает ли он порицания, проклятий и презрения? О нет! Он — жертва беззакония, мученик ложных впечатлений, пагубного воспитания и фанатизма. Он поступал согласно тому, чему его учили. Причиной стало наставление во лжи, в заблуждении и несправедливости, и вина может быть возложена лишь на авторов ложных принципов — корыстных фанатиков и продажных лицемеров. Любой, кого научат на практике следовать ужасающим догмам, изложенным в «Иудейских книгах», быстро дойдет до виселицы, покроет себя преступлениями и будет предан позору. А достоинство человеческой природы будет оклеветано, очернено и осуждено каждым глупцом, каждым фанатичным шарлатаном и каждым невежественным претендентом на роль законодателя, в то время как главные лицемеры будут громко звать к мести над несчастным совращенным.

Человек ничего не знает о своем младенчестве; он знает лишь то, чему его научили, и ту комбинацию идей, которую он впитал. Следовательно, те, кто учит, в ответе за преступления, если принципы образования ложны — а таковыми являются **цари, священники и законодатели.**

Обманщики излишне делают религию важной чертой человеческого воспитания. Людей заставляют слушать, читать и размышлять над некими невежественными, безграмотными, запутанными и каббалистическими «Иудейскими книгами». Поскольку эти книги содержат ложные, жестокие, лживые, кровавые и непристойные истории и преподносят как религиозные и моральные примеры самое бесстыдное распутство и убийства, они являются крайне неподходящими и опасными для детей и необразованных людей. «Иудейские книги» развратят жену, соблазнят девицу, ожесточат и собьют с пути сына. Скотские максимы, которые они внушают, веками защищались суеверным невежеством и бездумным варварством прежних продажных и фанатичных парламентов, чье скудоумие сегодня сделало бы честь разве что шилу или лопате. Интеллект нынешней эпохи, каким бы несовершенным он ни был, презирует это готическое суеверие наших предков. Лицемеры пытаются навязать свою абракадабру через извращение закона, через петлю, факел и меч. Но над этими интеллектуальными карликами смеются, когда они взывают к вечному гневу и сулят бесконечную погибель. Анафемы и проклятия ныне смешны, как смешон и тот плут или дурак, что неистовствует на кафедре ради куска хлеба. Там, где разум еще не рассыпал свои рубины, ложные доктрины опасны. Внушаемые пустующим умам с ужасающим пафосом и корыстным усердием, они развращают юность и простодушных. Нас заставляют восхищаться жестокостью Моисея, похотливой резней Давида и амурами Соломона. «Иудейские книги» гласят: «Бог одобряет такие деяния», и подобные герои именуются мужами по сердцу Господа. В то же время государственные законы — кощунственным образом, разумеется, — запрещают подобные «царственные приключения». Выходит, либо законы нечестивы, либо «Иудейская книга» кощунственна. Закон, религия, разум и Библия находятся в таком противоречии друг с другом, что истина и здравый смысл оказываются в изгнании. Сторонники того, что ныне именуется законом, в действительности являются губителями Иудейских книг;⁶ те же, кто уничтожает эти книги, суть юристы-законники или «богохульники», как называют мыслящих людей на языке святош. Редкая непоследовательность!

Человек есть создание полученного им воспитания; интеллектуальные впечатления формируют мотивы его действий, и он вынужден направлять свою жизнь сообразно этим впечатлениям. Разум подобен глине в руках гончара или мрамору под резцом скульптора. Поскольку Иудейские книги содержат в себе религию и мораль для детей, и поскольку книги эти жестоки, порочны и мстительны, само их существование пробуждает в детях преступные склонности.

⁶ Иногда именуемых Библиями и Заветами.

Первые впечатления искажаются, ранние привычки отравляются, а будущая жизнь пропитывается подлостью.

Преступность вовсе не порождается пренебрежением к чтению Библии, как на то претендует невежественный и корыстный лицемер; напротив, если бы её читали больше, а образование было бы менее смешанным, люди стали бы еще более низменными, вероломными и кровожадными. Это исторический факт, подтвержденный опытом: с тех пор как были основаны библейские общества и распространение Библии расширилось, число преступлений возросло. Люди стали более жестокими, грубыми, свирепыми и мстительными; человеческий разум отравлен, а все чувства человеколюбия погублены. Если подобная бессмыслица будет распространяться и далее, развитие человеческого разума обратится вспять, и воцарится стихия готического невежества. Исключите библейскую часть из образования — и станет меньше проституток, меньше развратников, меньше лжесвидетелей, меньше тиранов и убийц. Именно эта часть воспитания оскверняет и заражает саму суть милосердия, поражая тленом все цветы интеллектуального просвещения. В ней — источник нынешних варварских схем правления, которые обожествляются мошенниками и допускаются глупцами. Иудейские книги — это плодовитый источник жестокости, вероломства, алчности и кровожадности королей, пэров, священников и всей этой клики самозванцев. Они собираются, объединяются и вступают в заговор, чтобы вводить в заблуждение, дурачить, править, грабить и унижать ничего не подозревающий и невинный народ; общность пути, общность цели и взаимная симпатия связывают воедино грабителей и угнетателей человечества. Если бы народ был наставлен в морали, справедливости и праве, он увидел бы грабеж, угнетение, нетерпимость и подлость королей, священников и пэров. Если бы знание позволило людям узреть несправедливость, одного общего вздоха было бы достаточно, чтобы смести её, и венценосные или облаченные в ряссы обманщики перестали бы угнетать. Мораль и правосудие должны стать фундаментальными принципами образования — тогда люди уничтожат пагубный деспотизм монархов и духовенства. Они больше не стали бы поддерживать, оправдывать или допускать существование лицемерной и празднолжи прожорливых привилегированных самозванцев. Такие негодяи пожирают плоды чужого труда и смеются над тем, что сами проповедуют, заботясь лишь о том, чтобы множить и поддерживать простодушие, невежество, доверчивость и суеверие обреченного, ограбленного и безобидного народа. Как могут люди внимать наставлениям или убеждаться примером обманщиков, которые проводят свою жизнь в распутстве, разврате, прелюбодеянии, пьянстве и священном мошенничестве? Если люди следуют примеру этих погрязших в бесчестии самозванцев, они теряют право называться гражданами, лишаются права на доверие, справедливость и защиту законов; они становятся бичом, ужасом и позором друг для друга. Обманщики требуют от народа почтения к Иудейским книгам лишь потому, что эти книги предписывают платить подати и десятины. Этот кодекс лицемеров рассчитан на то, чтобы потакать нетерпимости деспотов и

алчности жрецов. Если бы люди следовали некоторым библейским примерам и приняли за образец совершенства модели, превозносимые священниками, не стали бы они ежедневно замышлять заговоры против царей или тиранов, убивать своих братьев, спать с женами своих отцов, растлевать своих сестер и дочерей? Одним словом, не осталось бы ничего, кроме прелюбодеяния, распутства, лжесвидетельства, заговоров, жестокости, вероломства и убийств. Все эти преступления стали бы следствием приверженности Иудейским книгам. И все же, если люди поступают подобно героям Иудейских книг, если они совершают хоть одно преступление, вызванное алчностью или заблуждением, их обвиняют в «отсутствии страха Божьего перед глазами» и в нежелании следовать советам священников, выуживающих десятину. Их обвиняют в том, что ими движут безрелигиозные, нечестивые, богохульные и дьявольские мотивы. Догмы священников и законы постоянно сталкиваются, и пока разум позволяет существовать этой кормящейся десятиной корпорации, законодательство неизбежно будет несовершенным. Для народа невозможно одновременно следовать закону и Библии; вопреки подозрениям священников, законы всегда будут действовать в противоречии с Библией.

Люди суть создания воспитания; они действуют в согласии с тем, чему их научили. Обманщики и глупцы, провозглашающие ложные принципы, должны отвечать перед разумом и законами, созданными всем народом. Люди становятся преступниками вследствие ложного образования, навязанного светскими и религиозными самозванцами с целью пожинать жатву с чужих полей. Их цель: (1) Одурманить, поработить и унижить разум; (2) Ограбить жертву. Подобные негодяи постоянно проповедуют порочность человеческой природы, дабы заполучить больше власти в качестве «земных спасителей». Нация, управляемая королями и священниками, всегда будет находиться в состоянии варварства, постыдного безразличия и преступности. Такие народы населены людьми низшего порядка, до которых дошли лишь редкие искры философии. Государства, управляемые королями и священниками, свидетельствуют о том, что солнце разума всё еще находится за горизонтом. Если человеческая природа кажется преступной, то это не так на самом деле; подобные случаи ошибочно принимают за следствие пороков воспитателей, которые прививаются человеку с колыбели, с самого момента его рождения. Если он когда-либо проявляет мстительность, злопамятность и кровожадность, припишите это тем облеченным властью злодеям, что пятнают лик земли. Поразмыслите над этим, вы, пресыщенные и раздутые самозванцы, пирующие за счет трудов бедняка; вы, лицемеры, что бражничают на поте чела его и расхищают добычу преступника, порожденного вашей же ненасытностью. Тираны и обманщики! Помните, что ваше величие зиждется на попрании честности, на боли, болезнях и смерти других. Дайте народу справедливость, и он станет трудолюбив; если он будет трудолюбив, у него будет достаток; а если у него будет достаток, он будет честен. Люди по природе своей невинны, кротки и миролюбивы; ложные сведения и несправедливость — вот истинные источники насилия и преступности.

Помните об этом, вы, сговорившиеся самозванцы и тираны, и исправьте собственные ошибки, прежде чем клеймить невинных позором. Извлеките бревна из собственных глаз, прежде чем изливать свою желчную клевету на добродетельных и праведных.

Книга каждой женщины, или Что такое любовь? (1826)

... содержащая важнейшие наставления по благоразумному упорядочиванию чувства Любви и численности Семейства.

Предисловие

Любовь — это первоисточник, из которого изливается поток человеческого счастья. То, что поток сей не струится столь обильно, как того мог бы желать всякий истинный радетель о благе рода человеческого, обусловлено рядом причин, в основе которых, однако, неизменно лежит незнание истинной ценности любви и средств к достижению более совершенного наслаждения. В данной книге дается подробное разъяснение пользы и злоупотреблений любовью — будь то в отношении воздержания или излишеств, нежелательных и зачастую пагубных и несчастных последствий зачатия, либо же принудительных, низменных и продажных союзов, а равно и несчастливых браков. Цель Издателя — объявить войну той ложной стыдливости, что равносильна лицемерию. Истинная добродетель во всех случаях может позволить себе быть искренней и открытой; она не нуждается ни в тайнах, ни в утаивании, ни в чем-либо таком, что следовало бы скрывать. Лишь порок всегда вызывает к секретности.

Последующие страницы были написаны именно с этими намерениями и ни с какими иными. Издатель вверяет свои помыслы на суд молодых и зрелых, здоровых и счастливых, добродетельных и благоразумных представителей общества обоих полов.

Настоящее издание стало предметом широчайшего обсуждения и, несомненно, станет заметной вехой в истории и поступательном развитии нашей страны. Скромная и целомудренная женщина может быть уверена: здесь нет ничего, что имело бы целью оскорбить её. Единственным смыслом данной публикации является просвещение в вопросе, в коем и мужчины, и женщины остаются слишком невежественны ради собственного же благополучия и счастья. Труд этот может шокировать предрассудки, но он будет одобрен разумом и зрелым размышлением. Никто не ценит чистоту языка и изящество манер более, чем Издатель; однако всякое наставление требует предельно ясного слога, и любые темы могут обсуждаться в философском ключе, если целью их является обретение или передача полезных знаний. Такова цель этого труда.

Издание уже стало классическим. До начала текущего года было продано десять тысяч экземпляров. Ныне оно отпечатано стереотипным способом, и впредь количество переизданий более не будет упоминаться. Мы ожидаем, что в будущем эта малая книга станет одной из самых ценных в английской словесности. Ни одно

иное из существующих сочинений не рассматривает предмет, имеющий столь много жизненно важных связей и последствий.

Лондон, апрель 1828 года.

Что такое любовь?

Первой, кто вправе дать ответ на этот вопрос, является изнывающая от томления восемнадцатилетняя дева. Она скажет, что любовь — это упоительная страсть, которую во всей полноте способны познать лишь девушки её лет; и если её собственная любовь безответна, она станет отрицать само существование этого чувства у противоположного пола. Дети, по её словам, любить не могут, ибо сама она не знала подобных ощущений в детстве. Женщины постарше также не способны на любовь, ведь они уже не столь легкомысленны, как она сама. Она может долго рассуждать о тех, кто не может и не умеет любить; но, хотя в её душе теснится сотня чувств и мыслей, она не сумеет объяснить вам, что же такое любовь. Если она и попытается описать её, вы обнаружите, что под любовью она подразумевает не более чем влечение к обществу некоего мужчины. Наслаждаясь его присутствием, она пребывает в крайнем волнении; она любит, она страшится его ухода и готова была бы пренебречь всеми правилами общественной жизни, лишь бы удержать его подле себя. Когда он уходит, это кажется ей вечной разлукой, а каждый промежуток между встречами тянется целую вечность. Но стоит ему вернуться — и её чувства вспыхивают с ещё большей, неистовой силой. Если он приятен в обращении, если владеет искусством очаровывать, то само его присутствие становится неопишуемой, хоть и сладостной частью пытки; но не встретить его в назначенное время — это высшая точка человеческого горя. Если он пообещает и обманет, если покинет её или предпочтёт ей общество другой женщины, тогда любовь, подобно желчи или желудочному соку, обращается против собственного тела, ранит и порой разрушает его. И всё же дева не знает, что такое любовь: она жаждала общества возлюбленного и наслаждалась им, но это лишь подливало масла в огонь и ни на миг не унимало её страсти. Он навещал её в назначенный час, но в душе её всё равно оставалось некое неутолённое чувство. Они встречались и расставались: она вздыхала о нём, дарила ему улыбки, томилась в его отсутствие и наслаждалась его присутствием, но что-то по-прежнему оставалось неудовлетворённым. Она не знает, что бы это могло быть; это называют любовью, и она, пребывая в неведении относительно самой себя, не в силах ни понять причину своего недуга, ни найти от него исцеление.

Юноша, как правило, столь же невежествен в вопросе о том, «что есть любовь», как и девушка. Сердце олицетворяют и делают средоточием этой страсти; однако это, как и всякое иное олицетворение, есть лишь ошибочное следствие невежества — мнимая причина, действие которой лишь ощущается. Страсть любви кроется гораздо глубже, нежели принято считать; обитель её — всё человеческое тело, и каждая его часть служит этой страсти.

Если юноша выступает в роли соискателя, он в своём томлении уподобляется влюблённой деве: для него не существует ничего, кроме самого объекта желания. О днях здесь не может быть и речи; в данный момент мы рассматриваем исключительно влечение к личности. Общественные обычаи побуждают мужчину к решительным действиям. Получив отказ, он предпринимает попытку за попыткой, не сомневаясь в конечной победе. Будь он способен в тот миг к рассуждению, он бы осознал, что само снисхождение, с коим произносится это «нет», есть лишь завуалированное «да». Мудростью было бы не придавать значения краткому отрицанию, но неизменно предполагать согласие и действовать сообразно этому, пусть даже такие действия и могут показаться преждевременными. В нынешнем состоянии общества любовь — это тема, о которой многие женщины предпочитают не распространяться. Мужчине достаточно понять это, чтобы начать действовать без лишних слов, отвечая за них и принимая как несомненную истину то, что страсть эта взаимна. Каждая здоровая женщина по достижении половой зрелости познает любовную страсть. Это неотъемлемый признак её здоровья, потребность столь же естественная, как голод или жажда. Даже среди женщин немощных лишь немногие лишены этого чувства. Более того, в девяти случаях из десяти их расстройство вызваны именно отсутствием страсти, или отсутствием её удовлетворения, когда она уже овладела ими.

Это **варварский обычай** — запрещать девушке проявлять инициативу в любви или же ограничивать эти проявления лишь взглядом, движением пальцев, жестом, походкой или манерами. Подобный запрет столь же нелеп, сколь и смехотворен. Почему женщина не может открыто заявить о своей страсти мужчине так же, как мужчина — женщине? Разве есть в этом нечто предосудительное? К каким дурным последствиям это может привести? Разве это нескромно? Но почему же? Разве это лишает добродетели? Но на каком основании? Найти разумные ответы на эти вопросы было бы крайне затруднительно. Мы заявляем о **праве женщины на равенство и на свободное проявление чувств** во всех делах, касающихся истинной любви. Лицемерие и жестокость, стремящиеся подавить или скрыть страсть — будь то в мужчине или в женщине, — порочны; их следует разоблачать, порицать и отвергать с негодованием. Юные девы! Осознайте своё равенство; не бойтесь говорить о своей страсти, когда она пробуждается в сердце, и обращайтесь свои признания к тем, кто их заслуживает.

Почему бы нам не высказываться об этом столь же свободно, как и на любую другую тему? Ведь это вопрос удовольствия и счастья, а значит, он должен быть предметом обычного обсуждения, подобно иным простым радостям жизни, каждая из которых, будучи разумно употребленной, приносит счастье. Нет ни единой причины, по которой любовь следовало бы скрывать или по которой она должна была бы вызывать неприязнь при обсуждении в смешанном обществе мужчин и женщин. Употребление табака и нюхательных смесей — это мерзкие привычки, оскорбительные для тех, кто им не подвластен; это своего рода проституция рта и

ноздрей ради постоянно раздражающего вещества, подобная самой отвратительной форме порока, встречающейся среди людей, ибо это проституция, к которой стремятся вечно и которую покупают добровольно. Если бы любовь стала темой повседневных бесед, с ней не ассоциировалось бы иных мыслей и о ней не высказывалось бы иных замечаний, кроме тех, что ныне сопровождают удовлетворение обычных потребностей — таких как голод или жажда — или наслаждение роскошью: фруктами, вином и тому подобным. «Будем упиваться любовью» — это одно из лучших наставлений в Библии, одно из прекраснейших обращений, когда-либо сделанных женщиной к своему возлюбленному.

Если бы любовь сделалась предметом рассудительного и философского разговора, удовольствие, ею доставляемое, значительно возросло бы, желание никогда не подавлялось бы столь тиранически, а многих страданий и болезней удалось бы избежать. Родители в должное время разъясняли бы своим детям его смысл, его пользу и пагубные последствия; и тогда всякое невежество — а что еще хуже, всякое лицемерие в этом вопросе, ведущее к столь многим бедствиям, — было бы искоренено. Вскоре мы увидели бы куда более совершенное поколение людей, гораздо более целомудренное и добродетельное, нежели то, что мы наблюдаем ныне. Ограничения действуют здесь точно так же, как и в случаях с чрезмерным налогообложением: они уничтожают ожидаемый доход и порождают пороки контрабанды и куда более пагубных, тайных связей. Да, женщины! Вам следует быть смелее и добродетельнее в этом отношении, дабы изжить всякое соблазнение, всякое насилие и всякое превращение вашего тела в предмет постыдной торговли.

У старой девы любовная страсть, подобно переполненному желчному пузырю, за отсутствием должного исхода окрашивает горечью любое иное чувство. В животном мире, как и в мире растительном, зрелость есть венец здоровья, к которому должно стремиться и коим должно наслаждаться; и поскольку животное отличается от растения тем, что является машиной самообновляющейся и самосохраняющейся, дабы зрелость приносила пользу, ею необходимо пользоваться по праву. Если не способствовать естественным отправлениям организма, зрелость либо вовсе не наступает, либо, наступив, стремительно клонится к упадку. Поэтому те, кто воздерживается от половых сношений, как правило, бесполезны для целей гражданской жизни. Они редко обладают той обыденной жизнерадостностью или веселостью, что свойственна полнокровному и здоровому физическому существованию.

Истые старые холостяки, равно как и старые девы, принадлежат к своего рода низшему, полуживотному классу; ибо отсутствие любовной страсти или её извращение свидетельствует о печальном душевном изъяне. Остается надеяться, что сие развитие мысли послужит к уменьшению числа старых холостяков и дев. Эти апатичные, лишённые любви люди могут теперь с легким сердцем поддаться влечению, коль скоро найдено надежное средство для сдерживания избыточного потомства. Любовь — прекраснейшая из всех наших страстей; она столь

восхитительна, что ни одно зло, которое во власти человека устранить, не должно омрачать её. Она составляет столь значительную часть человеческого счастья, что её надлежит очистить от любых сторонних примесей и сохранить в первозданной чистоте.

Матрона, как правило, столь искушена в делах сердечных, что любит философски или, вернее сказать, с философским спокойствием на лице. Именно из-за этой серьезности во взоре легкомысленная и неопытная девушка воображает, будто любовь — удел одних лишь незамужних дев. В силу своей неопытности ей кажется невозможным совместить любовь со степенностью. Однако истинное различие кроется лишь в том, удовлетворена любовь или нет. Вопрос о том, что такое любовь, столь же труден для матроны, как и для юной девы; и поскольку первая давно не ведает иной любви, кроме утоленной, она слишком склонна взирать с суровым осуждением на неутоленную страсть последней. Между тем, долг матери состоит в том, чтобы разъяснить своей дочери или иной подопечной суть вопроса о том, что есть любовь. В этом предмете не должно оставаться места невежеству с того самого момента, как любовь становится доступна чувству и наслаждению.

Что же до ворчливого, изнуренного старика, то о нем мы можем лишь повторить слова **Ларошфуко** о старости: это тиран, который под страхом смерти запрещает удовольствия юности. Он наслаждался любовью так же, как и жизнью, не понимая ни её значения, ни истоков; и если он религиозен, то, возможно, искал прибежища в духовных призраках, дабы объяснить как одно, так и другое. Он не в силах ответить на вопрос, что есть любовь. Философия еще не дала на него окончательного ответа.

Философ, задаваясь вопросом «что есть любовь?», находит решение в ином вопросе: «**что есть животное?**» или «**что есть человек?**». Взирая на человечество, он находит его разделенным на два пола, мужской и женский, которые лишь немногим разнятся во внешнем облике или внутреннем складе. Он обнаруживает, что они наделены одними и теми же страстями, питают те же желания, живут теми же средствами и за исключением того, что женский организм предназначен для продолжения рода, философ находит представителей обоих полов почти во всем идентичными. Наши саксонские предки называли женщину «womb-man» (человек с чревом), откуда и произошло нынешнее искаженное слово «woman»; это весьма точное и главное различие между мужской и женской особью человеческого вида. Существуют и иные незначительные отличия, такие как форма костей таза у женщин, а также разведение или положение головок бедренных костей. Эти особенности, облегчая процесс деторождения, вместе с тем значительно уменьшают физическую силу женщины. В женском теле больше жировой ткани и меньше мышц, чем в мужском; в целом же оно сложено более изящно.

При дальнейшем наблюдении становится очевидно, что и у прочих животных не существует иного реального различия между самцом и самкой, хотя зачастую они могут сильно разниться внешне. Исследователь также замечает, что принцип пола,

то есть деление на мужское и женское, распространяется и на растения, которые во многих случаях могут размножаться лишь путем соприкосновения. Поскольку растения лишены способности к самостоятельному передвижению, полагают, что этот контакт полностью зависит от движения воздуха или от насекомых, переносящих мужское семя к женской особи. Таким образом, период, когда растения переполнены пылью, можно по праву назвать порой их любви. У многих животных приливы любви случаются лишь периодически, а у некоторых — и вовсе раз в год. У самки нет семенных органов, подобных мужским, однако существует некое стимулирующее начало, которое порождает в точности те же желания и те же наслаждения.⁷ Препятствия к естественному удовлетворению лишь усиливают яростные пароксизмы этого состояния, из чего можно справедливо заключить, что любовь — это болезнь: болезнь, исцеление от которой упоительно, но которая становится мучительной и пагубной, если её не излечить.

Любовь в животном понимании — это влечение к половому акту, присущее всем здоровым и правильно развитым организмам; и, подобно всем прочим природным склонностям, называемым естественными, она существует независимо от воли. Человек не властен приказать себе не испытывать голода или любого другого животного ощущения; он не может по воле своей ни вызвать их, ни подавить, хотя во многих случаях он способен видоизменять свои чувства и желания. Такова **физическая любовь**.

В дикарском состоянии, на низшей ступени развития, страсть **нравственной любви** ощущается слабо. Здесь преобладают сугубо животные ощущения и влечения, а любовные наклонности удовлетворяются без церемоний и таинственности. Утоление этой потребности считается не более постыдным или предосудительным, чем утоление любого иного аппетита — например, в еде или питье; все подобные потребности в равной степени необходимы и полезны. Однако, по мере того как общество продолжает развиваться и утверждается право собственности, в дело вступает воображение. Это можно назвать моментом зарождения любви нравственной, дополняющей любовь физическую. С дальнейшим прогрессом цивилизации воображение обретает всё большую силу и во взаимоотношениях полов становится ведущей, а зачастую и всепоглощающей властью — в этом и заключается вся полнота любви. Нравственная любовь есть целиком, или почти целиком, результат действия воображения на страсть и на удовлетворение любви физической.

⁷ В статье «Размножение» в «Циклопедии» Риса содержится следующий абзац: «Представления об излиянии семенной жидкости женщиной и её смешивании с мужской являются абсолютно воображаемыми. Несомненно, что во время соития из внутренних органов и влагалища порой выделяется слизистая жидкость; однако это случается лишь у женщин сладострастных или тех, что ведут изнеженный образ жизни; она состоит исключительно из слизи и выводится наружу, а не попадает в матку». Все физиологи и хирурги подтверждают, что у женщин отсутствуют семенные сосуды, подобные тем, что есть у мужчин.

Данное определение можно вкратце пояснить через разграничение любви на физическую и нравственную. Физическая любовь соотносится с животными страстями; моральная же — с теми удовольствиями и благами, что проистекают из любви физической. Более того, она охватывает принцип привязанности и узы кровного родства, добрососедства, любви к отечеству, к своему виду и так далее.

Размножение или преумножение существ, подобных себе, представляется общим законом как животной, так и растительной жизни. Склонность к воспроизводству у всякого правильно развитого и здорового субъекта столь же властна, как голод, жажда или стремление к самосохранению. Эта страсть не влечет за собой вины при её удовлетворении; напротив, предосудительным является её подавление, поскольку оно ставит под угрозу здоровье и даже саму жизнь. Она не является порождением ума или страстью искусственной — подобно, к примеру, жажде кичиться своим положением в обществе. Это страсть естественная, страсть телесная, коей мы наделены наравне с любым другим живым существом. Она растет вместе с нашим ростом и крепнет по мере нашего укрепления.

Дабы доказать, что физическая любовь есть не что иное, как упомянутая страсть, достаточно взглянуть на возраст, в котором она пробуждается в нас и в котором покидает. Мы не встречаем физической любви ни в дряхлой старости, ни в младенчестве; что же касается привязанностей, основанных на привычке, доброте, благодарности или на человеческих, социальных, индивидуальных, родительских, сыновьих или семейных привязанностях, то все они не имеют никакой связи со страстью любви физической. Мы рассуждаем о любви к добродетели, о дружбе, героизме, милосердии или великодушии; однако этот род чувств в корне отличен от плотского влечения между мужчиной и женщиной и может быть справедливо назван любовью нравственной. Всякий мужчина склонен испытывать страсть к прекрасной женщине, равно как и всякая женщина — к мужчине статному и приятному; однако это не выражает ничего, кроме естественного стремления человека связать свою жизнь с наиболее привлекательными объектами. Повседневный опыт человечества подтверждает это, объясняя и те интриги, что неизменно сопутствуют страсти физической. И если насилие в подобных делах должно караться самым суровым и устрашающим образом, то любое иное законодательное вмешательство в эту сферу — за исключением вопросов содержания потомства — может быть справедливо признано излишним. В девяти из десяти случаев женской неверности можно обнаружить оправдание — как физического, так и нравственного свойства. Пренебрежение или физическая неспособность мужа к любви суть почти неизменные причины адюльтера.

Подобное определение любви проясняет, почему супруги столь часто бывают несчастливы, а порой начинают ненавидеть друг друга вскоре после свадьбы и становятся непостоянными. Это доказывает — и жизненный опыт всецело подтверждает данную истину, — что брачные узы в нашей стране слишком обременительны для простого наслаждения страстью, которая по природе своей не

постоянна, а лишь эпизодична; страстью, что угасает с каждым удовлетворением и которую не следует ни понуждать, ни заковывать в цепи. Взаимное влечение в любой период жизни должно составлять практическую сторону или же венец любви. Будучи предоставлена полной свободе, любовь не стала бы от того более переменчивой в своих привязанностях. Природа презирает искусственные путы, а попытки наложить оковы — лишь оскорбления, порождающие вражду.

Существуют те, кто живет исключительно ради удовлетворения своих чувственных страстей. Другие же наделены страстями нравственными, или страстями ума, кои почти или совсем отвращают их от влечений более грубых и плотских. Таким человеком был сэр **Исаак Ньютон**; и таковыми мы можем, проявив снисходительность, счесть всех тех, кто желал бы ограничить свободу полового общения. Будучи сами лишены полноты чувств, они хотели бы, чтобы страсти всякого другого человека были подавлены так же, как их собственные. Это величайшее заблуждение человеческого суждения. Следует всегда проявлять должную терпимость к поступкам и страстям, отличным от наших собственных, — при условии, что они никому не наносят умышленного вреда.

Да не будет превратно понято, что этот труд защищает беспорядочные связи, подобные тем, что существуют в животном мире, или в той или иной мере встречались среди диких и нецивилизованных народов. Там, где число мужчин и женщин равно, каждому следует довольствоваться одним спутником противоположного пола, основываясь при этом на следующем правиле: *«Я буду принадлежать тебе лишь до тех пор, пока ты хорошо со мной обращаешься и действительно можешь меня любить; когда же это чувство угаснет, нам лучше расстаться и искать новую пару»*. Равенство между полами есть источник добродетели. Если бы на одного мужчину приходилось две женщины, многоженство было бы благоразумным. Если бы на одну женщину приходилось двое мужчин, столь же благоразумным было бы многомужество. *«Никто из желающих обрести пару не должен оставаться одиноким»* — вот истинное правило нравственности. Природа не знает критериев в этом вопросе. Все существовавшие доселе критерии были либо искусственными, либо законодательными, либо же следствием привычек и сильных страстей.

Это «Эссе о любви», при должном изучении, несомненно принесет великую пользу. То, что ныне выдается за любовь, в большинстве случаев есть не более чем приторное, болезненное чувство, основанное на лицемерии. В своей сути оно означает лишь удовлетворение страсти, которую ощущают, но не понимают, и которая прикидывается чем угодно, только не тем, чем является на самом деле. Главным соображением в делах сердечных остается следующее: **приятны ли мы друг другу телесно?** Сможем ли мы жить в союзе и не утратить взаимной любви? В поисках ответа на сей вопрос иудейский обычай годичного обручения «на пробу» представляется достойным восхищения, ибо вряд ли что-то иное, кроме испытания длиною в год, способно прояснить истину. Любовь следует освободить от

маскарадных одежд, которые она носила столь долго; она никогда не должна представлять перед нами иначе, как в своем **подлинном, обнаженном виде**. Лишь тогда она перестанет внушать отвращение; лишь тогда станет возможным ее вечное возрождение; тогда исчезнут соблазны и прелюбодеяния; и тогда наступит день торжества истинной добродетели и здравого человеческого счастья.

Хочется верить, что ни одна молодая особа, прочитав это эссе, не внемлет ни единому слову о любви, не спросив соискателя: «Что есть любовь?». Если же у него не достанет смелости или разумения ясно изложить, что именно он под этим понимает, — он недостоин чести стать ее спутником жизни. В этом кроется мерило его искренности.

Кто может всерьез помыслить о многолетнем ухаживании и притом допустить, что обе стороны имеют хоть малейшее представление о предмете своей мнимой погони? Это невозможно! В обоих непременно кроется некий изъян. Лишь лицемерие способно заявлять о страсти, которой нет в помине. **Подлинная любовь не терпит подобных отлагательств**. Томимый желанием холостяк ищет удовлетворения среди блудниц. Целомудренная женщина томится и чахнет. Так быть не должно. Любовь требует удовлетворения, иначе ее жертва увядает и гибнет. Те молодые особы, что страдают от хлороза и так называемой «бледной немочи», в действительности поражены лишь недугом неутоленной любви. Наши лучшие врачи признавали это; так, доктор Каллен был достаточно мудр и человечен, чтобы рекомендовать подобным пациенткам давать волю своей любовной страсти. Если бы этому совету следовали, мы видели бы вокруг больше прекрасных женщин, имели бы более здоровых детей и обрели бы полноту всяческого счастья.

Один из виднейших лондонских медиков в частной беседе о женских расстройствах заметил одной даме, что в девяти случаях недомогания из десяти и в пяти случаях смерти от чахотки из шести среди молодых женщин истинной причиной является отсутствие половой близости. Он добавил: «современное состояние общества не позволяет мне заявить об этом во всеуслышание, но таков непреложный факт, и было бы полезно, если бы о нем знали повсеместно».

В настоящее время выходят в свет сочинения, обучающие искусству красоты. Они, несомненно, принесут пользу; однако можно считать неоспоримым, что фундаментом для приумножения человеческой красоты должны стать здоровье и просвещение: здоровье — чтобы наделять тело силой, и знание — чтобы понимать, как это здоровье сохранить и то, как лучше всего его проявлять. Чтобы в полной мере пользоваться этим здоровьем и этими знаниями, мы прежде всего должны обрести верное представление о человеческом теле и его связях с миром животных, растений и состоянием окружающей его атмосферы. **Религия всегда была великим губителем красоты**; она изрядно подорвала здоровье и изящество строения человеческого тела. Это душевный недуг, который превращает любовь в мнимый грех и производит ужасающие опустошения, лишая человека естественной

половой близости. Даже там, где удавалось предаться тайным утехам, страх разоблачения порой вызывал не менее мучительное душевное смятение.

Женщины, заточенные в католических обителях вдали от мужского общества, подчас даже по наставлению своих священников прибегали к самым неестественным способам усмирения любовной страсти, следствием чего становилось глубоко аморальное лицемерие. Можно было бы привести факты, которые заставили бы: (1) женщину — устыдиться своего пола; (2) мужчину — устыдиться рода человеческого; (3) ревнителя веры — содрогнуться от пагубного влияния его религии. Именно в стенах этих заведений впервые стали изыскивать средства для предупреждения зачатия, и именно отсюда берет начало знание об одном из важнейших общественных благ.

Затем следует рассуждение о том, как прискорбно, что невозможно способствовать процветанию здоровья и красоты, что нельзя наслаждаться любовью без страха перед зачатием — даже тогда, когда оно нежелательно и приносит лишь явный вред как самим родителям, так и обществу в целом. Это обстоятельство служит величайшей преградой на пути к совершенствованию человеческого тела и духа. Взгляните, сколь неисчислимые беды порождаются этим: (1) Участь внебрачных детей и ужасы детоубийства; (2) Брошенные на произвол судьбы младенцы и появление на свет недужного потомства; (3) Нищета и лишения, которые терпят даже самые трудолюбивые и добродетельные родители, чьи семьи прозябают в голоде, наготе и убогих жилищах. Целые семейства вынуждены тесниться в одной-единственной комнате, в то время как для их здоровья жизненно необходимы просторный дом и сад. Все это — тяжкое бремя, наложенное на любовь, вечная дань, взимаемая с человеческих радостей и самого здоровья. Это налог, превращающий цветущую красоту в иссушенное уродство; он искажает благородный облик человечества и низводит его состояние до уровня, худшего, нежели у полевого скота.

Как же искоренить это зло? **Выход существует:** найдено средство — средство простое, преступное в своем пренебрежении, но отнюдь не в применении. До сих пор избавления от плода искали насильственными мерами: введением вязальной спицы или иного подобного инструмента через шейку матки, дабы пронзить оболочку, содержащую амниотическую жидкость, которая необходима для жизнедеятельности плода, путем приема ядовитых трав и снадобий, таких как спорынья, казацкий можжевельник и сильнодействующие слабительные средства, которые калечат, а порой и губят тело матери в ее попытках посягнуть на жизнь плода в своей утробе. Первый из этих способов безопаснее второго, однако и его нельзя признать надежным средством прерывания зачатия. Он таит в себе угрозу, а сама процедура должна быть глубоко отвратительна чувствам любой женщины, сохранившей в себе хоть каплю благородства. Оба пути ужасны, поистине ужасны. И всё же привычка сделала это делом обыденным, чем-то само собой разумеющимся, о чем почти не задумываются. В каждой деревне подобные случаи

происходят едва ли не ежегодно. На нашем Острове сотни младенцев ежегодно умерщвляются до или во время рождения; некоторые случаи становятся известны, но бесчисленное множество их остается нераскрытым. Мы осуждаем детоубийства в Китае и других странах и содрогаемся при мысли о них; однако еще вопрос, процветало ли когда-либо детоубийство в какой-либо иной стране в большей степени, чем в нашей собственной. Здесь, как и в любом другом случае болезни или иного зла, лучше предотвратить, чем лечить, и в данном вопросе предотвращение наиболее просто осуществимо — это средство, доступное каждому.

Лучшие и мудрейшие из мужей с усердием трудятся над тем, чтобы тайно или прикровенно распространять знания об этом методе. Женщины также втайне содействуют этому, сумев преодолеть предрассудки старой традиции, подвергнув этот вопрос всестороннему рассмотрению. На этот метод намекается в «Основах политической экономии» **Милля** и еще более явно — в статье «Колонии» в приложении к «Британской энциклопедии», вышедшей из-под пера того же джентльмена. Четкие указания на него содержатся в работе **Плейса** «Иллюстрации принципа народонаселения»; он обсуждался в несколько завуалированной форме в ряде газет и проповедовался в «Лекциях для трудящихся» одним весьма добродетельным джентльменом в Лидсе. Сведения об этом средстве распространялись в тысячах листовок по всем густонаселенным районам Севера; оно же является тем подразумеваемым выводом — и единственным спасением — из всего, что говорится в Палате общин и за её пределами относительно проблемы безработного, занятого на низкооплачиваемых работах и живущего в нужде «избыточного населения».

Средство, предотвращающее зачатие, при первой мысли о нем шокирует женщину, однако предубеждения быстро исчезают. Для слабых и болезненных женщин, для тех, кому деторождение грозит опасностью, и кто не способен произвести на свет живое или здоровое потомство, оно является истинным благословением — как и во всех тех случаях, когда дети не являются желанными. Оно станет подлинным оплотом любви, залогом мудрости, красоты, здоровья и счастья. В нашей стране это средство издавна было известно лишь немногим, и аристократии в особенности, которая всегда пребывает в поиске благ, коими можно обладать единолично, отделяя себя от основной массы трудящегося народа. На европейском континенте это уже давно вошло в широкую практику.

Великий путешественник и философ, покойный **Джон Стюарт**, известный под прозвищем «Стюарт-пешеход», высказывал мнение, что настанет время, когда разумные женщины перестанут обрезать себя на муки и опасности деторождения. Он говаривал: «Почему бы мужчине не смотреть на женщину со столь же малым волнением, с каким он смотрит на собственную сестру?». Мы же утверждаем: случись так — и значительная часть жизненного счастья угасла бы навсегда. Если под этим Стюарт подразумевал, что люди станут избегать половой близости, то его взгляд в данном вопросе противоречил его же более здравым философским

умозаключениям, и он, несомненно, ошибался. Стремление к подобной близости есть первооснова, которая пребудет вечно и всегда будет требовать удовлетворения. На этот счет существует немало любопытных свидетельств. Женщины, страдая от болей при рождении первенца, нередко заявляли, что не допустят появления второго ребенка, но все это оказывалось лишь тщетной угрозой; они вновь беременели, как только это становилось физически возможным. Даже в тех случаях, когда родоразрешение возможно лишь посредством **кесарева сечения**, и когда женщинам прямо заявляют, что вторые роды станут для них фатальными, всякая осторожность пасует перед страстью к соитию. Никакие доводы, никакие предостережения и последствия не имеют силы против этого влечения. Об одной женщине, жене бедного рабочего, рассказывают удивительный пример подобной решимости. После каждого рождения ребенка она в течение многих месяцев противилась притязаниям мужа и даже вооружалась ножом, чтобы дать ему отпор, если тот становился слишком настойчив. Однако всё было тщетно: ей никогда не удавалось обороняться в течение целого года; как правило, спустя всего несколько месяцев она сама первой предлагала «почетную капитуляцию»! Скажите же тогда, лицемерные ханжи, что есть любовь, если не естественная, мощная и необходимая склонность к близости? И не стоит краснеть от этого факта, ибо это есть, очевидно, чистейшее и приятнейшее из всех отправлений, необходимых для благополучия живого организма.

В Абиссинии, согласно свидетельству путешественника Брюса, любовные утехы во время пиршеств происходят так же открыто, как и любая другая часть празднества. Будь ваша Библия переведена беспристрастно, вы бы узнали, что подобный обычай существовал и у израильтян; и что в истории с поклонением золотому тельцу, когда вся толпа народа сели есть и пить, а после встали играть; однако в древнееврейском оригинале выражение «встать играть» подразумевает любовную близость. Это служит одним из доказательств того, что израильтяне имели африканское происхождение и некогда были соседями абиссинцев.⁸ Впрочем, следует признать, что во всей Азии, сколь бы затворничеству или иному порабощению ни подвергались там женщины, любовь никогда не окружали столь фантастическими понятиями и уловками, как в Европе со времен воцарения христианства.

Существует возражение, будто в случае отмены религиозной части брачной церемонии и устранения всякого церковного надзора между полами воцарятся беспорядочные связи. Однако это заблуждение. Брак в его нынешнем виде в нашем обществе есть система **унижения** и **рабства**, а следовательно — источник обмана и вечного разлада. Законы должны быть устроены таким образом, чтобы дети (тех, кто сознательно решил их иметь) были полностью обеспечены. Представляется вполне

⁸ Недавнее открытие капитана Клаппертона, обнаружившего в центре Африки почти белокожий народ — столь же белый, как евреи, и притом цивилизованный, — является еще одним доказательством или, по меньшей мере, веским доводом в пользу этого заключения.

разумным, чтобы расходы, связанные с воспитанием детей, несли именно те, кто произвел их на свет; но за пределами этого закону не должен вмешиваться. В подобных пределах в любом цивилизованном обществе неизбежно должны существовать определенные установления; и чем полнее эта цель будет достигнута при наименьших сопутствующих неудобствах в прочих отношениях, тем ближе законы будут к совершенству. Нынешние законы, касающиеся брака, причиняют общественной нравственности больше вреда, чем любые иные порядки, возникновение которых было бы вероятно в случае полной отмены существующего законодательства.

Также высказывались опасения, что если физические средства предотвращения нежелательного зачатия станут общедоступными, то распутство, безнравственность и нищета лишь усилятся, а общество подвергнется еще большей деградации, чем сейчас. Однако это заблуждение легко разоблачить. Те, кто полагает, будто распущенность нравов возрастет, просто плохо осведомлены о реальных масштабах нынешнего положения дел. Весьма вероятно, что если бы им открылись факты, известные магистратам, попечителям и медикам, они были бы потрясены. В среде беднейших рабочих и ремесленников понятие целомудрия едва ли существует; недавние свидетельства, представленные в комитетах **Палаты общин**, подтверждают, что на протяжении значительных периодов времени на обширных территориях в самых разных частях страны не было заключено ни одного брака, до тех пор, пока девушка не оказывалась беременной, и это касалось в том числе и земледельческого населения. Г-н Генри Драммонд, банкир из Чаринг-Кросс, крупный землевладелец в графстве Суррей и мировой судья, представил следующие показания перед «Комитетом Палаты общин по вопросам заработной платы рабочих»:

Вопрос: Какую именно практику принудительных браков вы имеете в виду?

Ответ: Полагаю, нет ничего более ошибочного, чем утверждение, будто «Законы о бедных» способствуют безрассудным бракам; я не знал ни одного случая, чтобы девушка вышла замуж, не будучи в тягости, и никогда не слышал, чтобы брак заключался исходя из расчета на получение пособия в будущем.

Заявление г-на Драммонда было подтверждено и другими, столь же почтенными свидетелями. Нечто весьма близкое к этому постоянно происходит и в промышленных графствах; факты, касающиеся некоторых местных порядков, показались бы невероятными, будь они обнародованы. Ни повсеместное распространение половых сношений, ни ранний возраст, в котором они начинаются в этих краях, не встретили бы доверия, если бы о них было заявлено открыто. Подобное положение дел, вкупе с существующими законами о браке и избыточным населением, наносит обществу едва ли не бесконечный вред. Обе стороны, но в особенности женщины, чувствуют себя падшими и поступают сообразно этому положению — то есть как люди, которым не нужно ни поддерживать, ни заслуживать

свою репутацию. В сословию, стоящем чуть выше, и даже на более высоких ступенях общественного устройства, поразительно велико число женщин, которые — открыто или тайно — постыдно торгуют собой ради денег. Сколь огромно число тех, кто потакает своим желанием, не вызывая подозрений! Да и может ли быть иначе? Множество мужчин никогда не вступают в брак; еще большее число воздерживается от женитьбы до весьма зрелых лет. При этом большинство таких мужчин — заядлые развратники, и вред, который они наносят, порождая обман и лицемерие, неисчислимы. Этого не случилось бы, если бы были приняты **физические меры для предупреждения зачатия**. Тогда девушки не становились бы жертвами соблазна так часто, как это происходит ныне. Те женщины, что предпочли бы иметь возлюбленных, не были бы ни унижены, ни доведены до скотского состояния, ни сделаны несчастными вследствие своего выбора, как это происходит сейчас. Они чувствовали бы себя не хуже, чем в Швеции или некоторых частях Германии, где подобная практика уже вошла в обиход. Однако величайшее благо, которое принесло бы использование средств контрацепции, заключалось бы в том, что **брачные союзы заключались бы в более раннем возрасте и были бы более прочными**. Девушки более не приносили бы себя в жертву капризам и несправедливости мужчин, и не становились бы жертвами их жестокости, как это происходит ныне.

Девушка могла бы объявить своему возлюбленному, что более нет никаких препятствий к тому, чтобы подчиниться формальностям — каковы бы они ни были — установленным обществом; и поскольку она была бы уверена в благополучном заключении союза, она бы неуклонно заботилась о сохранении того положения, которое побудило бы искренне любящего её мужчину сообразоваться с её желаниями. Главное препятствие к браку в его нынешней форме — это страх перед многочисленным семейством и порождаемой им нищетой. Стоит устранить сие препятствие, и браки станут заключаться гораздо чаще. Люди будут вступать в союзы еще в юности, будучи не искушенными в обмане и лицемерии, и станут жить добродетельно и счастливо до конца своих дней. Мы имеем тому подтверждения. В некоторых штатах Новой Англии в Северной Америке развод может быть получен на весьма легких условиях и по самым разным причинам, равно как и по обоюдному согласию сторон — и всё же разводы там случаются крайне редко. В Пруссии закон почти такой же, как в Северной Америке, и здесь число разводов и случаев раздельного проживания супругов также невелико. Не одним писателем было замечено, что число разводов и разрывов в Пруссии гораздо меньше, чем в Англии, среди равного числа людей. В обеих этих странах нравы народа в том, что касается честности и добропорядочности, значительно превосходят наши. Отношения между полами там гораздо свободнее, нежели у нас, и это не влечет за собой столь пагубных последствий. В этих государствах, и особенно в Пруссии, женщину не изгоняют из общества лишь за то, что она решилась завести друга; точно так же это не препятствует её вступлению в брак — равно как наличие подруги не мешает мужчине обзавестись женой. Не замечено также, чтобы подобная свобода общения

и легкость развода превращали женщин в дурных жен, а мужчин — в дурных мужей. Напротив, там нет ни того легкомыслия и неустанной жажды перемен, что присущи нам, ни того жестокого обращения мужчин с женщинами, которое мы, к нашему величайшему стыду, наблюдаем в своей жизни ежедневно и ежечасно. Всякий, кто возьмет на себя труд изучить эти важные вопросы, непременно убедится: физические средства предупреждения зачатия, стань они всеобщим достоянием, положили бы конец невообразимому количеству разврата и нищеты, порока и преступлений, и значительно улучшили бы положение всего народа в целом.

Разврат, постоянно творящийся между слугами и горничными, между служанками и их молодыми — а подчас и старыми — хозяевами, а также с женщинами из прислуги в трактирах, гостиницах и меблированных комнатах, не может стать более распространенным, но вполне может пойти на убыль. В любом случае, благодаря повсеместному использованию **физических средств предупреждения зачатия**, подобные связи утратили бы значительную часть своей грубой низости и почти все свои пагубные последствия. Не следует, однако, полагать, будто здесь содержится намек на то, что все женщины лишены добродетели. Никто не усомнится в том, что в Великобритании целомудренных замужних женщин больше, чем в любой другой части света, и что во всех сословиях множество незамужних девиц ведут жизнь скромную и чистую. И все же число женщин, не соблюдающих целомудрия, чрезвычайно велико. Чаще всего оно встречается среди средних и высших слоев торгового сословия и вообще среди людей благородного круга, в особенности же среди незамужних женщин, принадлежащих к этим классам.

Однако абсурдна сама мысль о том, будто разновидность целомудрия, заключающаяся в вынужденном воздержании от плотских отношений, является добродетелью (какие бы бедствия за этим ни следовали), а удовлетворение собственного выбора во всех случаях — пороком. Целомудрие в философском и моральном смысле — это сила разума, противостоящая корыстным или унижительным связям; это то душевное свойство, которое находит удовлетворение, исходя из благородного принципа **взаимного равенства**, взаимного влечения и взаимного **наслаждения**, несправедливо и в высшей степени неразумно именуют нецеломудренным; однако этот вопрос, как и любой другой, имеет свои связи и зависимости. Данное обещание не должно нарушаться лишь из жажды перемен. Недопустимо прибегать к обману. Умелое сокрытие истины никогда не должно подменять собою подлинное приличие. Истинное целомудрие пребывает в разуме, который подвергает себя испытанию и находит удовлетворение в чистоте и пользе своих побуждений.

Вопрос любви в большинстве случаев понимается превратно — как в теории, так и на практике, — и значительная часть человеческих страданий является следствием этого заблуждения. Любовь связана с грехом не более, чем любой другой вид общения между людьми.

Трудно не заметить тот факт, что женщины, не знавшие плотской близости, к двадцатипятилетнему возрасту начинают увядать: они становятся бледными и томными; ими овладевает общая слабость и раздражительность — своего рода беспокойная, нервная суетливость; запускается процесс истощения, их формы утрачивают былую статью, черты лица заостряются, и постепенно проявляется характерный облик «старой девы». За этим следует такое состояние здоровья, которое во многих случаях превращает само существование этих женщин в тяжкое бремя, а у тех, кто понимает истинную причину происходящего, неизменно вызывает чувство глубокой печали.

Физическое средство контроля, ставь оно общепринятым, устранило бы это нагромождение бед; тогда подобных несчастных более не существовало бы, ибо каждая молодая женщина могла бы иметь мужа. Женщины, если позволительно будет так выразиться, пользовались бы гораздо большим спросом, поскольку каждый юноша взял бы себе жену, и уважение к женщинам возросло бы почти безгранично по сравнению с нынешним положением дел.

Невозможно в полной мере предвидеть то счастье, которое принесет с собой повсеместное применение физического средства контроля.

Ныне бытует безосновательное мнение, будто рождение неограниченного числа детей благотворно для общества. Более ошибочного суждения никогда не существовало. Появление детей на свет является благом лишь тогда, когда им могут быть обеспечены здоровье и счастье. Для родителей это является благом лишь тогда, когда они могут производить потомство без ущерба для собственного здоровья и благополучия. Для общества это является благом лишь тогда, когда дети способствуют совершенствованию государственного устройства. Напротив, это оборачивается злом, когда они становятся бременем для уже существующих членов общества; это зло, когда они ложатся бременем на плечи родителей; зло, когда они лишены здоровья и счастья.

Всякое состояние животного бытия есть состояние удовольствия или боли. **Удовольствие — это отсутствие или ослабевание боли.** Любое состояние боли есть зло; любое состояние удовольствия есть благо. Большая часть животной жизни проходит в страдании, и долг человечности, добродетели или того, что именуется моралью, состоит в том, чтобы уменьшить сумму страданий; следовательно, принцип предотвращения зачатий, влекущих за собой страдания, является безусловным благом для общества.

Однако в этой рекомендации по предотвращению подобных зачатий, в этом обновленном взгляде на вопрос любви, преследуются и иные цели: мы стремимся не только не допустить появления на свет несчастных детей, приносящих горе родителям и близким, но и нанести удар по всем тем неестественным наклонностям, которые оба пола связывают со страстью любви. Мы жаждем искоренения проституции и венерических заболеваний; и тот, кто предложит

средство, способное полностью избавить мир от этой повсеместной, почти всеобщей болезни, станет величайшим благодетелем человечества. Неестественные наклонности, к числу которых можно отнести и проституцию: свойственны как мужчинам, так и женщинам и они заключаются в самовозбуждении и неестественном удовлетворении чувств, таких как онанизм, педерастия и прочие способы достижения семяизвержения у мужчин, а равно и утоление похотливого возбуждения у женщин с помощью искусственных средств. Мы стремимся искоренить все эти пагубные и порождающие болезни привычки, заменив их естественным и здоровым общением между полами. Мы рекомендуем чистое и подобающее соитие вместо искусственных и противоестественных методов, столь широко применяемых ныне для минутного усмирения любовной страсти. Мы превозносим подлинную близость и осуждаем низменную подмену. Первое способствует здоровью и счастью; второе же порождает недуги и всё то, что является унижительным, болезненным и позорным для тех, кто этому предается.

Важное открытие заключается в следующем: если перед половым актом женщина введет во влагалище кусочек губки — настолько крупный, насколько это возможно сделать без неприятных ощущений, — предварительно прикрепив к нему тесьму или узкую ленточку для последующего извлечения, это послужит надежным средством, предотвращающим зачатие. При этом данный метод не уменьшает удовольствия женщины и не наносит вреда её здоровью. По возможности губку следует окунуть в теплую воду, или даже в холодную, если нет иной возможности.

Подобная практика широко распространена среди женщин в наиболее просвещенных частях европейского континента, а также в кругах английской аристократии. Автору недавно приводили в пример одну английскую герцогиню, которая никогда не отправляется на званый обед, не имея при себе приготовленной губки. Француженки и итальянки носят их пристегнутыми к поясу, чтобы те всегда были под рукой. Следует, однако, соблюдать одно важное условие — **строжайшую чистоплотность**: никогда не использовать губку повторно, не подвергнув её надлежащему мытью. Автор был осведомлен лицами, проводившими в этом деле опыты, что во время соития губка не ощущается ни одной из сторон и ничуть не уменьшает удовольствия. Напротив, наслаждение лишь возрастает, так как исчезает всякий страх перед пагубными последствиями. Один джентльмен провел эксперимент, применив губку втайне от женщины, и она оставалась в неведении до тех пор, пока предмет не был ей показан. Отсюда очевидно, что использование этого средства ради столь важной цели не сопряжено ни с чем неприятным.

Применение губки служит для женщины надежной защитой; однако существуют и иные средства, позволяющие избежать зачатия, которые должны применяться мужчиной. Первый из них заключается в ношении «кожицы» — того, что во Франции называют *baudruche*, а в Англии обычно именуют «перчаткой». Эти изделия продаются в лондонских публичных домах, официантами в трактирах, а также некоторыми женщинами и девушками в окрестностях мест общественных

собраний, таких как Вестминстер-холл и им подобных. Другой способ состоит в том, чтобы не допускать оплодотворения женщины, прибегая к частичному или полному извлечению в момент семяизвержения. Последний метод является более надежным; некоторые женщины, особенно на Континенте, делают его обязательным условием соития и смотрят на мужчину как на бесчестное животное, если он пренебрегает этим правилом.

Третий способ был принят и рекомендован определенными лондонскими анатомами. Он заключается в том, чтобы направлять семя в полость ниже матки, а не внутрь неё или на неё саму, путем взаимного отстранения или приподнимания тела в момент извержения. Теория данной практики может быть понята лишь специалистами или разъяснена с помощью анатомических таблиц. Хотя некоторые анатомы и утверждали, что этот метод эффективен, в целом он представляется сомнительным, поскольку основывается на допущении, будто для зачатия необходимо обязательное попадание семени непосредственно в саму матку.

Теории зачатия весьма разнообразны. Точный механизм этого процесса остается столь же неведомым современным анатомам и физиологам, каким он был для Аристотеля, Гиппократов или Галена. До сих пор он ускользал от любых изысканий, и едва ли остается надежда на его постижение, поскольку сами женщины не искушены в анатомии, а их личного опыта недостаточно для научного объяснения. Остается спорным вопрос, происходит ли оплодотворение у всех женщин совершенно одинаковым путем; к тому же ни одна из существующих теорий зачатия так и не объяснила появление двойни или тройни при одной беременности и родах. Даже точный способ, которым яйцеклетка попадает в матку, не описан с достаточной ясностью.

Вследствие нашего несовершенного знания о процессе зачатия, в вопросах его предотвращения мы можем полагаться исключительно на **практический опыт**. Эффективность использования губки в некоторых случаях ставилась под сомнение, в других же она признавалась бесспорной; из чего следует вывод, что различия в привычках или в анатомическом строении органов могут менять производимый ею эффект. Полное прерывание акта перед семяизвержением, безусловно, действительно во всех случаях, однако не все люди способны с легкостью его соблюдать. Частичное прерывание также эффективно для некоторых женщин, однако далеко не для всех.

Здесь не существует единого правила, и только опыт может подсказать, какая именно из мер предосторожности необходима в каждом конкретном случае. Предотвращение зачатия в тех ситуациях, когда оно нежелательно или способно причинить вред, позволяет избежать столь многих душевных терзаний и телесных страданий, что всем заинтересованным лицам надлежит сделать этот вопрос предметом особого изучения и неукоснительного соблюдения. В подобных мерах нет ничего противоестественного — не более, чем в защите от любого другого природного зла, будь то лихорадка, свирепая буря или хищный зверь. Здоровый

человек в значительной степени отличается от большинства животных: его желания и образ жизни побуждают его стремиться к близости во все времена года. И если излишества не доводят организм до истощения, то подобное бодрящее и приятное возбуждение лишь способствует укреплению здоровья.

Уничтожение плода после зачатия признается тяжким преступлением против законов страны. Пособничество или содействие в этом деянии карается столь же строго. Матери не дозволено губить свое потомство, даже пока оно находится в утробе. Закон защищает плод так же, как и уже рожденное дитя, и, если акт уничтожения будет обнаружен, за ним неизбежно последует наказание. Поэтому не стоит рисковать зачатием, допуская мысль о его последующем прерывании, ибо предупреждение зачатия столь же нравственно, сколь и законно, в то время как уничтожение плода — деяние унижительное, аморальное и противоправное.

Представления о непристойности и безнравственности, которые косные умы связывают с любым обсуждением вопросов половой близости, можно опровергнуть, обратившись к истории человечества. Она наглядно демонстрирует, что во всем многообразии обычаев разных народов преобладающая традиция всегда считалась мерилom нравственной правоты. В некоторых странах и в прежние века первейшим принципом гостеприимства было предоставление гостю полной свободы в отношениях с женщинами дома, и прежде всего — с супругой хозяина. Подобное до сих пор встречается в некоторых частях Европы. Известны случаи, когда американский индеец осыпал гостя ласками за то, что тот доставил удовольствие его жене, даже если заставлял их непосредственно в момент соития. У древних греков и римлян существовали храмы Венеры, где молодые люди могли утолять свои страсти, облачая это в форму религиозного поклонения. Если бы подобная религия была принята в каждой стране, мы бы не видели каждую третью женщину болезненной, чахоточной или несчастной лишь от недостатка плотской близости. И ни в каком ином отношении, кроме устройства этих храмов и поклонения Венере, мы бы не рекомендовали безоговорочное возвращение к обычаям древних народов в вопросах половых отношений. Напротив, мы стремимся к их совершенствованию. Мы бы желали поощрять истинную любовь повсюду, где она может послужить счастьем обоим полов. Мы не призываем современных женщин шествовать в процессиях, возглавляемых фаллосом; равно как не призываем мы и христианских дам сохранять крест как символ своей веры. Ибо этот крест есть лишь математическая эмблема того самого фаллоса, а фаллос — мужской орган зарождения — является символом животворящей силы животной и растительной материи. Это символ, на котором обожествленное начало разума всегда было и будет периодически распинаемо, дабы принять временную смерть и вновь воскреснуть к жизни. Стремясь сохранить нравственный дух любви, мы желали бы видеть её единственной религией государства, поскольку она не терпит сектанства. Мы бы очистили её от всего низменного, удалив всякое грубое

представление — каждую мысль, что не отличается высочайшей утонченностью, мудростью и моралью.

У тех, кто повязан узами старых обычаев, есть обыкновение клеймить как безнравственные любые теории и практики, идущие вразрез с их собственными убеждениями. Мы же, вводящие новые теории и новые практики, или возрождающие старые, которые, по нашему убеждению, не стоило предавать забвению, просим вас о перемирии. Мы призываем вас изучить вопрос прежде, чем осуждать; поразмыслить, взвесить и тщательно обдумать всё прежде, чем выносить решение; и там, где вы не можете доказать обратное, признать за нами чистоту побуждений. Люди, благодаря которым этот вопрос получил огласку в нашей стране — это люди зрелые, отцы семейств, чьи дети уже стали взрослыми мужчинами и женщинами. Это мужи безупречных нравов и глубочайшей эрудиции, выдающиеся политики и философы, равных которым едва ли знала история этой или любой другой страны. Их имена и репутация, описанные выше, известны почти в каждом уголке Европы и Америки; они видят в этом величайшее открытие из когда-либо сделанных человечеством — открытие, имеющее колоссальное значение для общественной морали и политики, для семейного счастья и социальной экономики.

Огромная польза и значимость этой меры могут быть сведены к следующим основным положениям:

- Во-первых, ни одна супружеская пара не должна иметь детей больше, чем она того желает и в состоянии содержать.
- Во-вторых, ни одна женщина, не обладающая крепким здоровьем, не должна производить на свет детей, которых невозможно выходить и которые подвергают опасности её собственную жизнь при родах; чтобы более не допускалось беременностей, обреченных на неудачу.
- В-третьих, нельзя допускать, чтобы рождались внебрачные дети там, где их не желает мать.
- В-четвертых, и в-последних. Чтобы интимная близость, когда она полезна и желанна, должна быть источником радости, не омраченной страхом зачатия, губящего надежды и счастье женщины.

Если этих доводов недостаточно, чтобы удовлетворить самый взыскательный ум, то остается лишь пожалеть о том невежестве — бесчувственном невежестве, — во власти которого этот ум томится. Мы все склонны испытывать потрясение, когда наши укоренившиеся представления подвергаются сомнению. Мы дорожим такими убеждениями, видя в них часть собственного бытия. Нам неприятно даже приступать к первому изучению доктрин, опровергающих привычное. Однако сама природа вещей, окружающих нас, такова, что мы подвержены постоянной смене привычек и взглядов; и всё, что требуется от нас, дабы обрести мудрость, — это свободно исследовать любую систему, мнение или явление, встречающиеся на нашем пути, вызывая они в нас интерес или же негодование. «Предрассудки, —

говорит Лекеню, изящный французский писатель, в своем труде под названием «Разрушенные предрассудки» (Les Préjugés Détruits), – рождаются из невежества и отсутствия раздумий; это те самые основы, на которых зиждется здание деспотизма. Вершина искусства тирана заключается в том, чтобы увековечить скудоумие нации, дабы сделать вечным её рабство и собственное владычество».

Буланже совершенно справедливо заметил: «Всякий человек гордится тем, что открыл новую истину». Мы гордимся этим открытием. И настанет день, когда им будут гордиться все мужчины и все женщины. Предрассудки многих могут быть оскорблены этой книгой; но мы полагаемся на время и наши, несомненно, благие намерения, которые со временем сгладят и обиду, и предубеждение.

Эта книга не чета тем гнусным, пагубным, вводящим в заблуждение и мошенническим изданиям, что обычно выставляются на продажу ради удовлетворения невежественно-болезненных наклонностей. Она не похожа на те сладострастные сочинения, которые, пусть и тайно, но повсеместно продаются почти в каждой книжной лавке. Подобные книги печатаются исключительно ради порочной и развращающей наживы и не являют собой ничего, кроме дурных примеров. Напротив, это сочинение, рекомендованное каждой женщине и по праву названное **«Книгой каждой женщины»**, является наставлением по одному из самых значимых вопросов, касающихся не только женщин, но и мужчин, а также благополучия отдельных семей и друзей, и даже всего общества в целом. Это книга физического, философского и нравственного наставления; она по праву заслуживает именоваться не только «Книгой каждой женщины», но и трудом, необходимым каждому человеку, достигшему возраста зрелости.

Настоящее издание представляет собой изложение основ одного из тех первоначал, благодаря принятию которых человеческое общество должно совершенствоваться. Человечество еще не выработало ни кодекса истинной морали, ни здравых физических принципов, которые позволили бы достичь **величайшего счастья для величайшего числа людей**. Мы выпускаем эту книгу как развитие одного из таких фундаментальных принципов и вверяем её суду потомков, дабы они рассудили о её достоинствах и значимости. Чутко сопереживая всему утонченному в человеческих чувствах, искренне желая оберегать эту деликатность и поощрять её везде, где это может служить благу – как одно из удовольствий, возвышающих само начало любви, – мы заявляем: мы чужды всякого намерения оскорбить это чувство. Настоящая публикация не преследовала цели нанести подобную обиду, ибо полезные сведения, заключенные в ней, не могли быть изложены иным, лучшим образом, чем это сделано здесь.

Свод материализма (1826)

«Что есть материализм? — вопрошает ревнитель религии или спиритуалист. — Не есть ли это нечто ужасное как система верований и порочное в своем применении?». Нет! Он представляет собой саму сущность добродетели и всего того, что несет благо человечеству. Это наука о материи. Это химия, геология, астрономия; и даже астрология является метафизической наукой о материи. Это наука о материи минеральной, растительной и животной; это наука о человеке и о любом другом живом существе, об их взаимных связях и об отношении каждого из них и всех вместе к миру растений и минералов. Спиритуализм — это легкое верие, призрачное и ложное, а потому и порочное; материализм же есть знание о материи, знание реальностей, и, как верно заметил Стюарт в прилагаемой лекции, он не допускает самого понятия «веры». Неверующего привыкли называть скептиком; однако истинный скептик — это именно верующий.

Да, христиане; да, спиритуалисты: вера и есть единственный подлинный скептицизм. Вера выражает сомнение. Знание же выражает убежденность, доказательную очевидность, к которой слово «вера» неприложимо. Вера знаменует собой состояние ума, еще не достигшего знания: такова вера спиритуализма. Материализм — это знание; знание, понимающее ту грань, на которой надлежит признать собственное невежество. Искреннее признание своего невежества и есть венец познания. Мы неразумны лишь тогда, когда рассуждаем о порождениях воображения, о которых нам известно только то, что они суть плоды фантазии. Мы неразумны не оттого, что невежественны, а оттого, что не желаем признать свое невежество. Незнание материи — естественное состояние человека; его мудрость — это лишь искусственное, эфемерное приобретение, и величайшее смирение, как и величайшее достоинство, которое он может проявить, — это осознать и исповедать свое незнание материи, стремясь при этом искусственно преодолеть его. Таков краткий очерк материализма; и посмотри, читатель, посмотри, христианин, какая это «ужасная» система!

Однако главная религиозная жалоба состоит в том, что подобного рода знание, это осознание собственного невежества, эта система материализма сокрушает все догматы религии. И это действительно так. В то же время она доказывает, что сокрушать их — мудро и добродетельно, поскольку они неизбежно ложны, а будучи ложными — порочны и вредны. До тех пор, пока не будет доказано, что для немногих мудро и правильно обманывать многих, живя в роскошной праздности за счет плодов их труда и этой системы обмана, — до тех пор религию нельзя добродетельно защищать, а материализму невозможно добродетельно противостоять.

Возгласы ужаса исходят от невежественных и легковверных в адрес людей более знающих; мудрые же никогда не восклицают так против невежд. Люди, находящиеся

в подлинном поиске знаний, могут изучать невежество других и сострадать ему, но они никогда не клеймят его как нечто чудовищное. Лишь там, где предрассудки невежества бывают потрясены вспышками света, поразительными доказательствами их несостоятельности или даже простым утверждением, что они беспочвенны, — лишь там звучат оскорбительные возгласы и вспыхивает неприязнь. Там, где невежество замыкается в себе и лелеет собственные привязанности, противясь доказательствам их ложности, — там мнения вызывают негодование и ведут к вражде между людьми. Там, где извлекается выгода из порочных институтов, воздвигаются гонения на развивающееся знание и на тех честных людей, что дерзают исследовать и открыто говорить о подлинной сути подобных учреждений. То же, что основано на истине и честных намерениях, не боится ни знаний, ни исследований; оно не ведает обид, не прибегает к преследованиям и с радостью совершенствуется, когда предлагаются пути к улучшению. **Таков Материализм.**

Материализм, как наука наук и источник искусств, хотя и охватывает самое сокровенное, является наиболее простой и понятной для юных умов наукой. Он должен стать отправной точкой в воспитании ребенка, а последним усилием старика должно быть стремление расширить его границы. Он не связан ни с чем метафизическим, в нем нет призрачных фантазий; и хотя человеческий разум не способен объять его целиком, он постоянно предстает перед этим разумом как объект, требующий дальнейшего изучения. Всё знание, вся мудрость человека заключены в науке Материализма. Он учит человека добродетели, объясняя ему материальный вред последствий порока. Будучи физическим в своем общем смысле, он охватывает и науку о морали. Истинный моралист обязан быть материалистом. Мораль выражает поведение человека по отношению к живым существам, к их притязаниям на собственность и к материальным основам животной жизни. Короче говоря, человек, не являющийся материалистом, — сущий нуль в том, что касается человеческого знания; он может обладать знанием лишь в той мере, в какой познает материю; он может быть морален лишь настолько, насколько осознает свои истинные обязанности перед живой чувствующей материей.

Френология (1826)

Эта наука является ветвью материализма и, как таковая — в той мере, в какой она опирается на прочие его ветви или на сами корни материализма, — будет пробивать себе путь вопреки любому сопротивлению. Её адепты заблуждаются лишь в тех случаях, когда пытаются привести её в согласие с ложными установлениями; например, когда заявляют об обнаружении «органа религии», в то время как сама религия ложна, противоестественна и целиком зиждется на химерах. Чтобы положить начало разбору этого предмета, следует пояснить читателю, не искушенному во френологии, что это наука о разуме, рассматривающая его как производное мозга, как развитие его способностей.

Френологи определяют склонности индивида, изучая форму мозга, которая проявляется в очертаниях черепа, его локальных выпуклостях и впадинах. Так, орган любви они помещают в нижней части затылка, или в том, что на техническом языке именуется мозжечком. Чуть выше на затылочной части, при наличии выпуклости, они находят орган любви к потомству или к детям вообще, который в их терминологии называется органом чадолюбия. Органы разрушительности и воинственности, то есть склонности к истреблению и борьбе, они находят в выступах над ухом и за ним. И так далее, пока ими не будут описаны все человеческие наклонности.

Должен, к слову, заметить, что чувственные или физические органы расположены в задней части головы, тогда как органы, отвечающие за нравственность и интеллект — в передней и верхней частях. У одних людей одна группа органов преобладает над другой, что порождает различные крайности в характере и поведении. У других наблюдается недостаток и тех, и других, что порождает общую апатию и безжизненность. У третьих же — избыток обеих групп, что сообщает характеру энергию в любых делах и превращает человека в арену борьбы между моральными и интеллектуальными силами с одной стороны, и физическими или чувственными — с другой. В любом случае, отличительные черты индивида проистекают из недостатков или же степени развития мозга. Таков общий очерк френологии.

Френология, как наука, имеет свои общества и места публичных собраний в различных частях страны. В Лондоне некий мистер Девилль, фабрикант ламп со Стрэнда, посвящает значительную часть своего времени популяризации этой науки и в определенные дни недели (один из которых — вторник) открывает свой дом для всех желающих бесплатно получить своего рода френологическое предсказание судьбы. Я использую слово «предсказание» лишь для сравнения и в настоящем времени, ибо мистер Девилль не притязает на знание будущего. Он описывает характер таким, каким тот, по его наблюдениям, проявляется в строении черепа; и в девяти случаях из десяти он оказывается прав.

В прошлый вторник, 11-го числа сего месяца, я был представлен в этом заведении одним из его подписчиков и инкогнито прошел процедуру френологического обследования. Войдя в комнату, отведенную для этой цели, мы застали двух дам и двух джентльменов, ибо всё здесь происходит публично. Одна из дам, по всей видимости, уже прошла осмотр, а другая как раз находилась под руками исследователя.

Полезность этой науки усматривается в том обстоятельстве, что она объясняет причины определенных страстей и предостерегает человека от недолжного потакания им, призывая нравственные силы к борьбе против сил чисто физических или чувственных. Мистер Девилль сообщил моему другу и мне, что одна из молодых дам, которую он только что осмотрел, будучи, вне всякого сомнения, добродетельной, находит затруднительным — вследствие преобладания у неё органа влюбчивости (или большого мозжечка) — сдерживать его силой своих нравственных качеств. Он привел в пример аналогичный случай, когда его пригласили осмотреть дочь баронета; тогда он выразил убеждение, что обычные истерические припадки у женщин возникают главным образом из-за борьбы между нравственными силами и неутоленными любовными чувствами. Я имел ясное понимание этого вопроса еще до того, как опубликовал свой небольшой труд о любви. И именно на этой нравственной почве я могу успешно защищать это издание от любых нападков ханжей и фанатиков с их староанглийскими понятиями. И это не говоря уже о многочисленных сопутствующих бедах, которые данная работа призвана предотвратить — таких как нежелательная и вредная беременность, детоубийство и многие другие печальные последствия удовлетворения любовной страсти, само по себе являющегося нравственно оправданным.

Когда подошла моя очередь подвергнуться френологическому осмотру мистера Девилля, мой друг проявил живейшее любопытство и даже некоторое нетерпение, желая узнать, что исследователь скажет о моем религиозном органе, или «органе почитания», как его теперь чаще называют. Мистер Девилль продолжал приписывать мне всевозможные добродетели, за исключением разве что скупости (органа стяжательства), и заключил, что мое религиозное развитие весьма значительно, что я не являюсь хулителем религии или чего-либо священного и что я обладаю всеми полезными религиозными качествами, избегая лишь той грани, за которой начинаются дикое суеверие или фанатизм. Эта френологическая ошибка была, впрочем, до некоторой степени смягчена его словами о том, что строение моего черепа обнаруживает характер, который не удовлетворится никакими доказательствами фактов или обстоятельств, помимо тех, что являются либо наглядными, либо основанными на аналогии.

Вряд ли стоит ожидать, что эта наука, пребывающая ещё в зачаточном состоянии, уже полностью свободна от заблуждений. Едва она стала известна или, вернее, едва начала привлекать внимание в нашей стране, я инстинктивно осознал: обнаружение «религиозного органа» само по себе было ошибкой религиозного

толка. Сама эта наука зиждется на материализме и неопровержимыми доказательствами уничтожает любые представления о духе или человеческой душе. В самом деле, френологи находят те же склонности, что присущи животным, в строении их черепа; тем самым они совершенно справедливо ставят весь животный мир на один и тот же фундамент в том, что касается их качеств. Эта наука окажет великую помощь нравственным силам человечества и значительно улучшит характер людей во всех отношениях, но, поступая так, она неизбежно станет разрушительницей религии.

Я осознал это свойство френологии при первом же знакомстве с ней, однако счёл благоразумным на время сохранить молчание — до тех пор, пока она не обрела в нашей стране подобие прочного положения. Я видел, как на неё ополчались некоторые нелепо набожные люди, и с жалостью улыбался, глядя, как иные френологи пытаются защитить свою науку, опираясь на религиозные доводы. **Френология наносит удар в самый корень религии** и служит новым непобедимым доказательством прочности основ учения, именуемого атеизмом или материализмом. Френология не допускает союза с деизмом или утверждением о существовании сверхчеловеческого разумного существа, способного сотворить разумных людей. Она не приемлет никакой идеи духа как чего-то отдельного от материи. Её доктрина гласит: разум есть следствие определенного устройства материи, а не некая субстанция, независимая от материального строения.

Если найдётся френолог, способный придерживаться иного взгляда на эту науку, я приглашаю его к дискуссии, дабы он показал мне, на чём основаны его воззрения. Если же сего не будет сделано, я должен приветствовать френологов как моих соратников и защитников того рода материализма, который определяется как атеизм.

За более подробными описаниями этой науки я отсылаю моих читателей к книгам, изданным френологическими обществами. Моя же задача здесь — лишь показать, что всё имеющее форму науки подтверждает выводы материалиста. Религия со всеми её институтами, со всеми её церквями, установленными законом, более не подлежит защите и должна пасть перед силой истинного знания, подкреплённого свободной дискуссией. Догмат о персонифицированном духе уничтожен, а с ним — и последняя надежда поборников религии. Тщетно поддерживать догму о разумном Боге, пока не будет представлено доказательство существования персонифицированного духа, каковое ныне оспаривается.

КОНЕЦ